

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 1(27)
2023**

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2023

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского Общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Law, Professor

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЦЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department «State and Municipal Law», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Российская Федерация

Официальная информация

- 9 ВАК уполномочена заявить

Теория права

- 11 Ю.А. Веденеев

Юриспруденция в концептуальном и дисциплинарном контекстах

Конституционное право

- 28 А.Г. Головин

Делегирование власти народом в зеркале практики конституционного суда (теоретико-методологические аспекты)

Избирательное право

- 47 И.Б. Борисов, В.И. Лысенко

Избирательные права в системе прав человека и гражданина. Правовые приоритеты

- 65 И.И. Макаров

Прощание с муниципальными избирательными комиссиями

Избирательный процесс

- 76 Н.В. Перевышин

Общественные выборы как основа демократизации в России

Политические технологии

- 92 И.И. Абылгазиев, М.Ю. Кошмаров, А.В. Манойло, А.Ю. Трубецкой

Политические технологии и пропаганда в контексте глобальных революционных трансформаций

- 109 Е.В. Колокольцева

СМИ как инструмент информационного противоборства (на примере украинского кризиса)

Актуальная трибуна

- 117 П.А. Цыганков, Л.Э. Слуцкий

Дискурс о борьбе демократий против автократий как новое издание теории демократического мира

- 126 К.С. Стригунов

Контрмеры России в геокультурном конфликте с коллективным Западом

- 143 В.А. Оленченко

Политические технологии отделения от СССР как источник современной антироссийской политики стран Прибалтики

Продолжение темы

- 159 И.Г. Чистобородов

Характеристика управленческих решений в общественно-политической сфере

За рубежом

- 167 **С.Г. Караваев, И.И. Мушкет**
Международное наблюдение за внеочередными выборами президента Республики Казахстан: подходы миссий СНГ и БДИПЧ ОБСЕ

Мировая практика

- 179 **М.А. Иванченко**
Отношения Латинской Америки и Китая в условиях глобализации

Связь времен

- 187 **В.П. Волков**
Историческая роль СССР в отечественной и всемирной истории

Реплика

- 197 **В.В. Сошников**
Предвыборная программа — основной ресурс избирательной кампании или проблема политических партий

- 203 Сведения об авторах

Official Information

- 9 The Highest Attestation Commission is Authorized to Declare

Theory of Law

- 11 **Y.A. Vedeneev**
Jurisprudence in Conceptual and Disciplinary Contexts

Constitutional Law

- 28 **A.G. Golovin**
Delegation of Power by the People in the Mirror of Practice of the Constitutional Court (Theoretical and Methodological Aspects)

Electoral law

- 47 **I.B. Borisov, V.I. Lysenko**
Voting Rights in the Human Rights System and a Citizen. Legal Priorities

- 65 **I.I. Makarov**
Farewell to Municipal Electoral Commissions

Electoral Process

- 76 **N.V. Perevyshin**
Civic Elections as the Basis of Democratization in Russia

Political Technologies

- 92 **I.I. Abylgaziev, M.Y. Koshmarov, A.V. Manoilo, A.Y. Trubetskoy**
Political Technologies and Propaganda in the Context of Revolutionary Transformations

- 109 E.V. Kolokoltseva**
The Media as a Tool of Information Confrontation
(on the Example of the Ukrainian Crisis)
- Actual Tribune**
- 117 P.A. Tsygankov, L.E. Slutsky**
Discourse on the Struggle of Democracies Against Autocracies
as a New Edition of the Theory of the Democratic World
- 126 K.S. Strigunov**
Russia's Countermeasures in the Geocultural Conflict with the Collective
West
- 143 V.A. Olenchenko**
Political Technologies of Separation from the USSR as a Source of Modern
Anti-Russian Policy of the Baltic Countries
- Continuation of the Topic**
- 159 I.G. Chistoborodov**
Characteristics of Managerial Decisions in the Socio-political Sphere
- Abroad**
- 167 S.G. Karavaev, I.I. Mushket**
International Observation of the Early Presidential Election in the
Kazakhstan of Republic: Approaches of the CIS and OSCE ODIHR Missions
- World Practice**
- 179 M.A. Ivanchenko**
Relations Between Latin America and China in the Context of Globalization
- The Link of Times**
- 187 V.P. Volkov**
Historical Role with the USSR in National and World History
- Remark**
- 197 V.V. Soshnikov**
The Election Program – the Main Resource of the Election Campaign
or the Problem of Political Parties
- 203 Our Authors**

ВАК УПОЛНОМОЧЕНА ЗАЯВИТЬ

Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (ВАК) проведен масштабный анализ Перечня рецензируемых научных изданий по состоянию на 31 декабря 2021 года, по итогам которого разработан и утвержден механизм проведения экспертной оценки научных журналов для распределения по категориям, включающий в себя две составляющие: количественную (наукометрические показатели); и качественную (экспертную).

В числе количественных показателей учитывались Science Index, индекс Херфиндала-Хиршмана, индекс Джинни, средний индекс Хирша авторов, 10-летний индекс Хирша издания, среднее число просмотров в среднем на одну статью за год.

Среди качественных параметров рассматривались характер и уникальность материалов, уровень авторитетности авторов, организация рецензирования и учредитель издания.

Журналы, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий, были выстроены по коэффициенту научной значимости, распределены по категориям на три большие группы в соотношении К1–25%, К2–50%, К3 – 25%, а затем рассмотрены профильными экспертными советами ВАК. Таким образом, эксперты, работавшие над проектом, смогли учесть произошедшие в период геополитической трансформации перемены и создали условия российским ученым для продолжения своей деятельности и повышения статуса в избранной научной области.

По итогам исследования, проведенного экспертными советами по каждой научной специальности¹, журналу «Гражданин. Выборы. Власть» присвоена категория К1, наряду с такими авторитетными журналами, как «Государство и право», «Гражданское право», «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета», «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of Foreign Legislation and Comparative Law», «Государственное управление. Электронный вестник (E-journal «Public Administration»», «Правоведение», «Право и управление XXI века» и другими.

В итоге статьи, публикуемые в нашем издании, по своему статусу приравниваются к материалам, размещенным в журналах, внесенных ранее в международные базы, и становятся допуском к защите кандидатских и докторских диссертаций.

¹ Согласно новой номенклатуре, утвержденной приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 года № 118, шифры научных специальностей и соответствующих им отраслей наук в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» изменены:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (новый шифр 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки);

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (новый шифр 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки);

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (новый шифр 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии).

Библиометрические параметры журнала «Гражданин. Выборы. Власть» свидетельствуют, что численный показатель цитируемости статей издания — двухлетний импакт-фактор РИНЦ (с учетом цитирования из всех источников), *увеличился более чем на 250 пунктов*; за предыдущие два года число просмотров статей журнала пользователями электронной библиотеки eLIBRARY.RU, где в том числе размещается электронная версия всех выпусков, *выросло на 31 процент*.

За этот же период журнал «Гражданин. Выборы. Власть» практически в два раза улучшил свои позиции в рейтинге российского Science Index — аналитической системы, позволяющей сравнивать библиометрические показатели изданий. Уточним, что главная задача данной системы заключается в максимально полном охвате всех научных публикаций отечественных авторов и их объективной оценке на основе цитирования; ею учитываются не только статьи из российских профильных журналов, индексируемых в РИНЦ, но и материалы зарубежных изданий вместе с другими типами научных публикаций (монографий, материалов конференций, диссертаций, патентов и других изданий). В настоящее время база данных РИНЦ — это один из главных источников информации для расчета показателей эффективности научно-исследовательской работы организаций.

Согласно статистическим отчетам eLIBRARY.RU активнее всего на наше издание ссылаются студенты, аспиранты и преподаватели Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В заключение считаем необходимым довести до сведения авторов и читателей нашего издания еще одну, на взгляд Редакционной коллегии и Редакции весьма значимую новость: с 2023 года в целях оптимизации и упрощения работы по мониторингу журналов из Перечня ВАК, а также по проведению их перспективного ранжирования на базе Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (ФГБУ РИЭПП), *журнал «Гражданин. Выборы. Власть» будет также зарегистрирован в Базе данных Российских научных журналов (БД РНЖ)*.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ И ДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТАХ

***Аннотация.** Тема статьи касается вопросов эволюции юриспруденции в определениях языка социокультуры своего исторического времени. Среди факторов изменений правовой аналитики и стиля аргументации ключевое место занимает категория-понятие «концепт». Концепты выражают базовые представления, касающиеся ментальных и когнитивных оснований развития права и науки права. В составе подходов в изучении права и науки права особое место занимает культурно-историческая юриспруденция, аналитический инструментарий которой предназначен для выявления, описания и объяснения концептуальных и институциональных сдвигов и переходов в развитии правовых систем. Каждая историческая эпоха эволюции права и науки права существует и определяет себя в рамках своей юридико-психологической картины мира, ее базовых концептов и нормативной грамматики должного или недолжного правопорядка.*

***Ключевые слова:** культурно-историческая юриспруденция, правовые институты и концепты, юриспруденция мифа и логоса, фазовые трансформации права и науки права, язык и стиль классической и постклассической юриспруденции, онтология и эпистемология права.*

JURISPRUDENCE IN CONCEPTUAL AND DISCIPLINARY CONTEXTS

***Abstract.** The topic of the article concerns the evolution of jurisprudence in the definitions of the language of socioculture of its historical time. Among the factors of changes in legal analytics and the style of argumentation, the key place is occupied by the category-concept of concept. Concepts express basic ideas concerning the mental and cognitive foundations of the development of law and the science of law. As part of the approaches to the study of law and the science of law, a special place is occupied by cultural and historical jurisprudence, analytical the toolkit of which is designed to identify, describe and explain conceptual and institutional shifts and transitions in the development of legal systems. Each historical epoch of the evolution of law and the science of law exists and defines itself within the framework of its legal and psychological picture of the world, its basic concepts, and the normative grammar of proper or improper law and order.*

***Keywords:** cultural and historical jurisprudence, legal institutions and concepts, jurisprudence of myth and logos, phase transformations of law and the science of law, language and style of classical and postclassical jurisprudence, ontology and epistemology of law.*

Постановка вопроса

Современное состояние в развитии юридической науки нуждается в глубокой предметно-методологической ревизии и реконструкции. Позитивистская версия понимания права, закрытая для изменений своего категориально-понятийного языка, исчерпав свой аналитический ресурс, судорожно ищет концептуальные основания сохранения своего статуса официальной схоластики. Существующая дисциплинарная структура юриспруденции продолжает воспроизводить бесперспективную логику содержательной и структурной эволюции дисциплины как апологии формального правопорядка. В полной мере этот момент развития отечественной юридической науки как в предметном, так и методологическом аспектах демонстрируют базовые учебные курсы по теории государства и права. Ни узкий, ни широкий взгляд на природу права, ни иные вариации на тему нового правопонимания (*концепта, эпистемы*) не меняют язык, проблематику и структуру классической юриспруденции, ее консервативную, формально-догматическую логику изучения государственно-правовых институтов. Начиная с первого систематического учебника [1] и вершины теории советской юриспруденции [2], завершая современными версиями дисциплины [3; 4; 5], базовый юридический язык — правовые категории, понятия и конструкции — сохраняет свои санкционированные значения. Заключение в нем юридическое знание, едва различимое по тематике и аргументации, не может выйти из заданного круга элементарных определений языка своего предмета (*закономерностей*), не меняя исходной этатистской парадигмы концептуализации феномена государства и права [История юриспруденции — это не то, что сказано о праве, а то, что еще не сказано. Действительный предмет науки — неизвестное. Современная юридическая наука продолжает пребывать в том состоянии, которое Э. Гуссерль обозначил как *остаточный позитивизм*, в котором нет места метафизике, то есть высшим и последним вопросам человеческого существования не только как эмпирического факта, но и метафизической ценности. См.: 6, с. 23].

Трехэлементная конструкция состава дисциплины, включающая мета-теоретическое введение в предмет (*философия права*), формальные дефиниции и понятия теории (*правовая аксиоматика и догматика*) и технику прикладного анализа (*толкования права*), сохраняя свое рабочее значение, требует более продвинутой концептуальной и инструментальной перспективы своего развития и воспроизводства. Объекты юриспруденции — сложные, многосоставные и многоуровневые динамично развивающиеся институты. Юридические знания, являясь структурной частью правовой реальности, как по своему практическому значению в процессах правообразования и регулирования социальных отношений, наряду с правовыми доктринами и ценностями, так и своему аналитическому статусу в общей системе социальных наук, должны отвечать актуальной потребности расширения своего предмета и методов анализа.

Юриспруденция, так же как общие элементы правовой онтологии и аксиологии, должна быть объектом научной рефлексии. Сами по себе именованная корпуса юридических дисциплин общеправового профиля — теория государства и права, теория права и государства, общая теория или энциклопедия государства и права, классическая и неклассическая теория, и тому подобное, ни о чем не говорят [см.: 7]. Скорее свидетельствуют об исчерпанности наличной эпистемологии дисциплины, а не открытия ее новой категориальной, концептуальной и аналитической перспективы. Язык позитивной юриспруденции застыл в системе понятий и конструкций, ограничивающих возможность выхода за рамки принятых представлений. А фактически — санкционированных самим юридическим научным сообществом, догматических определений и правоположений. Язык права, несмотря на формальные констатации наличия в его структуре метаязыка, концептуального и практического, остается периферийной темой и проблемой современной юриспруденции [8, с. 17–18; 9; Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка юридических текстов, следует отметить абсолютную недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не язык формальных высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это — культурная грамматика насыщенных воображением и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, то есть юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативно-правовых актов, право — это то, в чем и чем живет текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства. См.: 10]. Стандартные рассуждения о языке права и языке науки права не выходят за рамки элементарных лингвистических конструкций понимания своего предмета.

Возможности переопределения традиционной схемы построения юридической теории языка лежат в плоскости включения в ее состав в качестве предметного ядра изучения этносоциального и культурно-исторического контекста возникновения и развития государственно-правовых институтов [11], современных языков социального общения, социокультурных и когнитивных оснований и форм воспроизводства правовой системы и ее составной части — системы юридических знаний. Решение вопроса связано с пониманием элементарного факта. Социальные, политические, культурные и правовые практики как в своей феноменологии, так и эпистемологии, определяются смыслом коллективного и индивидуального, а сегодня — и информационно-сетевого человеческого существования. А это уже предмет культурно-исторической юриспруденции в ее трех дисциплинарных и аналитических измерениях: антропологии права, структурной и эволюционной социологии права и когнитивной юриспруденции. Именно на пересечении этих областей анализа и знания может быть выстроен

фундамент современной юриспруденции — новой интегральной эпистемологии юридической науки.

Этот концептуальный вызов все еще ждет своего адекватного концептуального ответа, поскольку изменения в системе междисциплинарных связей лежат в основании изменений аналитического языка теоретической юриспруденции [12]. Именно язык культурно-исторически ориентированной юриспруденции позволяет под новым комплексным углом зрения увидеть скрытые, глубинные основания и условия кризисов в развитии государственно-правовых институтов. А также цивилизационных различий в нормативных, доктринальных и аналитических практиках организации и функционирования систем социального, политического и правового общения, в том числе в механизмах их социокультурной легитимации. Они определяются пониманием нормативных границ сосуществования отдельных правовых систем в исторически различных культурах обменов и заимствований институтами и представлениями об институтах.

Юриспруденция в культурно-исторической перспективе

Культурно-исторический конструкт (*эпистема*) в изучении соционормативных систем и процессов позволяет уйти от классических (объективистских) моделей описания и объяснения права и избежать крайностей радикальной версии самоопределения юридической науки — постюриспруденции или юриспруденции без государства. В основании культурно-исторического концепта юридической действительности лежат социогуманитарные (*аксиологические и антропологические*) факторы и условия развития и функционирования систем социального общения. Аналитическое значение социокультурного измерения эпистемологии права может быть выявлено формулой «*отношение к отношениям*». То есть описания и объяснения нормативных практик развития и воспроизводства права в рамках бинарной оппозиции признания или непризнания, понимания или непонимания их действительного смысла и назначения. Все составляющие процесса институционализации и концептуализации правовой реальности — социогенез, нормогенез и культуругенез — определяются культурно-историческими условиями человеческого существования и общения. Правовая реальность — это прежде всего и по определению социокультурная реальность, она пронизана человеческими ожиданиями и настроениями, переживаниями смысла существования (индивидуального и коллективного), ценностными императивами и определениями сущего. В этой логике оценивания своего места и роли в практиках социально-правового общения именно категории *признание* и *понимание* формируют рамочные границы и соционормативное ядро реальных и потенциальных практик и траекторий возможных изменений систем правовой регуляции. Они образуют интегральную часть юридического концепта действительности, соединяя в себе феноменологические, ментальные и когнитивные основания правовой

реальности, социальное и нормативное в ее отражениях через восприятие, переживание и оценивание субъектами-актерами социальных предпочтений, мотиваций и действий.

Юридическое качество концепта *признание-понимание* заключено в его социальной и культурной нормативности. Признание лежит в основании определения аксиологического статуса (практической ценности) наличных, актуальных и потенциальных юридических форм, методов и способов правовой организации социальных отношений в их общей системе. В этом плане социальный кризис есть кризис нормативности и рациональности выбора и квалификации социального порядка в качестве правопорядка. Культурно-историческая генеалогия концепта *признание-понимание* заключена в самой соционормативной реальности, определяющей в конечном счете глубинные основания права как такового. А именно — является социокультурной по своей сути, наряду с языком и религией, формой существования и самоопределения исторического человека. Действительное право живет в форме представления о праве, нагруженного предметными, ценностными и нормативными смыслами и значениями. Различные культуры характеризуются различными представлениями о праве — его источниках и языке, содержании и границах юридической ответственности.

Культурно-историческое измерение права позволяет совместить в своих определениях и значениях как постоянные, инвариантные признаки данного феномена, так и конкретные, исторически меняющиеся. То есть его правовую онтологию и аксиологию, юридическую антропологию и социологию. Эволюция правовых систем привязана и к эволюции и системам социального общения, и системам представлений о должном или недолжном поведении. То есть пониманию-признанию того, что есть правомерное или неправомерное в той или иной социокультуре нормативного общения. Поэтому определения исторической и социальной психологии имеют фундаментальное значение в исследовании реальной логики развития различных систем соционормативной регуляции в догосударственно-правовых, переходных и государственно-правовых социальных системах, их нормативного языка и символов, семантики и семиотики, структуры и функций. Именно этим и объясняется теоретическое и практическое значение языка антропологически и социологически ориентированной перспективы в развитии юриспруденции.

Правовая реальность, основанная на понимании-признании должного и недолжного порядка отношений, — это одновременно и различения своего и чужого языка в практиках социального общения. Язык культурно-исторической юриспруденции позволяет не только и даже не столько проводить границы своего и чужого права, но прежде всего дает возможность понять и верифицировать границы экспансии других правовых систем в сферу собственных отношений и интересов и обеспечить их развитие и воспроизводство в рамках своей политико-правовой культуры и юридического

суверенитета. Культурно-историческая юриспруденция, позволяя выйти за концептуальные и аналитические рамки позитивистской версии понимания права и разрабатывая свой язык правовых значений, способствует воспитанию толерантного отношения к различным социокультурным традициям и практикам. И прежде всего — пониманию сложной архитектуры разнообразных юридических картин мира, выражающих юридическое лицо и ландшафт современного миропорядка.

Культурно-историческая юриспруденция как научная дисциплина имеет генетическую связь с общеотраслевыми и отраслевыми правовыми дисциплинами, сравнительным правоведением и правовой политикой. Она не претендует на статус общей теории и методологии права. Ее целевая аналитическая функция заключена в разработке представлений об исходных правовых основаниях жизнедеятельности человека различных систем социального общения, традиционных, переходных и современных обществ. В этом смысле культурно-историческая юриспруденция является теорией понимания и репрезентации юридического как сферы существования и реализации различных форм человеческой субъектности в юридических определениях исторического времени и исторического пространства. Культурно-историческая юриспруденция и ее базовый концепт *правовой плюрализм практик нормативного регулирования социальных отношений* играют роль методологии понимания пределов возможной унификации национальных правовых систем и в условиях формирования, и в условиях кризиса глобального правопорядка.

Концептуальный статус теории права

Теория права — составная часть юридической науки, образует понятийное основание ее аналитического языка. Определение места дисциплины в общей структуре юридического знания продолжает быть актуальной темой и проблемой современной юриспруденции. Она всегда занимала эксклюзивное положение в марксистско-ленинской правовой доктрине и санкционированной ею одноименной научной и учебной дисциплине. В итоге была выстроена жесткая и идеологически унифицированная система и структура дисциплины, ее предмета, научного словаря, номенклатуры основных подходов и проблем скорее доктринального, чем аналитического разрешения. Представляется возможным вынести на обсуждение ряд тезисов, характеризующих отдельные этапы в эволюции подходов в определении теоретико-методологического статуса теории государства и права через реконструкцию ее эпистемических отношений с дисциплинарным кластером социально-политических наук. Не касаясь вопроса выявления содержательной глубины формальных конфигураций теоретической юриспруденции, таких как теория права и государства или теория государства и права, скорее концептуальные заклинания, чем их общая теория, узкое или широкое понимание предмета дисциплины, можно отметить следующее.

Традиционная версия понимания концептуального статуса дисциплины в духе бюрократического администрирования везде и во всем провозглашает, идеологически мотивируя ее предназначение быть альфой и омегой в объяснении фундаментальных закономерностей государственно-правового развития. В рамках данного подхода получила свое доктринальное обоснование иерархическая модель построения системы юридической науки, поскольку бюрократическая картина мира во всем видит только объект собственной организации и управления. Теоретическая юриспруденция рассматривается в качестве нормативной, идеологически фундированной дисциплины, содержание которой образуют рамочные директивные определения предмета и языка остальных правовых дисциплин в наличном корпусе юридической науки. Теория государства и права предстает в этом определении в качестве *прескриптивного* текста, предписывающего, оформляющего и оценивающего конкретное юридическое знание на предмет его классовой достоверности, истинности и обоснованности. Остальные ответвления юридической науки в данной модели тотальной унификации и контроля юридического знания образуют нижний уровень дисциплинарной иерархии. То есть вторичны относительно доктринального ядра общей и единственной для всех официальной теории государства и права. Ее конечный результат в полной мере выявил себя в унылом однотонном пейзаже учебной литературы, повторяющей и воспроизводящей десятилетиями как молитву классовые символы концептуальной веры¹.

Новая редакция юридического вероучения сегодня воспроизводит себя в более гибкой и структурированной аргументации, получившей весьма многообещающее наименование *интегративная юриспруденция*. Что не изменило исходную идеологему позитивистского правопонимания, поскольку являлось по своей сути предметным и доктринальным продолжением взгляда на юридическую науку как вертикально организованную систему юридических понятий и конструкций, особенно в части определения взаимных

¹ Завершенное в себе выражение юридической Теологии, выработанное на крупнейшем Соборе представителей советской юридической мысли в 1938 году и заключившее понятие права в рамки Канонической формулы: «Право — совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и *развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу*» [13, с. 40–41]. Здесь представлено все: и доктринальная манифестация позитивизма в его эгатистской версии абсолютной веры, надежды и любви в магическую силу любых решений государства; и воплощение шопенгауэровской формулы мира как воли и представления в редакции никем и ничем неограниченной власти в законоположениях единственно верного учения. Господствующая идеологема победившего все и вся класса продолжает до сих пор с известными вариациями на тему конституционной государственности сохранять и охранять свое концептуальное и формальное наследие. Можно бесконечно долго ходить вокруг да около, размышляя на тему государства граждан, оформивших свои отношения в определениях конституции — своего рода политико-правовом контракте, забыв при этом, что исходным основанием политического соглашения выступает доверие государству. Доверие не безгранично. Сегодня оно есть, а завтра его может и не быть. Это рано или поздно расходуемый культурно-психологический феномен.

отношений между государством и правом. Для придания концептуальной новизны новому формату главной юридической науки в иерархии юридических дисциплин была развернута абсолютно бессодержательная дискуссия по вопросу различения понятий «интегральная юриспруденция» или «интегративная юриспруденция».

Концепт *интегративная юриспруденция* безусловно имеет право на существование прежде всего в плане открывающихся возможностей реформирования дисциплинарной структуры формально-догматической юриспруденции. Сама по себе задача обнаружения и формулирования новых смыслов и значений в понимании предмета и структуры науки права, а также ее аналитического языка и междисциплинарных связей в общей системе социальных, политических и гуманитарных наук, демонстрирует позитивные сдвиги в развитии теоретической юриспруденции. И, как следствие, предполагает формирование и проектирование новых правовых онтологий и эпистемологий. Все иное в понимании ее теоретико-методологического статуса будет ориентировано на сохранение стандартного этатистского нарратива (догматики и аксиоматики) суждений о праве и государстве в их взаимных отношениях и определениях. Ахиллесова пята интегративной юриспруденции по сравнению с догматической прозрачностью ее дисциплинарной альтернативы состоит в неопределенности ее действительного предмета. Проблема в том, что главный предмет изучения в манифестируемой ее собственным наименованием конструкции и важнейшее основание ее аналитического развития — разработка нового дисциплинарного комплекса и категориально-понятийного языка дисциплины. Причем не с точки зрения интеграции отдельных аспектов ее общего объекта, а перехода от изучения государства и права к изучению самой дисциплины, а именно ее собственных концептуальных и аналитических оснований. Переход к поиску, изучению и созданию интегративной эпистемологии науки права не состоялся, по крайней мере, вплоть до настоящего времени.

Юридическая наука в целом и ее теоретическая составляющая — одна из форм существования и развития правовой реальности. Это концептуальная и языковая реальность со своей внутренней (*структурной*) и культурно-исторической (*эволюционной*) логикой ее становления и воспроизводства. Теория права в своей собственной онтологии и эпистемологии обнаруживает себя и выражает себя в системе правовых категорий и представлений, понятий и определений, юридических конструкций и аргументаций. В этом плане аналитический язык юриспруденции в ее собственной догматике и аксиоматике объективно насыщен переживаниями и оценками должного и недолжного в порядке отношений, составляющими юридическую картину мира в целом и правопониманием конкретной исторической эпохи, в рамках которых конституируется заданный концептуальный формат и юридической теории, и юридической практики. Разумеется, процессы концептуализации предметов юриспруденции, их

динамика и структуры носят комплексный характер и протекают в системе культурно-исторических, эпистемологических и аксиологических координат данного исторического времени и места. Пересечения и заимствования общеметодологических и операциональных подходов в понимании границ и содержания своего собственного предмета и структуры как со стороны теории права, так и со стороны дисциплин социально-политического и гуманитарного комплекса носят циклический и взаимный характер. Обмен языков протекает зачастую спонтанно и на различных этажах аналитической рефлексии.

Логика и траектории практических вызовов и научных ответов не заданы изначально, но постоянно выявляют себя в процессах консервации старых и появления новых концептуальных решений. В этой связи вполне объяснимо становление в общем корпусе юридической науки, наряду со стандартным комплексом юридических дисциплин — историей государства и права — институтов (*историческая юриспруденция*), философии права и истории политических и правовых учений — доктрин (*доктринальная юриспруденция*), истории и методологии юридической науки — юридических знаний (*когнитивная юриспруденция*). В этом плане безусловный общенаучный интерес представляет такой феномен и формат юридической науки и теории права, как постюриспруденция или теория науки права, активно разрабатываемая отдельными представителями петербургской и московской школы права. Ее исходная познавательная парадигма ориентирована в отличие от неклассической, а тем более классической юриспруденции на изучение прежде всего самой юридической науки, ее онтологии и эпистемологии. То есть метатеоретических и концептуальных оснований дисциплины. Предмет постюриспруденции — юридическая наука во всех предметных и эпистемических проявлениях практического и теоретического языка, языка права и науки права. В этом аспекте своего концептуального статуса постюриспруденция это ничто иное, как теория о теории науки права или метатеория.

Историческая фаза саморефлексии на предмет самое себя выражает кардинально новую ступень теоретико-методологической эволюции научной дисциплины. Это по существу и был ответ на концептуальный кризис формально-догматической юриспруденции. Этот момент или парадигмальный сдвиг в понимании и расширении предмета теории права дает основание признать глубинный характер становления новой формации систем юридических знаний. Ее проблемное ядро составляет разработка теории междисциплинарных связей в системе социально-политических и гуманитарных наук, в рамках которой предметы и методы взаимоопределяют и конституируют друг друга. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Предмет обнаруживает себя через метод, а метод заключен в самом предмете. Собственный предмет и методы теории права выражают себя в языке юриспруденции, категории с меняющейся

исторически знаниевой формой и содержанием, производной функции междисциплинарных связей. Юридический язык обладает магическим свойством: он не только и не столько отражает правовую реальность в ее определениях и понятиях, — он ее замещает и производит. Именно здесь и заключено основное содержание вопроса взаимных отношений концептуальных заимствований и обменов между собственно теорией права и ее аналитическими референциями — антропологией и социологией права, юридической лингвистикой, политической юриспруденцией и правовой психологией. Это концептуальный симбиоз. Именно в нем, подвижном собственной культурно-исторической логикой воспроизводства права и науки права, позволительно увидеть те аспекты и моменты правовой реальности, которые лежат за предметными рамками догматической юриспруденции и иных аналитических версий классического и неклассического правопонимания. Именно разработка данной темы и проблемы составляет актуальное направление новой постклассической юриспруденции.

Юридический концепт действительности

Особое место в новой аналитике и методологии изучения развития правовых систем современной юриспруденции (*Инновационной юриспруденции*) занимает понятие-категория концепт. *Концепты* являются структурными элементами культурного механизма развития правовых систем. Как и любое явление социокультурного порядка, данная категория имеет свою историческую биографию: *эйдосы Платона* [14], *монады Готфрида Лейбница* [15], *стереотипы Уолтера Липпмана* [16], *гештальты Освальда Шпенглера* [16] и *Эрнста Юнгера* [18], *габитусы Пьера Бурдьё* [19], *эпистемы Мишеля Фуко* [20], *цивилизационные паттерны Йохана Аронсона* [21] — все это проявления и исторические маркеры ментальной и когнитивной природы языка права. Сознание, отражая реальность, в определениях своей культуры, рефлексивует феномен права в рамках глубинных оснований существования и заложенной в нем языковой картины мира своего исторического времени [см.: 6]. Отсюда закономерно включение в механизм генезиса правовых систем такой составляющей процесса и оснований развития права как концептогенез:

нормогенез — правогенез;

этногенез — социогенез — культурогенез — *концептогенез*;

политогенез — государствогенез.

Концептогенез характеризует развитие правовых систем (институтов и ценностей) в *восприятиях, переживаниях и отношениях* к праву. То есть концепты включают в себе *регуляторные понятия* в определениях права своей социокультуры. В этом аспекте концепты являются ментальными основаниями и источниками развития права. Они получают свое выражение и связаны также с правопониманием или базовыми представлениями о природе и источниках права. В этом аспекте концепты — *когнитивные*

основания и подходы в изучении права, то есть заключают в себе и *аналитические понятия* или *свои языки* описания и объяснения права.

Право как реальность не только *существует* в системе институтов, но также *изучается* в предметной логике правопонимания своей эпохи. В рамочных определениях культурного гештальта право переживается и оценивается в положительных или отрицательных коннотациях, познается и изучается в адекватной или неадекватной аналитике исследуемому явлению. Восприятие права и изучение права являются важнейшими моментами существования и развития языка права и языка науки права.

Право как социальная категория и институт отражает и выражает психологию своего исторического времени. В терминах дискурсивной логики К. Маркса право — это не что иное, как *опредмеченная* коллективная психология общества. Факт исторического существования права лежит в дефинициях культуры или социокультурной психологии определенной эпохи. Либеральное, гражданское или социальное право в различных модусах и модальностях своего институционального и нормативного выражения, а именно *императивное или диспозитивное право, жесткое или мягкое* право — проявления правосознания и правовой культуры конкретного общества. То есть социальной психологии своего исторического времени и места. Институты существуют в рамках *юридико-психологических картин мира* определенной исторической эпохи. Это предметы культурно-исторической юриспруденции и психоанализа в логике языков *инициаций* Зигмунда Фрейда [22], *архетипов* Карла Юнга [23], *симулякров* Жана Бодрийяра [24], *политических спектаклей* Ги Дебора [25] и *культурных пространств* Анри Лефевра [26].

Именно в этом смысле право — это не только институциональная реальность. Поскольку институты одновременно переживаются и осмысляются, это также ментальная и когнитивная реальность. Поэтому важнейшим элементом понимания онтологии правовых институтов являются рамочные базовые представления о власти и нормативном регулировании или *концепты*. Своего рода доктринальные ядра политического и юридического развития соционормативных, в том числе правовых систем. Концепты выполняют двойную регуляторную функцию в механизме развития права и науки права. Во-первых, в определениях границ аналитического языка юриспруденции. Во-вторых, в определениях границ предметов правового регулирования. В-третьих, в определениях состава и структуры источников действующего права. Поэтому право по факту и понятию — это *концептуальная реальность*. Категория «концепт» выражает коллективные представления и переживания феномена права на языке, в терминах и определениях исторической и культурной эпохи его существования. В этом смысле право — это и *концептуальная, и языковая реальность*.

Категория «концепт», наряду с категорией «институт», составляет вторую базовую аналитико-тематическую единицу изучения процессов

государственно-правового развития, поскольку оно определяется нормативными представлениями о должных формах организации власти и нормативного регулирования. Опираясь в исследовании явлений государства и права определенным языком, терминологией и логикой рассуждений, важно обозначить их положение как в общей системе научной дисциплины, так и в рамках конкретно-исторической юридической картины мира. Концепты лежат между категориями и понятиями, между социально-нормативными фактами и определениями социально-нормативных фактов. Они квалифицируют государственно-правовую реальность, *фиксируют* ее культурную и цивилизационную принадлежность. И, самое главное, концепты определяют исторические траектории ее развития: *инерционность и преемственность, позитивную или негативную динамику* движения политико-правовых традиций и новаций в практиках государственно-правового развития. Иначе говоря, феномен права существует в рамочных определениях и построениях *концептогенеза* своего времени и места.

В конечном счете именно концепты определяют исторические траектории и судьбу тех или иных правовых систем. Феномен права существует в рамочных определениях и построениях своих концептуальных оснований или базовых ценностей и представлений о должном. Или *юридических картин мира*. В этом отношении право — *цивилизационный феномен*. Восточная традиция понимания права связана, существует и воспроизводит себя в системе глубинных концептуальных координат: *традиции, иерархии, авторитета*. В свою очередь, западная традиция понимания права также связана, существует и воспроизводит себя в своей системе глубинных концептуальных координат: *формального равенства, индивидуальной свободы, социальной справедливости*.

Категория «концепт» раскрывает внутреннюю и скрытую от глаз природу права, поскольку концепты имеют *феноменологический статус*, то есть статус репрезентации явления в коллективном и индивидуальном сознании в форме *образов и знаков, символов и представлений*. Концепт — ментально сущее, конкретное воображаемое, обнаруживающее свое социальное и культурное существование в политических и правовых институтах. То есть концепты имеют институциональные, доктринальные и аналитические репрезентации. Право, прежде чем стать институтом, возникает и живет, переживается и осмысливается в сознании индивидуальном и коллективном в терминах и определениях концептов или культурных языков своей эпохи. Таким образом, в самом общем виде право одновременно *институциональная реальность и языковая реальность, концептуальная реальность, когнитивная и ментальная реальность* со своими предметами, аспектами и языками изучения, описания и объяснения явления права. Государственно-правовое развитие в этом плане — это институциональное развитие социальных систем, концептуальное развитие социальных систем и ментальное развитие социальных систем.

Категория «концепт» уже представлена в отечественной юриспруденции. Концепты лежат не только в основании формирования аналитического языка юриспруденции. Это — одна сторона вопроса и предмет эпистемологии права. Концепты образуют нормативное основание права и правового развития. Они играют правообразующую, а точнее, правопорождающую функцию. Это другая сторона вопроса и предмет онтологии права. Концепты являются источниками права и правового развития в собственном смысле и значении данной категории, явления и понятия. Юриспруденция концептов составляет аналитическое ядро Инновационной юриспруденции, определяя ее собственную дисциплинарную структуру, историческую динамику и траекторию развития.

Номенклатура возможных проявлений юридического концепта действительности включает множество измерений, охватывая собой и историко-генетические, и социокультурные, и когнитивные, и концептуальные, и нормативные, и институциональные, и формально-догматические аспекты существования и выражения права. Это своего рода универсальное первоначало *юридического per se*, следы шествия которого сквозь историческое время и пространство и образуют правовую реальность. Это и юридические идеи, и категории, и ценности, и представления, и символы и архетипы. Изменения в их системе, структуре и составе под влиянием экзогенных и эндогенных, постоянных и переменных факторов и условий социального развития и определяют конкретно-исторические формы и содержания правовой действительности. Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой категории *юридический концепт действительности*. Хотя, разумеется, каждый из перечисленных элементов как в отдельности, так и в их системе требует развернутого предметного анализа. Юридический концепт действительности как элемент правовой реальности является исторической категорией, меняющейся вместе (синхронно или асинхронно, симметрично или асимметрично) с этой реальностью. Он не может быть ни полным, ни завершенным, поскольку он такой, какой есть в смысле существования. Юридический концепт действительности как предмет научно-практической рефлексии существует уже в другом концептуальном пространстве, в форме понятия о самом себе и той реальности, частью которой он является по факту, а не определению.

Категория «юридический концепт действительности» и *понятие* «юридический концепт действительности» живут на различных «этажах» правовой реальности, обладают собственной предметной и эпистемологической логикой развития и воспроизводства. Их объединяет общий научно-практический язык, язык юридических определений и язык юридических конструкций. Каждая историческая эпоха существования права — это одновременно и историческая эпоха существования корреспондирующего ей юридического концепта действительности, то есть юридического языка права и юридического языка размышления о праве. По существу, юридический

концепт действительности, его содержание и структура связаны и определяются эпистемологическими и аксиологическими поворотами юридических картин мира.

Юриспруденция как методология и технология правового развития

Юриспруденция или юридическая наука имеет свою концептуальную биографию. Становление и развитие аналитического языка юриспруденции от фактического и конкретного к абстрактному и понятийному также имеет свои фазовые переходы и циклы в движении и развитии концепций и представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Содержание юридической науки всегда включало в себя историю борьбы доктрин и теорий, протекающую в исторической логике *смены концептуальных парадигм*. Исторические формы выражения юридических знаний *от мифов и вероучительных представлений к логосу* претерпевали фундаментальные трансформации как в составе используемых терминов и определений — в языке и стиле аргументации, так и в скрытых мотивах и фактах описания и объяснения правовой реальности — в социальной психологии и культурных предпочтениях, заключенных в юридических текстах.

Все это выражение манифестаций и функций определенного исторического времени, определенных эпох в развитии правовых культур и мировоззрений. Это проявляется в акцентировании внимания на отдельных событиях и моментах исторического и государственно-правового развития, отсылках к определенным авторитетам, юридическим течениям и школам, доказательствах и обоснованиях социальной позиции как выражения определенных интересов и ценностей. То есть развитие юриспруденции в конечном счете есть развитие определенного политико-правового дискурса и господствующего концепта юридической действительности или *рамочного* социокультурного и ценностного представления о должном или недолжном, надлежащем и ненадлежащем правопорядке.

Юриспруденция не только изучает, но и квалифицирует правовую реальность, оценивает ее на предметную состоятельность или несостоятельность, социальную приемлемость или неприемлемость. На каждой исторической фазе аналитической эволюции юриспруденции как теоретической, так и практической, рациональной или эмпирической всегда можно вычлени свой содержательный и формальный компонент, в определениях которых заключены понимание и потенциальное решение аналитических вопросов правового развития, располагается и фиксируется эпистемологический, политико-правовой и социокультурный статус той или иной концепции, понятия и теории. Отсюда проистекает разнообразие аксиоматических, доктринальных и метафизических суждений о государстве и праве в формате публицистики, риторики или рационально-логических конструкций и построений.

Особое место здесь занимают методологический и инструментальный компоненты, в рамках которых обосновывается объективность и достоверность получаемого или полученного юридического знания и его практическая ценность, а также мировоззренческий (*аксиологический*) компонент, раскрывающий или демонстрирующий базовые ценностные ориентации признания или непризнания эффективности тех или иных технологий политико-правового развития. Праксеологический (прагматический) компонент заключает в себе прикладной смысл и значение полученной информации, возможности ее практического использования в форме рекомендаций, проектов решений, экспертных заключений и обоснований политики реформ, политики консервации или имитации изменений.

Перечисленные элементы (*измерения и составляющие*) юриспруденции в зависимости от социально-политического контекста, уровня развития правосознания, а также исторического этапа развития как политического и гражданского общества, так и самой юридической науки, всегда обнаруживают и проявляют себя в той или иной степени и форме на отдельных вехах, стадиях, фазах социокультурного и цивилизационного развития систем социального общения. Юриспруденция Ветхого и Нового Завета, Кораническая юриспруденция, юриспруденция эпох Реформации и Просвещения, юриспруденция общества модерна выражали и реализовывали на различных религиозных, доктринальных, метафизических основаниях собственное правопонимание и собственное право. Оставили непреходящее правовое наследие — языки и стилевое разнообразие отдельных эпох жизни юридического концепта действительности в определениях правовой классики, аналитической и исторической юриспруденции, позитивизма и правового реализма.

В актуальной повестке дня — поиски собственной юридической *методологии и технологии* будущего правового развития сетевых обществ эпохи постмодерна. И здесь проблематика онтологического статуса юридического языка в процессах институционального и концептуального развития правовых систем имеет основополагающее научно-практическое значение. Язык не только отражает право, но и формирует право, поскольку «языковая форма действительно представляется не только возможным, но и вообще единственным материалом нововведений и новообразований» [27, с. 387]. Формально-догматическая традиция понимания языка права в определениях нормативно-правовых актов должна быть вписана в определения юридического языка как бытийного основания существования и воспроизводства правовых систем. Юридический язык производит правовую реальность в определениях своей социокультуры. Поэтому образные и понятийные конструкции права являются органической частью правовой реальности, ее концептуальных и институциональных оснований. Вопрос первичности и вторичности материальных или идеальных оснований права сегодня также далек от своего окончательного разрешения, как и вчера. Это не только

основной вопрос философии, но и основной вопрос развития права. По существу, вокруг него и вращается вся действительная проблематика и теоретической и практической юриспруденции, ее предмета, структуры, ее феноменологии и эпистемологии. Юридический язык вплетен в практики социального общения и их осмысления. Юриспруденция жеста и звука, слова и цифры — это культурно-исторические формы существования, выражения и манифестации бытия права.

Культурно-историческими основаниями права выступают элементы социальной действительности, наличие которых определяет и сущность и существование права как такового. Это то, без чего права нет, и это то, что конституирует правовую реальность и определяет реальность права. Таких безусловных оснований или первоначал два: *социальная свобода* и *социальное принуждение*. Право в этом смысле есть не что иное, как юридически организованная свобода или поведение в рамках юридических гарантий и ограничений. Право есть социальное бытие в одной из культурно-исторических форм его проявления и существования. Право имманентно сущему. Оно пребывает не над и не вне, а внутри социальной реальности. Оно и есть сама реальность, поскольку социальное как таковое уже фактом своего существования предполагает нормативный порядок отношений. Правовое или юридическое, или нормативно-должное, это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое обеспечивает существование социального порядка в практиках социального общения как наиболее адекватной и нормативно обеспеченной форме порядка *per se*. Исторические формы социального есть одновременно и исторические формы нормативного. Абсолютно прав Л.С. Мамут: «Онтическое, не опосредствуемое деонтическим, исключено» [28, с. 19]. Столь же очевидно, что деонтическое, неопосредованное концептуально, также исключено. Прежде чем быть институтом, право живет в концептах. Социальная реальность задана в мифологии и религии, образах и символах, представлениях и понятиях — доминантных для каждой эпохи юридических картин мира исторических типов правового мышления [29] и знания.

Список литературы

1. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
2. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Том 1. Основные институты и понятия. М., 1970.
3. Проблемы теории государства и права / Под ред. проф. М.Н. Марченко. М., 2005.
4. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. проф. В.С. Нерсесянца. М., 2010.
5. Общая теория права и государства / Под ред. проф. В.В. Лазарева. М., 2010.
6. Гуссерль Эдмунд. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб., 2022.

7. Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. М., 2012.
8. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
9. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997.
10. Веденеев Ю.А. Грамматика правопорядка: монография. М.: Проспект, 2018.
11. Деев Н.Н. Государственность и этнополитическое развитие. Политические проблемы теории государства. М., 1993.
12. В поисках теории права / под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. СПб., 2021.
13. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
14. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство Альфа-Книга, 2020.
15. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи. М.: Рипол-классик, 2018.
16. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
17. Шпенглер О. Закат западного мира: Очерки морфологии мировой истории. М.: Издательство Альфа-книга, 2017.
18. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. М., 2002.
19. Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2017.
20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1994.
21. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., Новое литературное обозрение, 2021.
22. Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. В 2-х томах. Тбилиси: Издательство «Мерани», Веста, 1991.
23. Юнг К. Психологические типы. Санкт-Петербург: Ювента; Москва: Прогресс-Универс, 1995.
24. Бодрияр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2016.
25. Дебор Ги. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2018. 220 с.
26. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
27. Кузницын Д.В. Послесловие переводчика / Гуссерль Эдмунд. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб., 2022.
28. Мамут Л.С. Полиmodalность права. Правовая коммуникация и правовые системы // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4.
29. Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы: коллективная монография / Под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТИ НАРОДОМ В ЗЕРКАЛЕ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

***Аннотация.** В статье показано, что, не будучи прямо поименованной в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, конституционно-правовая концепция делегирования власти народом имплицитно прослеживается в его позициях; ввиду этого в дальнейшем представляется целесообразным еще более предметное обращение Конституционного Суда к данной концепции, обладающей огромным потенциалом. Сквозь призму практики Конституционного Суда исследуются важные аспекты понимания народного суверенитета, воли народа, затрагивается конституционно-аксиологический подход к пониманию механизмов делегирования власти, высших форм непосредственного выражения власти народа — референдума и свободных выборов, а также очень близко примыкающих к ним по своей правовой природе всенародного голосования и общероссийского голосования. Излагается авторская позиция по принципиально важному вопросу о пределах полномочия народа в рамках концепции делегирования власти. Формулируется вывод о том, что в процессе развития научно-теоретических и практических подходов к исследованной проблематике обоснованным является переход к концепции ответственного делегирования власти народом, являющегося коммуникационным метапринципом — базовой концептуальной идеи, на которой строится система взаимоотношений в пространстве «личность — общество — государство» (в ее публично-правовом выражении), и которая служит обеспечению стабильности этой системы.*

***Ключевые слова:** народовластие, народный суверенитет, учредительная власть народа, делегирование власти, концепция делегирования власти народом, ответственное делегирование власти, выборы, референдум.*

DELEGATION OF POWER BY THE PEOPLE IN THE MIRROR OF PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT (THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS)

***Abstract.** The article shows that, not being directly named in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the constitutional law concept of delegation of power by*

the people is implicitly traced in its positions, which is why in the future it seems appropriate to even more substantive appeal of the Constitutional Court to this concept, which has great potential. Through the prism of the practice of the Constitutional Court, important aspects of understanding people's sovereignty, the will of the people are examined, the constitutional-axiological approach to understanding the mechanisms of delegation of power, the highest forms of direct expression of the power of the people — a referendum and free elections, as well as very close to them in their legal nature of the nationwide voting and all-Russian voting. The author's position on the fundamentally important issue of the limits of the sovereignty of the people within the framework of the concept of delegation of power is presented. The conclusion is formulated that in the process of developing scientific-theoretical and practical approaches to the studied issues, it is reasonable to move to the concept of responsible delegation of power by the people, which is a communication metaprinciple — the basic conceptual idea on which the system of relationships in the space «personality — society — state» is built (in its public-law terms), and which serves to ensure the stability of this system.

Keywords: *democracy, people's sovereignty, constituent power of the people, delegation of power, concept of delegation of power by the people, responsible delegation of power, elections, referendum.*

В настоящее время институты непосредственного народовластия в российском цивилизационном пространстве проходят новый этап своего развития и утверждения особой значимости для государственного строительства. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году ознаменовало очередную стадию эволюции форм реализации учредительной власти народа, став имеющей особую юридическую природу новой формой непосредственного народного волеизъявления, к которой обратился конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия¹. Состоявшиеся в сентябре 2022 года референдумы в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях, на которых был поддержан вопрос о вхождении указанных республик и областей в состав Российской Федерации на правах субъектов Федерации, вслед за общекрымским референдумом 2014 года, на котором был поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией, продемонстрировали особую значимость народного волеизъявления для решения принципиально важных вопросов в плоскости государственности, конституционализма и будущего целых народов.

Несомненна значимость актов реализации учредительной власти народа в общей архитектуре многоаспектных отношений, объединяемых емким понятием демократии в современном его звучании. О.Е. Кутафин подчеркивал:

¹ См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 23 марта 2020 года, № 12, ст. 1855).

«В условиях народовластия осуществление власти конституируется, легитимируется и контролируется народом» [1, с. 102]. Этот процесс с позиций правоведения наилучшим образом, на наш взгляд, описывается в рамках конституционно-правовой концепции делегирования власти народом, которая позволяет всесторонне раскрыть длящийся процесс перехода власти от ее источника — народа государства — к учреждаемым и легитимируемым в соответствии с конституцией государства органам публичной власти разных уровней — от муниципального до федерального.

При этом правовая наука призвана, тонко чувствуя пульс времени, вырабатывать и предлагать обоснованные идеи и теоретические конструкции, служащие приоритету обеспечения наиболее гармоничного развития государства и общества в их единстве и постоянном конструктивном диалоге. Эти идеи призваны не разделять, но объединять, способствуя укреплению стабильности развития всего общественно-государственного организма. По нашему убеждению, такой теоретической конструкцией, основанной на глубокой взаимной внутренней ответственности народа и государства за функционирование механизма публичной власти, может служить *конституционно-правовая концепция ответственного делегирования власти народом* [подробнее о теоретических основах этой концепции см., например: 2, с. 34–45; 3, с. 71–88].

В рамках указанной концепции обратимся к имеющей глубокие научно-теоретические основы практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее также — Конституционный Суд) в части важных теоретико-методологических аспектов понимания делегирования власти народом в нашей стране.

В.Д. Зорькин характеризует Конституционный Суд «в качестве абсолютно необходимого стране института обеспечения и защиты прав и свобод человека, правового развития общества, социальной стабильности, целостности и суверенности Российского государства» [4, с. 1]. В исследованиях высказывается мнение, что деятельность Конституционного Суда оказывает «наибольшее воздействие на нормы конституционного права» [5, с. 1384]. Правовые позиции Конституционного Суда [в настоящем исследовании понятие «правовая позиция Конституционного Суда» мы используем в традиционно принятом его понимании как сформулированной в постановлении или определении точки зрения Суда на тот или иной аспект рассматриваемого дела (понятие «правовая позиция» получило широкое применение, в том числе и в работах ученых — судей Конституционного Суда. См., например: 6, с. 40–46). Хотя нам известно о теоретической дискуссионности содержания данного понятия, — см.: 7, с. 5–15)], а также ранее изложенные по конкретным делам мнения и особые мнения его судей — источник ценнейшей информации для конституционно-правового осмысления тех или иных феноменов правовой и общественно-политической действительности, включая, безусловно, те, которые лежат в плоскости

практической реализации народовластия, избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации.

Оговоримся, что согласно действующим положениям статьи 76 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² особое мнение или мнение судьи приобщается к протоколу заседания Конституционного Суда и хранится вместе с ним; судья Конституционного Суда не вправе обнародовать особое мнение или мнение в какой-либо форме или публично на него сослаться. Относительно такого решения федерального законодателя, принятого в 2020 году³, например, А.А. Клишас отметил, что «ограничение публикации особых мнений судей Конституционного Суда РФ направлено на повышение авторитетности восприятия решений Суда обществом, исключение возможности влияния общественных настроений на принимаемые Судом решения» [8, с. 19]. При этом в научных целях для иллюстрации некоторых тезисов настоящего исследования мы сочли уместным обратиться к ряду опубликованных в предшествующие десятилетия мнений и особых мнений судей Конституционного Суда в части доктринальных рассуждений, затрагивающих значимые аспекты концепции делегирования власти народом.

Ранее мы уже отмечали, что воззрения на Конституционный Суд как на правотворческий орган эволюционировали от концепции «негативного законодателя» (то есть органа, принимающего акты, которые отменяют нормы права, признаваемые утратившими силу ввиду их неконституционности) до концепции «позитивного», «второго законодателя» [9, с. 42]. Ряд аспектов вопроса о природе актов Конституционного Суда как источников права остаются дискуссионными, однако бесспорно одно: практика высшего судебного органа конституционного контроля оказывает огромное влияние не только на понимание норм российской Конституции и развитие текущего законодательства, но и на конституционно-правовую доктрину (понимаемую как «авторитетное мнение ученых, выраженное в форме принципов, теорий, концепций» [10]) и отечественную юридическую науку в целом.

В зеркале практики Конституционного Суда отражаются важнейшие вехи истории современного государственного строительства и соответствующие им концепции, обретающие в плоскости конституционного правосудия глубокое научное осмысление и всестороннюю конституционно-правовую аргументацию.

Исходным тезисом настоящего исследования⁴ является понимание того, что, *не будучи прямо поименованной и четко проартикулированной*

² Собрание законодательства Российской Федерации, 25.07.1994, № 13, ст. 1447 (первоначальный текст).

³ Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 года № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 16.11.2020, № 46, ст. 7196).

⁴ Подчеркнем, что в настоящем исследовании мы ни в коей мере не преследуем цели давать какие-либо оценки конкретным правовым позициям Конституционного Суда или точкам зрения, отра-

в решениях Конституционного Суда, концепция делегирования власти народом имплицитно прослеживается в его позициях и особых мнениях, мнениях судей; ввиду данного обстоятельства представляется целесообразным еще более предметное обращение Конституционного Суда к этой концепции, обладающей огромным конституционно-правовым потенциалом.

Согласимся с Б.С. Эбзеевым, что «именно Конституция должна быть той базой, на которой формируется российская конституционно-правовая доктрина» [11, с. 11]. Основываясь на емких формулировках конституционных норм, Конституционный Суд в целом и его судьи при формировании своих позиций неоднократно обращались к вопросам, касающимся элементов конституционно-правовой концепции делегирования власти народом в России, включая основные аспекты понимания народного суверенитета, передачи властных полномочий, реализации воли народа посредством референдума и свободных выборов и иных важных сторон этого феномена. Представляется, что научный анализ соответствующих позиций в сочетании с воззрениями, развивающимися в русле отечественной конституционно-правовой науки, актуален и полезен для дальнейшего развития и наполнения современными смыслами вышеназванной концепции, весьма значимой для российского конституционализма.

Прежде всего отметим, что достаточно четкое выражение получила концепция *народного суверенитета*: Конституционным Судом неоднократно излагалась позиция, согласно которой Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России⁵, при этом Суд оперирует понятием «народ-суверен»⁶, которое как таковое в концентрированном виде

женным в мнениях и особых мнениях его судей, а лишь стремимся к анализу ключевых теоретико-методологических подходов к конституционно-правовому осмыслению многоаспектного феномена делегирования народом власти, лежащих в основе сформулированных позиций и мнений. На наш взгляд, это имеет несомненную научно-теоретическую и практическую ценность для дальнейшего развития современной концепции делегирования народом власти в Российской Федерации, понимания сущности народного суверенитета, духа народовластия и народного представительства. Оговоримся также, что в настоящей работе затронуты далеко не все решения Конституционного Суда, касающиеся законодательства о выборах и референдумах, а лишь те, которые позволяют, на наш взгляд, в достаточной мере продемонстрировать ключевые теоретико-методологические аспекты понимания вышеуказанной концепции.

⁵ См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.06.2000, № 25, ст. 2728); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» с Особым мнением судьи В.О. Лучина (Собрание законодательства Российской Федерации, 17.07.2000, № 29, ст. 3117).

⁶ См., например: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты институционального контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобренная решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября

отражает неотъемлемую черту народа — его роль как носителя суверенитета. При этом в российской Конституции народ не отождествлен ни с суверенитетом, ни с властью, их соотношение опосредовано вполне конкретными атрибутивными характеристиками: народ является единственным *источником* власти и выступает *носителем* суверенитета (ч. 1 ст. 3). Эти свойства четко корреспондируют аксиологической основе, выраженной в преамбуле Конституции, в том числе стремлению многонационального народа посредством реализации своей учредительной власти (вытекающей как раз из понимания народа как источника власти) утвердить незыблемость демократической основы России, прав и свобод человека, гражданского мира и согласия.

Б.С. Эбзеев подчеркивает: «Народный суверенитет не есть сама власть, это — организационно-политический и функциональный принцип осуществления публичной власти, имеющий конститутивное значение; его смысл — в юридической институционализации участия народа в реализации своей воли в установленных конституцией формах» [12, с. 33–34]. Этот подход видится нам исключительно точно отражающим суть соотношения пределов учредительной власти народа, определяющих и границы делегирования власти, с параметрами демократии, устанавливаемыми конституцией государства. Принимая конституцию и реализуя тем самым свою учредительную власть в наиболее высоком ее проявлении, народ определяет четкие параметры и пределы реализации своего суверенитета и делегирования власти учреждаемым органам, которыми конституирует и ограничивает свою непосредственную власть, что и выступает организационно-политической основой осуществления народного суверенитета.

При этом такое понимание ни в коей мере не подменяет собой суверенитета государственного, напротив, органично с ним сочетается. В настоящее время понимание суверенитета довольно определенно увязывается со свободой народа и взаимной ответственностью личности, общества и государства. Президент Российской Федерации В.В. Путин, подчеркнув, что «на каждом из нас лежит колоссальная ответственность за Россию», особо отметил: «Суверенитет — это гарантия свободы каждого. И в нашей традиции человек не может чувствовать себя по-настоящему свободным, если не свободен его народ, Отечество, Россия, Родина. Ответственная, сильная власть в нашем государстве служит и будет служить только народу России, и его поддержка по ключевым вопросам внутренней и внешней повестки — залог успешного, безопасного развития нашей страны как одного из центров формирующегося сейчас более справедливого, многополярного мира»⁷. В этом ключе народ-суверен и суверенное государство выступают в гармоничном единстве, и публичная власть в государстве изначально

2021 года. Приведена в СПС «КонсультантПлюс» в соответствии с публикацией на сайте <http://www.ksrf.ru/> по состоянию на 28 октября 2021 года.

⁷ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на торжественном концерте, посвященном 1160-летию зарождения российской государственности, 21 сентября 2022 года.

легитимируется народом посредством ответственного делегирования власти в конституционно установленных формах и пределах.

Делегируя свою власть, в том числе путем формирования легитимных составов органов публичной власти в ходе свободных выборов, а также в ходе формирования выборными органами иных органов публичной власти в установленном порядке, народ создает устойчивую систему осуществления власти в государстве, в чем и объективируется процесс народовластия во всей полноте его понимания как длящегося комплексного правоотношения — правового состояния. Демократия отнюдь не сводится только к ее непосредственным формам, хотя они лежат в основе всей системы публичной власти. М.Н. Марченко пишет: «Рассмотрение демократии в теоретическом плане как власти всего народа или большинства членов общества вовсе не означает, как показывает общественно-политическая практика, что в *реальной жизни* эта власть фактически осуществляется всем народом или его большинством. Об этом свидетельствует уже сам факт передачи власти народом — ее источником государству — ее носителю в лице относительно немногочисленного по сравнению с численностью народа “особого слоя людей”» [13, с. 17]. Не соглашаясь с возможным негативным восприятием смысловых оттенков использованного ученым понятия «особого слоя людей», отметим в то же время, что схема на теоретико-правовом уровне описана весьма точно: народ делегирует властные полномочия учреждаемым и легитимируемым профессиональным органам, осуществляющим в том числе функции государственного и муниципального управления. Тем самым реализуется народный суверенитет — через органичное сочетание непосредственных и репрезентативных форм народовластия и *конституирование легитимной системы профессиональных органов публичной власти*. «Принадлежность суверенитета народу не означает, что он осуществляет его сам. Это невозможно, во-первых, в силу размеров современных государств и многочисленности их населения; во-вторых, в силу того, что огромное большинство граждан не обладает достаточными знаниями и достаточным досугом для непосредственного участия в законодательстве. Они могут участвовать в реализации своего суверенитета либо непосредственно содействуя изданию законов, либо доверив эту функцию некоторым из своей среды — представителям, способным лучше, чем они сами, понимать общественный интерес и сообразно с этим истолковывать их собственную волю» [14, с. 229].

Весьма важный аспект рассматриваемой концепции в практике Конституционного Суда состоит в восприятии народовластия через призму (и на основе) ключевых конституционно значимых ценностей, в чем проявляется *конституционно-аксиологический подход*.

Стенограмма на официальном сайте Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69397> (дата обращения: 14.01.2023).

Многие ученые обращают особое внимание на ценностный подход в конституционном измерении. Как пишет В.Д. Зорькин, «конституционные ценности образуют системное единство и находятся в определенном иерархическом соподчинении. Важнейшей задачей при реализации Конституции является поддержание баланса и соразмерности конституционно защищаемых ценностей, целей и интересов» [15, с. 8]. «Ценности, предопределяемые всеобщей человеческой природой — подчеркивает Б.С. Эбзев, — стали основанием, на котором зиждется не только конституционный, но и международный правопорядок» [16, с. 10]. В.Е. Чиркин отмечал, что «общечеловеческие ценности получают в конституциях особое преломление, обусловленное тем, что конституция — нормативный регуляционный документ. Она переводит понятия ценностей на язык права, на уровень правовых принципов и правил поведения» [17, с. 19]. По выражению А.С. Автономова, «каждая конституция сама выступает в качестве ценности уже в силу того, что отражает господствующие в данном обществе в конкретных исторических условиях ценности и представляет собой юридический фундамент для существования этих ценностей» [18, с. 5].

Конституционный Суд, что весьма важно, одновременно исходит как из самостоятельной ценности начал народовластия, народного суверенитета, референдума и свободных выборов, как высшего непосредственного выражения власти народа, так и из их сочетания с иными отраженными в Конституции Российской Федерации ценностями, прежде всего лежащими в плоскости прав и свобод человека и гражданина, основ правового статуса личности.

Весьма значим в этой плоскости методологический подход, состоящий в том, что «сочетание принципа уважения достоинства с другими конституционными принципами позволяет выявлять и в последующем применять в конституционно-контрольной практике конструкции, имплицитно присутствующие в тексте Основного Закона»⁸. Примером применения такого подхода в контексте принципа уважения и охраны достоинства личности в исследуемой нами сфере является сформулированная в Постановлении Конституционного Суда от 16 декабря 2014 года № 33-П правовая позиция, согласно которой «в основе реализации избирательных прав должно лежать конституционное требование обеспечения взаимного доверия во взаимоотношениях личности и публичной власти, которое предполагает поддержание государством уверенности граждан в том, что выборы как одна из высших форм непосредственного выражения народом своей власти достигают цели, а их итоги признаются и уважаются как государством, так и всеми их участ-

⁸ См.: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

никами»⁹. Взаимное доверие, на которое здесь указал Конституционный Суд, должно, в свою очередь, базироваться на взаимной ответственности народа и государства во всем процессе делегирования народом властных полномочий органам публичной власти и реализации этих полномочий, основанной на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ).

Основы всего регулирования избирательного процесса, а также системы гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, Конституционный Суд также возводит к конституционно значимым ценностям и базовым конституционным нормам, содержащим важнейшие принципы построения и функционирования демократического правового государства. В этом аспекте существенную значимость имеет правовая позиция Конституционного Суда, выраженная в Постановлении от 22 января 2002 года № 2-П, согласно которой «конституционное регулирование, лежащее в основе избирательного законодательства Российской Федерации и ее субъектов, содержит относящиеся к основам конституционного строя нормы-принципы, а также другие нормы, предопределяющие правовую базу выборов в органы народного представительства. Прежде всего это: признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, соблюдение и защита которых является обязанностью государства[...], обеспечивающего равные права граждан Российской Федерации на всей ее территории[...]; провозглашение единственным источником власти многонационального народа России, осуществляющего свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, при том что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы[...], а также закрепление единства системы государственной власти как основы федеративного устройства Российской Федерации...», при этом «образуемые в Российской Федерации путем свободных выборов органы народного представительства должны формироваться на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании», а соблюдение принципов избирательного права «делает выборы подлинным народным волеизъявлением, а законодательный орган — действительно представительным»¹⁰. Тем самым Конституционный Суд указывает на важность такого регулирования избирательного процесса,

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2014 года № 33-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.В. Гончарова» (Собрание законодательства Российской Федерации, 29.12.2014, № 52 (часть I), ст. 7785).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2002 года № 2-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Саямова» (Собрание законодательства Российской Федерации, 11.02.2002, № 6, ст. 627).

как механизма, обеспечивающего делегирование власти народом, которое обеспечивало бы подлинную природу и реальное содержание избирательных прав граждан, а также соблюдение правовой сущности принципа свободных выборов.

Конституционный Суд предметно обращался и к соотношению двух форм высшего непосредственного выражения власти народа, составляющих основу делегирования народом властных полномочий и принятия значимых решений. Очень важна в этом ключе правовая позиция, состоящая в том, что «провозглашая референдум и свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа и гарантируя в статье 32 (часть 2) право граждан Российской Федерации на участие в свободных выборах и в референдуме, Конституция Российской Федерации исходит из того, что названные высшие формы непосредственной демократии, имея каждая собственное предназначение в процессе осуществления народовластия, равноценны и, будучи взаимосвязаны, дополняют друг друга»; при этом Конституционный Суд совершенно справедливо указывает, что «последовательность их перечисления в статье 3 Конституции Российской Федерации (референдум — свободные выборы) не дает основания для вывода о придании приоритетной роли референдуму, как не свидетельствует о приоритетной роли свободных выборов статья 32 Конституции Российской Федерации, которая, определяя право граждан на участие в непосредственном осуществлении народовластия, называет сначала право избирать и быть избранным в органы публичной власти, а затем — право участвовать в референдуме»¹¹. Применяв метод системно-структурного текстуального анализа конституционных положений, Конституционный Суд однозначно обозначил референдум и свободные выборы как равновеликие по своей правовой природе формы народовластия.

В своем Особом мнении по процитированному постановлению В.О. Лучин, напротив, писал о том, что посредством иерархии законов референдуму отводится главная роль в системе народовластия. Данный постулат он выводил из того факта, что по Конституции референдум регулируется федеральным конституционным законом, а выборы — федеральным законом. Представляется, что такой подход является в большей степени формально-юридическим (и даже юридико-техническим), нежели сущностным, обращенным к пониманию правовой природы и реального содержания анализируемых демократических институтов (хотя сам судья говорил о необходимости исходить прежде всего из социальной и юридической природы этих двух форм народовластия).

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменений и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» с особыми мнениями судей В.О. Лучина и В.Г. Ярославцева (Собрание законодательства Российской Федерации, 23.06.2003, № 25, ст. 2564).

Ранее нами было отмечено, что референдум — самостоятельная форма непосредственного народовластия, которая выполняет разную с выборами роль в механизме демократии. Следовательно, одна из них не должна подменять другую или служить инструментом в рамках решения каких-либо сиюминутных задач, связанных с теми или иными политическими проблемами, не имеющими непосредственного отношения к ее сущности и предназначению [19, с. 16]. Эти формы непосредственной демократии, посредством которых реализуется механизм делегирования власти народом, в подлинном смысле равновелики.

В том же ключе следует рассматривать не только референдум, но и очень близко примыкающие к нему по своей правовой природе *всенародное голосование и общероссийское голосование*, проведенные соответственно при принятии Конституции Российской Федерации в 1993 году и при внесении в нее масштабных поправок в 2020 году. В.Д. Зорькин, например, отметил особую значимость общероссийского голосования по Закону Российской Федерации о поправке к Конституции в 2020 году в контексте демократических начал государства, подчеркнув, что «принципу народовластия в наибольшей степени соответствует, чтобы дополнительно к процедуре, предусмотренной статьей 136 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ „О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации“, данная поправка получила непосредственную поддержку российского народа» [20, с. 9]. С позиций конституционно-правовой концепции ответственного делегирования власти народом указанные формы народного волеизъявления также стоят в одном ряду с указанными в статье 3 Конституции референдумом и свободными выборами, объективируя конкретные механизмы реализации учредительной власти народа-суверена в рамках общих целей делегирования народом власти в стране.

Практически значимые аспекты исследуемой концепции весьма предметно затрагивались Конституционным Судом в рамках рассмотрения тех или иных дел. Мнения и особые мнения членов Конституционного Суда, изложенные по конкретным делам, органично взаимосвязаны с доктринальными воззрениями и научными позициями соответствующих судей как ученых-правоведов. Нельзя не согласиться с Б.С. Эбзеевым в том, что правоведение — живая наука, постоянно развивающаяся, чутко реагирующая на социальные, экономические и политические процессы [21, с. 123]. Ввиду этого обращение к указанным воззрениям и позициям представляет не только научно-теоретический, но и практический интерес.

В данном контексте весьма значимым предметом рассмотрения выступает категория *воли народа*, в том числе в ее соотношении с реализацией властных полномочий органов, которым власть делегирована народом.

Например, в Особом мнении судьи Б.С. Эбзеева по определению Конституционного Суда от 11 марта 2005 года № 3-О выражено «убеждение

в том, что фундамент отечественной конституционно-правовой доктрины и практики конституционного регулирования и исходную точку интерпретации Конституции Российской Федерации и ее применения, как это констатировано уже в преамбуле Конституции Российской Федерации, составляет юридический догмат воли народа, который обладает учредительной властью и является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, и в силу этого предопределяет пределы дискреционных полномочий законодателя и параметры его усмотрения»¹².

Существует несколько иной взгляд на формирование воли народа и ее соотношение с усмотрением законодателя. О.Е. Кутафин обращал внимание, что «народное представительство можно характеризовать двумя основными моментами: во-первых, законодательная воля народного представительства не является полной и безграничной; во-вторых, народные представители осуществляют не свое право, а право народа», при этом, однако, подчеркивая, что «народ не способен сам сформировать собственную волю. Это объясняется низким уровнем его политического развития, социальной дифференциацией современных обществ, техническими трудностями конституирования народной воли»; он же резюмировал: «народное представительство и является организацией, одной из возможных и, в настоящих условиях, наилучшей организацией, выражающей волю народа» [14, с. 230, 233].

Представляется, что эти воззрения сочетаются следующим образом: воля народа, опосредующая реализацию народного суверенитета в процессе делегирования власти, все же задает и определяет *общие параметры* дискреционных полномочий законодателя (в том смысле, что он не может, реализуя свою дискрецию, выйти за рамки конституционных установлений или решений, принятых народом непосредственно на референдуме), но при этом законодатель обладает *достаточно широким усмотрением в выражении воли народа* и ее воплощении в конкретные законодательные установления, что соответствует смыслу народного представительства. Например, Г.Д. Садовникова пишет: «Сущность народного представительства как идеи, политико-правовой категории и института, лежащего в основе системы государственной власти в демократических странах, можно кратко сформулировать как выражение интересов народа в форме выполнения по его поручению и от его имени функций представительных органов по осуществлению публичной власти» [22, с. 86] и предопределяется

¹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2005 года № 3-О «По жалобе гражданина Смакова Рината Миргалимовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2001 года), пункта 3 статьи 6¹ и абзаца второго пункта 1 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 года)» с Особым мнением судьи Б.С. Эбзеева (Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, № 5, 2005).

самими делегированными законодательному органу народом полномочиями, профессионально реализуемыми таким органом¹³.

Воля народа как изначальная точка отсчета легитимации властных институтов неоднократно интерпретировалась тем или иным образом в позициях судей Конституционного Суда. К примеру, в Особом мнении В.И. Олейника по Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 года № 28-П была высказана обращающая на себя внимание мысль о том, что «и Президент Российской Федерации, и Государственная Дума наделяются властными функциями по воле избравшего их народа»; «из конституционного положения об осуществлении народом своей власти не только непосредственно, но также через органы государственной власти следует, что выявление в той или иной форме воли народа необходимо и при формировании государственных органов, не избираемых непосредственно населением. Это относится прежде всего к Правительству Российской Федерации, осуществляющему исполнительную власть в Российской Федерации»¹⁴. Тем самым показано значение воли народа в механизме делегирования власти не только непосредственно избираемым в ходе свободных выборов органам, но в целом всей системе органов публичной власти в государстве. При этом процессом, объективирующим сформированную волю народа, в механизме народовластия считается волеизъявление, осуществляемое в установленных формах. Доктринально воля народа, волеизъявление, народное представительство и народовластие как

¹³ Очень важна, на наш взгляд, для концептуализации явления и процесса делегирования власти народом позиция Б.С. Эбзеева, состоящая в том, что, во-первых, «в основе демократической организации общества лежит принцип суверенитета народа, его верховенства в решении наиболее важных вопросов государственной и общественной жизни. Именно народоправство, осуществляемое в различных формах, составляет основу демократического правового государства», а во-вторых, «значение народного представительства как самой важной организационной формы конституционного государства, однако, не означает слияния государственной власти и народа. Речь идет о передаче народом права на законодательную власть парламенту при сохранении им за собой контроля за деятельностью парламента и иных форм реализации государственной власти. Народ передает представительным органам государства не саму власть, а лишь право на власть, на осуществление власти, причем на строго определенный срок» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1997 года № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года)» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.05.1997, № 20, ст. 2383). Здесь четко видится различие учредительной и учреждаемой власти, принадлежащих соответственно народу и создаваемым им органам публичной власти.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 года № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, В.О. Лучина и В.И. Олейника (Собрание законодательства Российской Федерации, 28.12.1998, № 52, ст. 6447).

такое воспринимаются в их неразрывном органичном единстве в контексте механизма делегирования власти народом¹⁵.

Тесно примыкающим к воле народа, но не совпадающим по объему выступает понятие воли избирателей; существует мнение, что только таковая и выявляется в ходе выборов. К примеру, в Особом мнении, изложенном по Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1996 года № 21-П, Т.Г. Морщакова высказалась о роли в организации представительных органов власти «свободных, подлинных, альтернативных выборов, которые позволяют[...] выявить политическую волю избирателей и передать осуществление представительной власти победившим кандидатам»¹⁶. Вместе с тем представляется, что хотя воля избирателей на выборах действительно выражается, на этот вопрос следует смотреть шире. Суть народного представительства состоит в том, что сформированные представительные органы выражают и воплощают волю народа в целом (равно как и призваны исходить в своей деятельности из необходимости обеспечения и защиты прав и свобод всех граждан), а не только избирателей, принявших участие в голосовании.

В Особом мнении М.В. Баглая по тому же постановлению сформулирована позиция, состоящая в том, что поскольку «законодатель в государстве, в котором нет обязательного голосования, не требует для признания выборов действительными участия в них всех избирателей», то «избранный

¹⁵ Например, судья Конституционного Суда Н.В. Витрук в Особом мнении, изложенном к Постановлению Конституционного Суда от 30 апреля 1997 года № 7-П, подчеркивал, что идея народного представительства непосредственно вытекает из принципа народовластия, закрепленного в статье 3 Конституции Российской Федерации, а судья Г.А. Гаджиев в собственном Особом мнении по тому же делу отметил: «Любое наделение полномочиями органов государственной власти должно отражать волеизъявление народа. Однажды сформированный орган народного представительства не может стать независимым от народа носителем государственной власти, его полномочия должны быть связаны с народным волеизъявлением. Полномочия органов государственной власти должны носить легитимный характер. Непрерывная легитимация власти органов государственной власти обеспечивается путем свободных выборов, предполагающих в том числе их периодичность», при этом судья резюмировал: «только при таком условии деятельность органов государственной власти может рассматриваться как осуществление государственной власти народом через органы государственной власти». См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1997 года № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года)» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.05.1997, № 20, ст. 2383).

¹⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1996 года № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Т.Г. Морщаковой, М.В. Баглая, А.Л. Кононова (Собрание законодательства Российской Федерации, 13.01.1997, № 2, ст. 348).

депутатский корпус, если бы он был признан представляющим только голосовавших за него избирателей, не мог бы претендовать на представительство всего народа данного государства или государственного образования. Неизбежно приходится признать, что депутат, избранный частью избирателей, является, образно говоря, слугой не своих избирателей, а всего народа. Такой вывод вытекает из принципа народовластия, закрепленного в статье 3 Конституции Российской Федерации»¹⁷. Действительно, именно воля народа как в некоторой степени абстрактно-теоретическая, но в то же время имеющая вполне реальное воплощение категория, выражается при формировании выборных органов публичной власти и далее транслируется ими при формировании иных публично-властных институтов¹⁸.

Принципиально важным является вопрос о *пределах полномочия народа* в рамках концепции делегирования власти. К примеру, В.О. Лучиным была высказана точка зрения, состоящая в следующем: «Акт высшей юридической силы, принятый всенародным голосованием, исключает принятие актов нижестоящей юридической силы, позволяющих отстранять народ от референдума. В противном случае народ был бы лишен абсолютной, только ему присущей правосубъектности. Народ, учредивший основы конституционного строя, вправе во всякое время своей непосредственной властью, являющейся высшей перед властью любых (выборных и не выборных) органов, изменить эти основы. Поэтому только народ (опять же путем референдума) вправе решать, когда и по каким вопросам можно или нельзя проводить референдум. Представляется, что условия и порядок проведения референдума в их главных, основных моментах должны устанавливаться самим народом»¹⁹.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Стоит также упомянуть, что судья Конституционного Суда В.О. Лучин в своем Особом мнении по Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П отметил, что «федеральные выборные органы — Президент и Государственная Дума — не являются «заменителями» народа, поскольку они, не представляя собой источники власти, лишь осуществляют как представители народа отдельные властные полномочия. Такие полномочия могут быть переданы им по решению самого народа посредством выборов. Вместе с тем выборы не являются самоцелью народа и в демократическом правовом государстве не могут рассматриваться как самодостаточное выражение народовластия» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» с особыми мнениями судей В.О. Лучина и В.Г. Ярославцева (Собрание законодательства Российской Федерации, 23.06.2003, № 25, ст. 2564). Такой подход, на наш взгляд, не должен интерпретироваться как отрицающий самоценную роль выборов или же ставящий под сомнение полномочия в рамках конституционно установленной компетенции упомянутых судей выборных органов. Эта позиция ценна, если воспринимать ее как указывающую, на то, что *выборы по своей сути являются универсальным организационно-правовым механизмом, обеспечивающим делегирование народом власти* формируемым легитимным органам, и в этом смысле выступают не самозамкнутым процессом, а *ключевым звеном единой цепи конституционно значимых действий по построению эффективно функционирующей системы публичной власти.*

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федера-

Однако с подобной абсолютизацией согласиться, на наш взгляд, нельзя. Возведение в ранг абсолюта ничем, по сути, не ограниченного полновластия народа порождает правовые (и политические, что тоже необходимо учитывать) *риски* злоупотребления подобным оправданием полновластия, что составляет значимый вопрос в рамках конституционно-правовой концепции делегирования власти народом. Подобная абсолютизация не оправдана с позиций современного конституционализма. Народ, реализуя свою учредительную власть и принимая Основной закон государства, не просто конституирует и конфигурирует в нем параметры всей системы публичной власти, но и *ограничивает себя этими параметрами и конституционными принципами, признавая изначальную легитимность такой властной системы* (иная трактовка, обосновывая возможность народа в любое время произвольно менять конституированную систему власти, породила бы конституционную нестабильность и затрудняла бы нормальное функционирование всего общественно-государственного механизма, что противоречит самой идее современного стабильного конституционного государства).

Нам близка в этом смысле позиция Б.С. Эбзеева, который в своем Особом мнении по Постановлению Конституционного Суда от 30 апреля 1997 года № 7-П рассуждает о том, что демократия, которая является неотъемлемым элементом правового государства, предполагает в том числе обязанность всех государственных властей и их должностных лиц соблюдать Конституцию и действовать совместимым с законом образом; в этом смысле государственная власть в правовом государстве ограничена, Конституция и действующее законодательство устанавливают ее пределы, которые ею не могут быть преодолены правовым образом²⁰. Идея конституционных «берегов» любой публичной власти и самого народовластия видится естественным элементом современного конституционализма, краеугольным камнем феномена конституционного государства как такового. Приведем в связи с этим весьма красноречивое высказывание С.В. Вавилова и Д.А. Реута о том, что «выборы как кульминационный момент избирательного процесса представляют собой акт справедливости, причем справедливости не только законодательного регулирования порядка их проведения, но и в отношении итогов голосования

ции» с особыми мнениями судей В.О. Лучина и В.Г. Ярославцева (Собрание законодательства Российской Федерации, 23.06.2003, № 25, ст. 2564).

²⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1997 года № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года)» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.05.1997, № 20, ст. 2383).

и результатов выборов как конституционно-правового механизма делегации власти народа, формирования и обеспечения политического единства, стабильности общества» [23, с. 295], в современном понимании существует и реализуется в четких конституированных самим народом при принятии Основного закона государства рамках.

Проведенные обзор и анализ некоторых аспектов позиций Конституционного Суда и точек зрения его судей позволяют нам изложить в качестве выводов следующие соображения.

Во-первых, в практике Конституционного Суда, как и в научных доктринальных основах, к которым судьи обращаются при формировании позиций, концепция делегирования власти народом хотя и не упоминается зачастую именно как таковая, играет свою значительную роль, что подтверждает изложенный нами выше исходный тезис исследования. При этом механизмы делегирования власти четко увязываются и воспринимаются в системном единстве с конституционными началами и принципами народовластия, включая высшие формы непосредственного выражения власти народа — референдум и свободные выборы, народного представительства, концептами народного суверенитета и воли народа. Значимым теоретико-методологическим аспектом восприятия делегирования власти народа является его рассмотрение через призму аксиологического подхода в контексте конституционных ценностей.

Во-вторых, представляется, что описанное конституционно-правовое понимание делегирования власти народом заслуживает как активного развития на доктринальном уровне, так и дальнейшего обращения к нему Конституционного Суда при формировании своих правовых позиций по вопросам, затрагивающим реализацию механизмов народовластия и функционирование единой системы публичной власти в Российской Федерации.

В-третьих, считаем, что в изложенном контексте в процессе развития научно-теоретических и практических подходов обоснованным является переход к концепции *ответственного* делегирования власти народом, которое, на наш взгляд, на современном этапе государственного строительства и на дальнейшую перспективу может служить своего рода *коммуникационным метапринципом* — базовой концептуальной идеей, на которой строится система взаимоотношений в пространстве «личность — общество — государство» (в ее публично-правовом выражении), и которая служит обеспечению стабильности этой системы. На этом метапринципе, как представляется, можно и должно основывать судебные позиции, отражающие приоритетность взаимного доверия и взаимной внутренней ответственности общества и публичной власти.

Думается, что в дальнейшем в практике Конституционного Суда может в значительной степени использоваться конституционно-правовая концепция

ответственного делегирования власти народом, а также развиваться идея о важности формирования социально ответственной личности, понятие которой в настоящее время используется в важных для развития страны документах стратегического планирования, актах Президента Российской Федерации²¹.

Представляется важным, чтобы указанные подходы получили свое отражение и совершенствование в позициях Конституционного Суда с учетом неоспоримой значимости его решений для российской правовой системы, социально-экономического и общественно-политического развития страны.

Список литературы

1. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
2. Головин А.Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1.
3. Головин А.Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5.
4. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в историческом контексте. Размышления к юбилею Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4.
5. Таева Н.Е. Трансформация норм конституционного права под влиянием решений Конституционного Суда РФ // Lex russica. 2013. № 12.
6. Арановский К.В., Князев С.Д. Ненапрасное конституционное правосудие // Судья. 2017. № 12.
7. Ершов В.В. Природа «позиций судов»: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2017. № 12 (140).
8. Клишас А., Иванов А., Жуйков В., Головкин Л., Янков В., Боннер А., Кудрявцева Е., Роверс Н., Джагарян А., Веселов И. Судьба особых мнений в России: новый поворот // Закон. 2020. № 10.
9. Головин А.Г. К дискуссии о правовой природе актов Конституционного Суда Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)». Сборник тезисов. М.: Элит, 2009.
10. Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2.

²¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (Собрание законодательства Российской Федерации, 27.07.2020, № 30, ст. 4884); Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 08.02.2021, № 6, ст. 966); Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351).

11. Эбзеев Б.С. Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) // Государство и право. 2016. № 10.
12. Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4.
13. Марченко М.Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны // Государство и право. 2014. № 5.
14. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008.
15. Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65).
16. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1.
17. Чиркин В.Е. О базовых ценностях российской конституции (К 20-летию Конституции России) // Государство и право. 2013. № 12.
18. Автономов А.С. Ценность Конституции // Государство и право. 2009. № 3.
19. Борисов И.Б., Головин А.Г. Право на референдум: 25 лет конституционно гарантированному демократическому институту // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4.
20. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Конституционный Суд Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2021.
21. Эбзеев Б.С. Прошлое, настоящее и будущее правосудия // Журнал российского права. 2013. № 1.
22. Садовникова Г.Д. Народное представительство в современной России: анахронизм или перспективное направление развития демократии? // Государство и право. 2009. № 12.
23. Избирательные процессы и практика: актуальный взгляд. Монография / коллектив авторов; под общ. ред. Б.С. Эбзеева, И.Б. Гасанова. М.: РЦОИТ, 2018.

И.Б. БОРИСОВ
В.И. ЛЫСЕНКО

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА. ПРАВОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

***Аннотация.** Организация и проведение выборов в чрезвычайных ситуациях требует научного осмысления и выработки определенных принципов и подходов к вопросам допустимого и возможного ограничения избирательных прав в интересах обеспечения других фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, сохраняя при этом максимальный объем политических свобод граждан. Теория права и международная практика идут по пути поиска баланса интересов всех заинтересованных сторон. Авторы исследования об ограничении избирательных прав в чрезвычайных ситуациях убеждены в допустимости и даже объективной необходимости идти на определенные регулятивные ограничения в интересах соблюдения паритета в сложившейся системе обеспечения и защиты прав и свобод человека, но при соблюдении общепризнанных принципов и норм поведения, обусловленных соразмерностью данных ограничений.*

***Ключевые слова:** права человека и гражданина, избирательные права, выборы в чрезвычайных ситуациях, регулирование реализации избирательных прав, ограничения избирательных прав.*

VOTING RIGHTS IN THE HUMAN RIGHTS SYSTEM AND A CITIZEN. LEGAL PRIORITIES

***Abstract.** The organization and conduct of elections in emergency situations requires scientific understanding and the development of certain principles and approaches to the issues of permissible and possible restriction of electoral rights in the interests of ensuring other fundamental human and civil rights and freedoms, while maintaining the maximum number of political freedoms of citizens. The theory of law and international practice are on the way of finding a balance of interests of all interested parties. The authors in their study, Related to the restriction of voting rights in emergency situations, we are convinced of the permissibility and even objective need to go to certain regulatory restrictions in the interests of observing parity in the existing system of ensuring and protecting human rights and freedoms, but in compliance with universally recognized principles and norms of behavior.*

БОРИСОВ Игорь Борисович — член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович — главный советник отдела электронных ресурсов и издательской деятельности Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

Keywords: *human and civil rights, electoral rights, elections in emergency situations, regulation of the implementation of electoral rights, restrictions on electoral rights.*

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина были и остаются основной обязанностью государства в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 2). Зачастую объективная потребность общества и государства в ограничении прав и свобод человека и гражданина вступает в противоречие с необходимостью их соблюдения согласно международным актам и обязательствам, которые в действительности не склонны к абсолютизации и предоставляют достаточно широкую свободу усмотрения национальным законодателям в соответствии с основным законом страны. Поэтому вопрос о пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина в особых ситуациях является одним из наиболее актуальных не только для правоприменителей, но и для законодателей, работающих над вопросами укрепления и совершенствования системы обеспечения и защиты прав личности [1, с. 26–46].

Каждое государство, провозгласившее права человека высшей ценностью, обязано обеспечить защиту прав и свобод своих граждан всеми имеющимися правовыми средствами. Принимая меры, направленные на защиту прав и свобод, законодатель вынужден прибегать к механизмам регулирования порядка их реализации во избежание «конфликта приоритетов» либо посредством соблюдения имманентных пределов права, либо путем такого ограничения прав, которое позволяет противодействовать экстремизму, терроризму, коррупции, помогает обеспечивать общественный порядок при проведении публичных мероприятий, включая организацию голосования. Конституция России (ч. 3 ст. 55) исходит из аксиомы о том, что ограничения прав индивида необходимы, поскольку они являются инструментом согласования прав одного человека с интересами и правами других людей, общества, государства, а иногда и условиями осуществления государством своих функций [2, с. 84].

Анализ трудов Б.С. Эбзеева показывает, что ученый проводит разделительные линии между имманентными пределами права (идеей, сформулированной Конституционным судом Германии и поддерживаемой немецкой и австрийской научной доктриной) и ограничениями основных прав, а также между конституционными ограничениями и ограничениями конституционных прав [3, с. 17]. Ограничения прав им трактуются как изъятия [4]. В связи с данным моментом В.А. Лебедев утверждает: «Следует иметь в виду и то, что ограничение прав и свобод — это, скорее, исключение из правил, а не само правило. Задача национального законодателя и правоприменителя сводится к обеспечению свободы личности, а не к ее ущемлению» [5, с. 135].

Системообразующим условием ограничения прав и свобод согласно части 3 статьи 55 Конституции является требование о том, чтобы права и свободы личности ограничивались только в той мере, в какой это необхо-

димо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ограничивая одни права в законных интересах и прав других лиц или в интересах обеспечения других прав этих же лиц, необходимо учитывать не только соразмерность конституционным целям подобных ограничений (как неоднократно указывал Конституционный Суд¹), но и принцип пропорциональности баланса прав, гарантированных Основным законом государства.

Фактически на практике приходится решать вопрос «приоритетности» прав и законных интересов человека и гражданина. Например, принцип гласности проведения выборов (право на распространение информации, гарантированное ст. 29 Конституции Российской Федерации) приходится ограничивать в связи с необходимостью защиты персональных данных избирателей и участников выборов. Принцип тайны голосования имеет приоритет перед принципом подотчетности при организации дистанционного электронного голосования.

Вопрос, связанный с «приоритетностью» реализации прав, с повестки современного научного дискурса практически никогда не снимался. Его острота приобретает особый накал в случаях, когда права и свободы становятся объектом атак со стороны международного терроризма, экстремизма, неонацизма или в случаях ведения так называемых «гибридных войн», так как этот вопрос охватывает целый ряд открытых и подспудных проблем: могут ли вообще, а если могут, то насколько могут быть ограничены права и свободы в интересах других прав и свобод; до какого предела возможно ограничение избирательных прав и свобод в современных условиях; допустимо ли переносить (или откладывать) реализацию одних прав в интересах обеспечения других? И так далее.

Задача государства и его профильных органов заключается в том, чтобы, опираясь на толкование Конституционного Суда и позиции Верховного Суда Российской Федерации², обеспечить в максимально полном объеме

¹ См. например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.1998 № 7-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в Фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов // Сборник законодательства Российской Федерации. 1998. № 10, ст. 1242; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.04.1998 № 12-П по делу о проверке конституционности отдельных положений части 1 статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части 1 статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» // Сборник законодательства Российской Федерации. 1998. № 18, ст. 2063.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

реализацию прав граждан, в каждой конкретной ситуации исходя из баланса приоритетности и соразмерности ограничения прав гражданина и человека.

Современной истории известны случаи организации и проведения выборов в достаточной степени нестабильных ситуациях, в условиях повышенной опасности и даже при перманентно вспыхивающих вооруженных конфликтах. Речь, например, может идти об электоральных процессах в Афганистане и Косово, где выборы проводились при активном участии ОБСЕ в по-настоящему «горячих» условиях непрекращающихся вооруженных стычек; об Ираке, где не утихают внутренние междоусобицы; о Венесуэле, где избирательным кампаниям, да и непосредственно голосованию сопутствовали гибридные войны, развязанные США и Евросоюзом против непокорного государства Южной Америки; наконец, о непризнанных республиках Донбасса — ДНР и ЛНР, в тяжелой ситуации блокады и при ежедневных обстрелах со стороны регулярных воинских формирований Украины организовавших электоральные процессы с целью легитимной и легальной реализации воли и власти народа при позерстве Запада, прикрывавшегося Минскими соглашениями 2015 года³. Можно упомянуть и референдум в Судане о разделении страны на два государства в условиях фактической гражданской войны, который был всецело поддержан мировым сообществом в лице ООН.

Во всех приведенных примерах государство и органы, ответственные за организацию выборов, принимали соответствующие меры, направленные на специальное регулирование электоральных процессов, проводимых в особых и исключительных условиях. Фактически вводились дополнительные регулятивные нормы, которые, с одной стороны, обеспечивали безопасность избирателей и участников выборов, а с другой, — де-факто усложняли и затрудняли реализацию избирательных прав. На практике в подобных случаях избирательные права уступали пальму первенства фундаментальным правам человека — правам на жизнь, здоровье, неприкосновенность частной жизни и другим.

Сегодня перед правовой наукой стоит непростой вопрос о подходах в разрешении приоритетности и допустимости регулятивных ограничений при организации политических и избирательных процессов в сложных условиях геополитического противостояния, обострившегося практически на всех континентах по вине США и их европейских союзников, которые пытаются продолжать свое доминирование в мире.

³ Один из авторов настоящей статьи в соответствии с нотой МИД России в 2015–2016 годах представлял Российскую Федерацию в подгруппе по политическим вопросам Трехсторонней контактной группы Минских соглашений, которая работала над вопросами организации и проведения выборов в непризнанных ДНР и ЛНР, но при руководстве куратора от ОБСЕ и полном сопротивлении представителей Украины, препятствующих возобновлению мирных электоральных процессов на территории Донбасса.

* * *

В основу национальной безопасности России положено такое состояние защищенности, при котором, прежде всего, обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан⁴. Все международные акты о правах человека допускают ограничение прав и свобод как в условиях ординарного (нормального) правопорядка, так и при введении какого-либо чрезвычайного режима (чрезвычайное положение, военное положение, осадное положение и др.) [6, с. 338–342].

Согласно статье 29 Всеобщей декларации прав человека «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

В таких условиях, как полагает Н.С. Бондарь, важно определиться в выборе приоритетов, ибо вопрос заключается в том, являются ли глобалистскими приоритетами свобода и права человека или ценности безопасности. Это связано с тем, что в силу возникновения в нынешнем веке новых глобальных угроз человечеству (международный терроризм, природные и техногенные катастрофы, угроза глобального потепления и т.д.) все большее значение в мире приобретают вопросы безопасности личности, общества и государства. Положительный ответ только на один из этих вопросов, заключающийся в выборе только одного из вышеназванных приоритетов, представляется сомнительным [7, с. 15–17].

Свобода человека и гражданина не может существовать без ограничений по причине того, что каждый должен при реализации своих прав считаться с правами других индивидов для нормального функционирования как общества, так и государства [8, с. 17].

В современных реалиях достаточно жесткой, если не сказать жестокой, международной конкуренции зачастую проблемы приоритетов в реализации прав и свобод человека, включая вопросы безопасности личности, а не только государства, выходят на передний план при выработке управленческих решений жизни общества.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации закрепляет задачи, решение которых призваны способствовать достижению целей обеспечения государственной и общественной безопасности, исключению посягательства на основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина и одновременно — повышению уровня антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей, предупреждению и пресечению террористической и экстремистской деятельности⁵.

⁴ См. п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

⁵ См. п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации...

Естественно, возникает вопрос о приоритетности поставленных задач в контексте обеспечения прав и свобод человека. Принцип верховенства основных (фундаментальных) прав человека следует признать не только одним из важнейших общеевропейских принципов естественного права (наряду с принципами верховенства права и права на суд), но и главенствующим среди них [9, с. 134–135]. В научной литературе отмечается, что государство действует лишь в интересах человека и юридически способствует обеспечению его физической, материальной и духовной защиты [10, с. 25], фактически создавая систему безопасности для каждого человека в отдельности и всего социума в целом.

В 2005 году на совещании ОБСЕ было отмечено, что «Терроризм никаким образом не может быть оправдан преследованием политических или иных целей, поскольку он приводит к жертвам среди населения и подрывает неприкосновенность человеческой жизни. Вот почему в условиях противодействия терроризму исключительность обстоятельств требует законного и контролируемого вмешательства в права и свободы, — особенно если под угрозой находится безопасность большинства населения. Ограничение прав человека допускается в исключительных случаях, когда существуют достаточные основания предполагать наличие угрозы национальной и международной безопасности и согласно принципу наименьшего вреда — когда ограничение прав меньшинства допускается ради защиты прав большинства. Тем не менее даже в таком случае должны уважаться конкретные основные права и достоинство каждого человека, а также должен обеспечиваться надлежащий контроль со стороны государства и гражданского общества»⁶.

Согласно федеральному законодательству, противодействие терроризму в Российской Федерации базируется на принципах, важнейшими из которых, помимо прочих, являются обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также важность защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности⁷. Именно исходя из этих доктринальных подходов можно говорить об определенных приоритетах при возникновении террористических угроз.

Конституция закрепляет и защищает две категории прав: права человека и права гражданина. Права человека принадлежат каждому человеку от природы, человек обладает ими по рождению, и они неотчуждаемы. Политические права и свободы не относятся к этой группе.

В Конституции закреплён широкий круг личных прав человека (ст. 20–30), к которым относятся: право на жизнь (ст. 20), право на защиту своей чести и доброго имени (ст. 21 и ч. 1 ст. 23), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых,

⁶ Man, rights, and the fight against terrorism // Final Report of OSCE Supplementary Human Dimension Meeting. Vienna, 14–15 July 2005. P. 3.

⁷ Ст. 2 ФЗ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

телеграфных и иных сообщений (ст. 23), неприкосновенность жилища (ст. 25), право на свободное передвижение, выбор места жительства и пребывания (ст. 27), свобода совести и вероисповедания (ст. 28), свобода мысли и слова, свобода информации (ст. 29) и ряд других. Ограничения этих прав могут осуществляться только в случаях, установленных федеральным законом и на основании судебного решения.

Международная практика свидетельствует, что правовые и правоприменительные системы государств также ищут оптимальные пути сохранения «полного пакета» политических прав и свобод, включая избирательные, даже при угрозе террористических атак, экстремистских вылазках и других чрезвычайных ситуациях.

* * *

В критических ситуациях, в том числе в ходе борьбы с экстремизмом и терроризмом для государств очень важно не отступать от своих обязательств, установленных нормами о правах и свободах человека и международным правом, обеспечивая реализацию прав и свобод в максимально полном объеме. Международная электоральная практика реализации избирательных прав в чрезвычайных ситуациях наглядно демонстрирует применяемый достаточно широкий спектр мер, направленный на обеспечение политических прав и свобод в нештатных ситуациях.

Нельзя однозначно утверждать об их эффективности и возможности широкого применения, но, несомненно, электоральная международная практика имеет право на ее аналитическое изучение. Законодательство ряда зарубежных государств, прежде всего государств региона ОБСЕ, регулирует вопросы проведения голосования избирателей в условиях чрезвычайных ситуаций (в частности, стихийных бедствий, пожаров, в том числе террористической угрозы)⁸.

⁸ Международные документы по вопросам избирательного процесса практически не касаются вопроса об эвакуации избирательных участков в чрезвычайных ситуациях. В одном из ранее действовавших документов Совета Европы — Рекомендациях (2004)11 «Государствам-членам о юридических, организационных и технических стандартах электронного голосования» от 30 сентября 2004 года, содержалось положение, относящееся только к эвакуации основного оборудования для электронных выборов или электронного референдума.

Так, в указанных Рекомендациях (в Приложении III) содержалось положение о том, что «основное оборудование для электронных выборов или электронного референдума должно располагаться в безопасной зоне, которая в течение всего периода проведения электронных выборов или референдума обеспечивает охрану от любого вмешательства в их работу, откуда бы оно ни исходило. На время проведения выборов или референдума следует иметь план эвакуации на случай стихийного бедствия».

При проведении международного наблюдения на президентских, парламентских и местных выборах, а также референдумах в итоговых отчетах БДИПЧ ОБСЕ также не содержится каких-либо положений о правовом регулировании и практике эвакуации избирательных участков в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе террористической угрозы, особенностях организации и проведения голосования в указанных условиях.

При этом на практике в некоторых государствах (Великобритании, США, Франции) проведение голосования избирателей в чрезвычайных условиях, в том числе требующих эвакуации избирательных участков в случае террористической угрозы, является одним из «угрожающих» компонентов избирательного процесса на протяжении последних избирательных циклов, в том числе при проведении 8 ноября 2022 года промежуточных выборов в Конгресс США.

При этом законодательно регламентируются в том числе такие вопросы, как порядок принятия решения о прекращении голосования избирателей в помещении избирательного участка, эвакуации избирателей и избирательного участка, определение субъектов, правомочных принимать решения об эвакуации избирательных участков, порядок перемещения голосования избирателей на близлежащие (соседние) избирательные участки либо восстановления процедуры голосования после устранения чрезвычайных причин, вызвавших эвакуацию избирательного участка (Канада).

Так, в соответствии с законодательством (Актом о выборах от 1 сентября 2000 года) руководитель Ведомства по выборам Канады наделен полномочиями по адаптации избирательных процедур в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе в условиях чрезвычайного положения с тем, чтобы обеспечить реализацию избирателями их активного избирательного права и доступность для голосования помещений избирательных участков.

В некоторых государствах регулирование указанных вопросов в целях обеспечения единообразного применения положений законодательства осуществляется также нормативными и иными актами центральных избирательных (электоральных) органов (Великобритания).

При этом в законодательстве закрепляются различные модели, в рамках которых осуществляется наделение соответствующих государственных и иных органов и (или) руководителей соответствующих избирательных (электоральных) органов полномочиями по принятию решения об эвакуации избирательных участков в случае, в частности, стихийных бедствий, пожаров, террористической угрозы.

В одних государствах закрепляется положение о том, что правом принятия решения об эвакуации избирательного участка наделены как уполномоченные лица соответствующих правоохранительных органов, так и руководители избирательных участков, которые в случае наступления чрезвычайных обстоятельств вправе самостоятельно принимать решения о прекращении голосования избирателей в помещении избирательного участка, эвакуации избирателей и избирательного участка, определении субъектов, правомочных принимать решения об эвакуации избирательных участков, перемещении голосования избирателей на близлежащие (соседние) избирательные участки, а также о восстановлении процедуры голосования после устранения чрезвычайных причин, вызвавших эвакуацию избирательного участка (Великобритания).

В других государствах решение вопросов об эвакуации избирательных участков в чрезвычайных условиях предоставлено уполномоченным лицам соответствующих правоохранительных органов (Бельгия, Франция, США — отдельные штаты), либо решение указанных вопросов осуществляется в рамках взаимодействия уполномоченных лиц соответствующих правоохранительных органов и руководителей соответствующих избирательных (электоральных) органов (отдельные штаты США).

В законодательстве ряда государств закреплены и иные модели (их разновидности) наделяющие соответствующими полномочиями должностных лиц государственных или иных органов либо руководителей центральных электоральных органов, либо соответствующих вышестоящих избирательных органов по принятию решений об эвакуации избирательных участков в случаях стихийных бедствий, пожаров, террористической угрозы (Канада, США — отдельные штаты).

На практике сообщения о чрезвычайных ситуациях, прежде всего о террористической угрозе поступают в участковые или иные избирательные (электоральные) органы, правоохранительные и другие специализированные органы и организации, главным образом по таким каналам, как телефон, социальные сети, а также в результате бдительности избирателей и сотрудников избирательных органов.

При возникновении чрезвычайных ситуаций, связанных, прежде всего с террористической угрозой, избирательные участки эвакуируются, при этом голосование избирателей может быть продолжено на соседних избирательных участках либо на временно оборудованном избирательном участке, а при выявлении отсутствия террористической угрозы вновь возвращено в помещение для голосования «родного» избирательного участка (Великобритания, США, Франция).

Некоторые избирательные органы размещают на своих сайтах либо в социальных сетях информацию о новом «временном» месте голосования избирателей — соседнем избирательном участке (в связи с эвакуацией «родного» избирательного участка), а также номера телефонов или иных коммуникационных устройств для информационных контактов. При этом в некоторых случаях голосование избирателей — по решению соответствующих вышестоящих избирательных (электоральных) органов — может быть перенесено на другой календарный день. И для такого «экстремального» голосования может быть образован отдельный временный избирательный участок (Канада), либо по решению уполномоченного органа, в том числе суда, время голосования избирателей может быть продлено (Канада, США — штат Иллинойс).

Законодательство зарубежных государств регулирует порядок нахождения представителей правоохранительных органов и вооруженных сил страны в помещениях избирательных участков, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций, включая террористическую угрозу; при этом используются различные модели такого регулирования.

В одних государствах, хотя законодательно закреплено, что правоохранительные органы и вооруженные силы страны обеспечивают безопасность избирательного процесса, в том числе процесса голосования избирателей, указанные лица *не могут* находиться непосредственно в помещении для голосования избирательного участка, *однако могут* прибыть туда по указанию руководителя избирательного участка, в том числе в условиях террористи-

ческой угрозы (Армения, Бангладеш, Болгария, Буркина-Фасо, Бурунди, Великобритания, Гана, Италия, Камерун, Канада, Лесото, Либерия, Северная Македония, Мексика, Нигерия, Панама, Палестина, Папуа — Новая Гвинея, Руанда, Турция, Украина, ФРГ, Чехия, Эквадор).

В других государствах законодательство прямо закрепляет положение о том, что правоохранительные органы и вооруженные силы страны, обеспечивая безопасность избирательного процесса, в том числе процесса голосования избирателей, могут находиться непосредственно в помещении для голосования избирательного участка, в том числе в условиях террористической угрозы (Албания, Аргентина, Венесуэла, Зимбабве, Непал, США — штат Нью-Йорк, Уганда).

* * *

В рамках модели наделения как уполномоченных лиц соответствующих правоохранительных органов, так и руководителей избирательных участков полномочиями по принятию решения об эвакуации избирательного участка в чрезвычайных условиях в **Великобритании** при проведении 23 мая 2019 года выборов депутатов Европейского парламента Избирательной комиссией страны на основе положений, в частности Акта о народном представительстве 1983 года, Акта о политических партиях, выборах и референдумах 2000 года, было разработано и принято Руководство для сотрудников избирательных участков, в котором в специальном разделе (Приложение 7: «Обеспечение безопасности избирательного участка») было закреплено положение о том, что на руководителя избирательного участка возложена обязанность и ответственность за обеспечение безопасности избирательного участка, в том числе помещения для голосования избирательного участка.

Кроме того, особо закреплено положение о том, что в случаях стихийных бедствий, пожара, либо террористической угрозы, *уполномоченные лица правоохранительных органов* вправе принять решение об эвакуации избирательного участка (исполнение указанного решения для руководителя избирательного участка является обязательным). При этом *аналогичным правом, то есть правом самостоятельного принятия решения об эвакуации избирательного участка в чрезвычайных условиях*, наделены также *руководители избирательных участков*.

В рамках указанной правовой модели в случае стихийных бедствий, пожаров, террористической угрозы *уполномоченные лица правоохранительных органов* дают руководителю соответствующего участка обязательное для исполнения указание об эвакуации избирательного участка (в частности, о прекращении голосования избирателей и их незамедлительном удалении из помещения для голосования избирательного участка, о выносе избирательной документации и технологического электрорального оборудования).

При этом, в случае самостоятельного принятия руководителем избирательного участка решения об эвакуации избирательного участка, он может

также одновременно распорядиться о перемещении процедуры голосования избирателей на близлежащий (соседний) избирательный участок либо о переносе продолжения процедуры голосования избирателей на другое время либо календарный день. Руководитель избирательного участка должен незамедлительно поставить в известность соответствующего вышестоящего местного руководителя выборов об эвакуации избирательного участка и о принимаемых мерах, а также следовать поступающим от него указаниям.

Во время проведения 23 мая 2019 года выборов депутатов Европейского парламента от Великобритании на одной из строительных площадок, расположенных в непосредственной близости от помещения для голосования избирательного участка, образованного на территории Кенсингтонского Университета, при производстве строительных работ была обнаружена бомба времен Второй мировой войны. По решению руководителя избирательного участка голосование избирателей было прекращено, избирательный участок был эвакуирован, при этом по решению руководителя указанной участковой избирательной комиссии избиратели были перенаправлены для продолжения голосования в другое, выделенное для этих целей, помещение избирательного участка.

На другом избирательном участке, расположенном в Highgate Library по адресу Shepherds Hill, № 6, непосредственно в помещении для голосования избирательного участка был обнаружен подозрительный сверток. Председатель избирательного участка незамедлительно (в 10:10) проинформировал об этом органы полиции, самостоятельно не принимая решения об эвакуации избирательного участка. В этих условиях уполномоченное лицо полиции приняло решение об эвакуации избирательного участка и блокировке улицы, ведущей к помещению для голосования, до установления содержимого указанного свертка. Впоследствии (через час) в свертке взрывоопасных веществ не было обнаружено, и в 11:45 по местному времени голосование избирателей было возобновлено.

При проведении 12 декабря 2019 года досрочных выборов в Палату Общин в одном из нижних этажей одного из блоков жилого комплекса (the Glen tower block of flats in Motherwell) города Лондона около одного часа ночи, за шесть часов до начала голосования избирателей в помещении избирательного участка (время голосования избирателей — с 07:00 до 22:00 по местному времени, то есть продолжительность голосования избирателей составляет 15 часов), расположенного в одном из блоков этого комплекса, был обнаружен подозрительный предмет, о чем незамедлительно была поставлена в известность полиция. По указанию уполномоченного лица полиции все жители были эвакуированы; был вызван специалист, который с помощью дистанционно управляемого робота направленным взрывом разрушил указанный подозрительный предмет (полиции удалось задержать 48-летнего мужчину, подозреваемого в «закладывании» сомнительного предмета между 00:00 и 01:00). При этом в целях обеспечения безопасности

избирателей *руководитель избирательного участка во взаимодействии с правоохранительными органами принял решение о перенаправлении избирателей на другой избирательный участок.*

6 мая 2021 года при проведении специальных выборов в населенном пункте Hankelow Village Green (графство Чешир) в здании, соседнем с помещением для голосования избирательного участка, возник пожар. В связи с возгоранием (около 13:00 по местному времени), представляющим опасность для голосования избирателей в помещении избирательного участка, председатель избирательного участка самостоятельно принял решение об эвакуации избирателей и сотрудников участковой избирательной комиссии. При этом голосование избирателей фактически не прерывалось, поскольку сотрудники избирательного участка с использованием легковых автомобилей организовали своеобразный *временный уличный (выносной) избирательный участок и места для голосования избирателей.* После устранения пожарной опасности голосование избирателей было перемещено в стационарное помещение «родного» избирательного участка.

В рамках модели наделения уполномоченных лиц соответствующих правоохранительных органов полномочиями по принятию решения об эвакуации избирательного участка в *чрезвычайных условиях* (Бельгия, Франция) в **Бельгии** при проведении выборов 14 октября 2014 года в городе Тонгерен (провинция Лимбург) вследствие ложного сигнала о пожаре, прозвучавшего около 09:30 по местному времени, руководителем одного из избирательных участков было принято решение о его *временной эвакуации.* На этой основе — до приезда сил пожаротушения — было прекращено голосование избирателей, они были незамедлительно удалены из помещения для голосования избирательного участка, начался вынос избирательной документации и технологического электорального оборудования. При установлении срабатывания ложного сигнала о пожаре руководителем избирательного участка было принято решение о возобновлении (продолжении) голосования избирателей в помещении данного избирательного участка.

В **США** в соответствии с законодательством штатов уполномоченные должностные лица вышестоящих избирательных органов, правоохранительных органов, в том числе шерифы графств, наделены полномочиями по принятию решения об эвакуации избирательного участка в *чрезвычайных условиях*, в том числе в условиях стихийных бедствий, пожара, террористической угрозы (штат Флорида), при этом — в условиях обязательной эвакуации избирательного участка по решению уполномоченных лиц — руководители избирательных участков могут принимать решения о перемещении (передислокации) процедуры голосования избирателей на другие (соседние) избирательные участки.

Так, при проведении 4 ноября 2014 года промежуточных выборов в конгресс США в городе Лос-Анджелесе (штат Калифорния) в 10:00 по местному времени полиции стало известно о минировании помещения для голосо-

ния одного из избирательных участков, расположенного в здании средней школы. По указанию уполномоченного представителя полиции участок был незамедлительно закрыт, избиратели и сотрудники участка были эвакуированы из помещения для голосования, а зона вокруг участка была оцеплена сотрудниками правоохранительных органов.

При проведении в штате Флорида 8 ноября 2016 году выборов поступило сообщение якобы о минировании помещения для голосования одного из избирательных участков. Председатель избирательного участка незамедлительно проинформировал об этом органы полиции и вышестоящий избирательный орган — избирательный совет графства. По указанию уполномоченного представителя полиции во взаимодействии с избирательным органом графства избирательный участок был закрыт, а избиратели и сотрудники участка были эвакуированы.

Во **Франции** при проведении 23 апреля 2017 года первого утра голосования на президентских выборах в городе Безансон на востоке страны на стыке территориальных границ двух избирательных участков и их помещений для голосования был обнаружен угнанный неизвестными и оставленный с работающим двигателем легковой автомобиль (с поддельным государственным регистрационным номером). Он находился в 50 метрах от здания школы, где проводилось голосование избирателей. При наличии подозрений со стороны избирателей, что данный автомобиль мог быть заминирован, в известность была поставлена полиция и вызваны специалисты-взрывотехники.

По указанию уполномоченного представителя полиции избирательный участок был незамедлительно закрыт для голосования, а избиратели и сотрудники участкового избирательного бюро были эвакуированы с этих двух избирательных участков. После того, как было установлено, что припаркованный автомобиль не представляет какой-либо опасности, голосование было возобновлено (спустя примерно полтора часа после принятия полицией решения об их эвакуации).

Отметим, что при проведении указанных выборов безопасность обеспечивали около 50 000 полицейских и представителей специальных служб, а также около 7 000 военнослужащих.

В рамках модели наделяния руководителей центральных, в том числе некоторых иных электоральных органов полномочиями по эвакуации избирательных участков в чрезвычайных условиях в **Канаде** при проведении 13 октября 2019 года досрочного голосования во время урагана произошел обрыв линий высокого напряжения и 13 избирательных участков в городе Виннипеге и его пригородах, в том числе в отдаленных местностях проживания коренных жителей Канады (провинция Манитоба)⁹, было обесточено.

⁹ Некоторые населенные пункты, входящие в состав территории указанных (городских) избирательных участков, были расположены в отдаленных местностях, в частности, некоторые из них более чем в 250 км от города Виннипега.

В этих условиях продолжение голосования избирателей на данных избирательных участках было невозможно.

В соответствии с законодательством руководитель Ведомства по выборам Канады наделен *полномочиями по адаптации избирательных процедур в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе в условиях чрезвычайного положения с тем, чтобы обеспечить реализацию избирателями их активного избирательного права и доступность для голосования помещений избирательных участков*. Им было принято (во взаимодействии с руководителями 13 участковых избирательных комиссий) решение о прекращении голосования избирателей и об эвакуации указанных избирательных участков. При этом для избирателей был открыт дополнительный (временный) специальный избирательный участок в зале собраний университета Виннипега, где они могли принять участие в голосовании. Голосование было перенесено на следующий день. Для участия в голосовании эвакуированные избиратели должны были зарегистрироваться непосредственно в помещении для голосования указанного избирательного участка.

При этом на других (стандартных) избирательных участках в связи с имеющимися проблемами, вызванными ураганом, избирателям была предоставлена возможность проголосовать с использованием специальных избирательных бюллетеней {в том числе для сотрудников организаций, прибывших из соседних провинций (Саскачеван и Онтарио) для оказания помощи в восстановлении энергоснабжения провинции Манитоба}; кроме того, на некоторых избирательных участках провинции Манитоба официальное время голосования избирателей было сокращено.

* * *

Таким образом, правовое регулирование вопросов проведения голосования избирателей в условиях чрезвычайных ситуаций (в частности, стихийных бедствий, пожаров, *террористической угрозы*) в международной практике реализуется на двух уровнях:

- законодательное регулирование {порядок принятия решения о прекращении голосования избирателей в помещении избирательного участка, эвакуации избирателей и избирательного участка, определение субъектов, правомочных принимать решения об эвакуации избирательных участков, порядок перемещения голосования избирателей на близлежащие (соседние) избирательные участки либо восстановления процедуры голосования после устранения чрезвычайных и др. ситуаций};
- издание нормативных и иных актов центральных избирательных (электоральных) органов.

Выделяются следующие модели реализации обеспечения безопасности граждан в чрезвычайных ситуациях в ходе выборов:

- правом принятия решения об эвакуации избирательного участка, приостановке и/или переноса голосования, других ограничительных действий

(относительно реализации избирательных прав) наделены как уполномоченные лица соответствующих правоохранительных органов, так и руководители избирательных участков, которые в случае наступления чрезвычайных обстоятельств вправе самостоятельно принимать решения;

– решение указанных вопросов предоставлено уполномоченным лицам соответствующих правоохранительных органов;

– разрешение обозначенных проблем осуществляется в рамках взаимодействия уполномоченных лиц правоохранительных органов и руководителей избирательных (электоральных) органов;

– руководители центральных, в том числе некоторых других электоральных органов наделяются специальными должностными полномочиями в чрезвычайных ситуациях.

Российское законодательство предусматривает приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности. Так, Федеральный закон «О противодействии терроризму» декларирует такие принципы как: а) обеспечение и защиту основных прав и свобод человека и гражданина; б) законность и в) приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности¹⁰. Статья 11 указанного закона предусматривает в качестве обеспечительных мер, помимо прочего, «удаление физических лиц с участков местности и объектов».

Исходя из неделимости и всеобъемлемости прав человека и гражданина и проведенного эмпирического анализа, в случаях необходимости ограничения избирательных прав в чрезвычайных ситуациях органы, принимающие решение, должны основывать свои выводы на экспертных заключениях представителей государственных министерств, ведомств и учреждений, обеспечивающих безопасность населения, которые, в свою очередь, должны обозначать границы допустимых действий и решений людей в той или иной ситуации. В противном случае представитель избирательных органов, действующий без экспертной оценки специалиста, может либо недооценить угрозу безопасности, либо проявлять чрезмерное чувство потенциальной опасности. И то, и другое может привести к нарушению баланса в системе соблюдения прав гражданина и человека в нештатной либо чрезвычайной ситуации и не будет соответствовать поставленным целям избирательного процесса.

Как указывает Э.В. Портягина, любое законное ограничение прав и свобод человека в интересах общественной безопасности должно быть явно необходимо и оправдано конкретной ситуацией [11, с. 253–255]. Более категорично высказывается Т.Н. Нешатаева, считая, что принцип верховенства основных (фундаментальных) прав человека следует признать не только одним из важнейших общеевропейских принципов естественного права (наряду с принципами верховенства права и права на суд), но и главенствующим среди них [9, с. 134–135].

¹⁰ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта.

В научной литературе вполне обоснованно преобладает подход, основанный на принципе приоритета личной безопасности граждан над другими принципами обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Вышеприведенные практические примеры мирового опыта, де-факто формирующие правовой обычай, еще раз подтверждают, что организация и проведение выборов возможны в различных нештатных ситуациях¹¹, в том числе при существующей террористической угрозе, при этом допустимы регулятивные ограничения прав и свобод гражданина в интересах как его личной безопасности, так и безопасности государства, прав и законных интересов других лиц.

Но при этом должны быть соблюдены четыре условия: *объективно должна существовать нештатная (кризисная, чрезвычайная) ситуация; охват проблемой должен касаться всей территории избирательного участка (избирательного округа); должна существовать действительная (не мнимая) угроза; государство обязано довести до сведения населения информацию о введении ограничительных мер.* Именно эти условия считаются необходимыми и достаточными для применения отступлений от международных обязательств по соблюдению прав человека [см. более подробно: 1, с. 26–46]. В данной связи Д.Г. Назаров справедливо отметил, что «пределы того или иного конкретного права не умаляют его, а очерчивают, определяют его контуры, тем самым выявляя содержание этого права» [12, с. 89].

Конституционный суд Российской Федерации достаточно конкретно выразил правовую позицию в своих решениях, которые Б.С. Эбзеев систематизировал в некоторых работах: «Ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягло бы на само существование того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в части 3 статьи 55 Конституции, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существование конституционного права,

¹¹ Для целей настоящей статьи под «нештатной ситуацией» мы понимаем ситуацию, при которой по независимым от организаторов выборов причинам возникают риски нарушения прав и свобод человека и гражданина.

т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; с тем чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения» [3, 13].

В данном контексте Н.С. Бондарь совершенно верно замечает, что «нахождение баланса власти и свободы составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма» [7, с. 15–17]. Но при этом «резкая диспропорция интересов, их жесткая конкуренция не просто вредна, а пагубна. И право на этом пути должно жестко регламентировать соблюдение баланса интересов, способствовать гармонизации» [14, с. 86].

Именно в такой постановке вопроса, учитывая богатый мировой опыт, необходимо и допустимо решать вопросы обеспечения избирательных прав граждан в нештатных ситуациях (в кризисных или чрезвычайных условиях) организации выборов. Любые ограничения избирательных прав должны носить соразмерный характер, быть обоснованными применительно к конкретной ситуации, требующей принятия определенных мер реагирования в интересах защиты и сохранения других фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. С этой точки зрения несомненно, что данная тема требует дальнейшего анализа и изучения для выработки правовых подходов к системе приоритетов прав и свобод человека и гражданина в период организации и проведения электоральных процедур.

Список литературы

1. Борисов И.Б. Трансформация избирательных систем под воздействием неблагоприятных факторов // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2.
2. Подмарев А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1.
3. Романовский В.Г. Ограничение прав человека в современном конституционном праве России. Электоральный научный журнал «Наука. Общество. Государство» № 4 (28), 2019.
4. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2016. 336 с.
5. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. № 1 (122).
6. Подмарев А.А. Международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина и их значение для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 3.

7. Бондарь Н.С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал российского права. 2005. № 11.
8. Куричев А.А. Основные проблемы ограничения прав человека в современном государстве в целях противодействия экстремизму и терроризму // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 года: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Т. 2.
9. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.
10. Макушин А.А. Идея конституционной защиты человека в России // Правоведение. 2004. № 1.
11. Портнягина Э.В. К вопросу о борьбе с терроризмом и ограничении прав человека в международном праве // Всероссийская научно-практическая конференция: Сборник научных статей. 2015.
12. Назаров Д.Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1.
13. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. М.: Норма, 2007. 383 с.
14. Баранов В.М. Деструктивное воздействие права и национальные интересы // Журнал российского права. 2005. № 12.

ПРОЩАНИЕ С МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ

***Аннотация.** Статья является исследованием правового статуса избирательных комиссий муниципальных образований, в котором делаются выводы о причинах исключения этой организационно-правовой формы обеспечения избирательного процесса из российского законодательства. Рассматриваются два типа способов интеграции избирательных комиссий муниципальных образований в государственную систему подготовки и организации выборов, которые применялись на протяжении последних 20 лет. Рассмотрены условия и следствия упразднения муниципальных избирательных комиссий.*

***Ключевые слова:** муниципальные выборы, избирательные комиссии муниципальных образований, совмещение полномочий избирательных комиссий, совмещение составов избирательных комиссий, единая система публичной власти.*

FAREWELL TO MUNICIPAL ELECTORAL COMMISSIONS

***Abstract.** The article is a study of the legal status of election commissions of municipalities, in which conclusions are drawn about the reasons for the exclusion of this organizational and legal form of ensuring the electoral process from Russian legislation. Two types of methods for integrating election commissions of municipalities into the state system of preparation and organization of elections, which have been used over the past 20 years, are considered. The conditions and consequences of the abolition of municipal election commissions are considered.*

***Keywords:** municipal elections, election commissions of municipalities, combination of powers of election commissions, composition of election commissions, unified system of public power.*

Интересы профилактики злоупотреблений на муниципальных выборах требовали целенаправленной работы по уменьшению зависимости муниципальной избирательной комиссии от представительного органа местного самоуправления [анализ предпосылок и следствий такой зависимости см.: 8]. Такая деятельность велась по двум направлениям с помощью допускаемых законодательством организационно-правовых средств. Первый подход носил радикальный характер и состоял в отказе от формирования муниципальной

МАКАРОВ Иван Иванович — председатель Избирательной комиссии Ненецкого автономного округа, соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Нарьян-Мар

избирательной комиссии. Это было возможно в силу того, что в соответствии с частью 2 статьи 34 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» она не входила в число обязательных органов. Полномочия избирательной комиссии муниципального образования возлагались при этом на территориальную или участковую избирательную комиссию.

Совмещение полномочий комиссий и совмещение составов комиссий

Идея *совмещения полномочий двух комиссий* была реализована уже в Федеральном законе от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», часть 1 статьи 21 которого определяла, что территориальные избирательные комиссии действуют в качестве избирательных комиссий муниципальных образований.

В соответствии с частью 4 утратившей ныне силу статьи 24 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) полномочия избирательной комиссии муниципального образования могли возлагаться решением избирательной комиссии субъекта Российской Федерации на территориальную или участковую избирательную комиссию, но только на основании обращения соответствующего представительного органа.

Этот организационный способ профилактики зависимости от представительного органа местного самоуправления стал достаточно популярен. По данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по состоянию на апрель 2021 года, из 2799 территориальных избирательных комиссий, существовавших в 85 субъектах России¹, 2401 исполняли возложенные на них полномочия избирательных комиссий муниципальных образований. В их число входят 49 территориальных комиссий, выполняющих полномочия по организации муниципальных выборов в административных центрах и столицах субъектов Федерации. В ряде регионов уже довольно давно не существует ни одной муниципальной избирательной комиссии, как, например, в Тульской области [6, с. 44]. В других субъектах Федерации избирательные комиссии муниципальных образований действовали лишь в одном-двух крупнейших городских центрах, как, например, Екатеринбург и Нижний Тагил в Свердловской области [3]. По данным ЦИК России, по состоянию на 1 марта 2022 года муниципальные избирательные комиссии сохранялись в административных центрах и столицах 47 субъектов Российской Федерации.

¹ В это число не входит территориальная избирательная комиссия Федеральной территории «Сириус».

Практиковались различные модели совмещения полномочий избирательными комиссиями, что позволяло экономить финансовые, материальные и кадровые ресурсы [12, с. 131]. Достаточно распространена на практике допускаемая законом ситуация, когда территориальная избирательная комиссия одновременно выполняет полномочия избирательных комиссий всех муниципальных образований, входящих в юрисдикцию территориальной комиссии. Муниципальные избирательные комиссии при этом не формируются. Существовала в соответствии с частью 4 статьи 26 Закона об основных гарантиях и обратная возможность, когда избирательная комиссия муниципального района по решению избирательной комиссии субъекта Федерации, согласованному с представительным органом муниципального образования, исполняла полномочия территориальной избирательной комиссии соответствующего района. Например, Белгородская область была субъектом Федерации, в котором в каждом из двадцати двух районов полномочия территориальных избирательных комиссий были возложены на муниципальные, а территориальные комиссии при этом не образовывались.

Возложение полномочий муниципальных избирательных комиссий на участковые комиссии оптимально, например, в труднодоступных и удаленных муниципальных образованиях. Так, в Ненецком автономном округе только два населенных пункта — административный центр региона — город Нарьян-Мар, и административный центр Заполярного района — поселок Искателей, не отнесены к труднодоступным и удаленным территориям. Территориальные избирательные комиссии расположены в Нарьян-Маре и в поселке Искателей. Попасть в остальные населенные пункты можно только с помощью воздушного или речного транспорта. В регионе одно городское и 18 сельских поселений. Возложение исполнения полномочий избирательных комиссий этих сельских поселений на территориальную избирательную комиссию Заполярного района в условиях применения мажоритарной избирательной системы на муниципальных выборах создавало бы существенные препятствия для лиц, пожелавших стать кандидатами.

Кандидат, выдвигающийся не в списке кандидатов, обязан в соответствии с частью 5 статьи 33 Закона об основных гарантиях представлять документы лично. Требование посещать территориальную избирательную комиссию в административном центре района с целью сдачи документов для выдвижения означало бы как минимум фактическое ограничение пассивного избирательного права. Исполнение полномочий по подготовке муниципальных выборов и референдумов возлагается на участковые избирательные комиссии, расположенные в административных центрах соответствующих сельских поселений. В условиях высокой стоимости билетов на вертолет только такое решение способно обеспечить выполнение принципа равенства кандидатов.

Возложение полномочий муниципальных избирательных комиссий на территориальные и участковые комиссии являлось направлением долговременной и постепенной политики избирательных комиссий субъектов

Российской Федерации, осуществляемой в рамках полномочий, предусмотренных в части 10 статьи 23 Закона об основных гарантиях.

Так, в Ленинградской области в 2008 году избирательные комиссии муниципальных образований действовали только в семи [5, с. 73] муниципальных образованиях из 222 муниципальных образований региона [7, с. 115]. В большей части случаев это были крупные муниципальные образования, которые в результате реформы местного самоуправления частично утратили свою компетенцию и вошли в состав муниципальных районов в качестве поселений (города Гатчина, Коммунар, Пикалёво, Колтушское сельское поселение). В таких муниципальных образованиях сохранение муниципальных избирательных комиссий было некоторой компенсацией за статусные потери, наступившие в результате муниципальной реформы 2003–2009 годов. За период, прошедший с 2008 года по 2022 год, общее число муниципальных избирательных комиссий в регионе сократилось до четырех.

Попыткам образования новых избирательных комиссий муниципальных образований, которые предпринимались, как правило, накануне объявления очередных муниципальных выборов, оказывалось профилактическое противодействие со стороны избирательной комиссии субъекта Российской Федерации. Где-то, как, например, в Синявинском городском поселении Кировского муниципального района Ленинградской области, перед муниципальными выборами 2019 года руководители муниципального образования вняли убеждениям со стороны Избирательной комиссии Ленинградской области и согласились с нецелесообразностью разрушения сложившейся системы организации муниципальных выборов. В иных муниципальных образованиях, в частности, в Горбунковском сельском поселении Ломоносовского муниципального района Избирательная комиссия Ленинградской области вынуждена была выступать заинтересованным лицом в судебном заседании. Это случилось, когда совет депутатов поселения, пользуясь отсутствием иммунитета структуры органов местного самоуправления [8, с. 57], пытался создать муниципальную избирательную комиссию накануне назначения выборов и получил отказ регионального управления Минюста в регистрации соответствующих изменений в устав муниципального образования.

Следует отметить, что в обоих случаях поводом для инициативы создания избирательной комиссии муниципального образования служили сомнения в добросовестности территориальных избирательных комиссий, которые должны были проводить муниципальные выборы. В дальнейшем эти опасения не подтвердились, и политические силы, ставившие вопрос об образовании муниципальной избирательной комиссии, смогли сохранить большинство в новом составе представительного органа, сформированного на выборах, организованных территориальной избирательной комиссией.

Вторым организационно-правовым способом снижения зависимости муниципальной избирательной комиссии от представительного органа местного самоуправления был *метод совмещения составов комиссий*. Этот

метод достаточно действенный, но требующий большей переговорной квалификации руководителей региональной системы избирательных комиссий. В соответствии с частью 4 статьи 29 Закона об основных гарантиях запрещено членство в разных избирательных комиссиях только на одних выборах. Если муниципальная избирательная комиссия не задействована в региональных или федеральных выборах, то есть не выполняет полномочия территориальной комиссии, как это имело место в Белгородской области, то включение члена территориальной или иной комиссии в состав муниципальной допустимо.

Избирательная комиссия Великого Новгорода, полномочия которой были прекращены в мае 2022 года, состояла из 12 членов². Территориальная избирательная комиссия Великого Новгорода состоит из 14 членов³. Все 12 членов муниципальной избирательной комиссии административного центра Новгородской области входили в состав территориальной комиссии. Председатель территориальной комиссии одновременно возглавляла муниципальную избирательную комиссию; заместителем председателя территориальной комиссии было лицо, одновременно замещавшее аналогичную должность в избирательной комиссии муниципального образования. Только должности секретарей занимали разные члены комиссий, но секретарь территориальной избирательной комиссии входила в состав муниципальной комиссии в качестве члена с правом решающего голоса, а бывший секретарь муниципальной комиссии обладал правом решающего голоса в территориальной избирательной комиссии. Парламентские политические партии за редким исключением выдвигали в состав и той и другой комиссии одного и того же человека. Другие члены комиссий, в том числе руководители, выдвигались от разных субъектов выдвижения, таких, как представительный орган муниципального образования, избирательная комиссия субъекта Федерации или собрание избирателей по месту жительства.

Это лишь один красноречивый случай умелого поиска баланса интересов при формировании нижестоящих избирательных комиссий. Подобные примеры демонстрировали руководители системы избирательных комиссий в различных регионах страны. Здесь вопрос в том, какие возможности предоставлял закон для воплощения подобных сбалансированных кадровых решений при формировании муниципальных избирательных комиссий?

В соответствии с частью 8 статьи 24 Закона об основных гарантиях представительный орган муниципального образования обязан был назначать половину от общего числа членов избирательной комиссии на основе поступивших предложений политических партий, выдвинувших списки кандидатов,

² Состав Избирательной комиссии Великого Новгорода (срок полномочий 2020–2025 годов) (полномочия прекращены, решение Думы Великого Новгорода от 25.05.2022 № 700). [Электронный ресурс]. URL: <https://adm.nov.ru/page/778> (дата обращения: 20.02.2023).

³ Состав Территориальной избирательной комиссии Великого Новгорода (срок полномочий 2020–2025 годов). [Электронный ресурс]. URL: <https://adm.nov.ru/page/780> (дата обращения: 20.02.2023).

допущенные к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе, в законодательном органе субъекта Российской Федерации и представительном органе муниципального образования. В соответствии с частями 9 и 9¹ статьи 24 вторую половину состава муниципальной избирательной комиссии представительный орган муниципального образования обязан назначить по предложению территориальной избирательной комиссии, — в случае формирования муниципальной избирательной комиссии поселения, или по предложению избирательной комиссии субъекта Федерации, — в случае формирования избирательных комиссий муниципальных образований других видов, в том числе внутригородских территорий городов федерального значения.

Накануне муниципальных выборов 2019 года в двух городских поселениях Ломоносовского района Ленинградской области формировались новые составы избирательных комиссий муниципальных образований. Руководители муниципальных образований не пошли навстречу предложениям руководителей Избирательной комиссии Ленинградской области доверить организацию муниципальных выборов территориальной избирательной комиссии. Компромиссным решением стало формирование каждой из двух муниципальных избирательных комиссий в составе шести членов, в число которых вошли представители вышестоящих комиссий.

В случае Вилозского городского поселения Ломоносовского района в состав поселенческой избирательной комиссии по предложению территориальной избирательной комиссии были включены три члена ТИК, в том числе ее председатель. Он же был избран председателем муниципальной избирательной комиссии. В Аннинском городском поселении в состав поселенческой избирательной комиссии представительный орган по предложению территориальной комиссии назначил также троих членов, среди которых был один член ТИК и один член областной избирательной комиссии. Ранее в избирательную комиссию Кузьмолловского городского поселения Всеволожского муниципального района по предложению территориальной избирательной комиссии был включен и затем избран заместителем председателя комиссии один из опытных сотрудников аппарата Избирательной комиссии Ленинградской области.

Различные варианты совмещения составов избирательных комиссий, частичного или полного [11, с. 76] дублирования состава территориальной избирательной комиссии в составе избирательной комиссии муниципального образования были довольно результативным инструментом формирования сбалансированного, компетентного и добросовестного состава муниципальной избирательной комиссии. Этот метод служил достойным дополнением к активно применявшейся практике возложения полномочий муниципальных избирательных комиссий на территориальные и участковые комиссии.

В целом можно сказать, что закон давал достаточно способов и возможностей влиять на персональный состав избирательных комиссий муниципальных образований, исключая или, по крайней мере, минимизируя

взаимные связи между членами представительного органа действующего состава и членами избирательной комиссии муниципального образования, сокращая таким образом возможность обусловленных этими связями злоупотреблений. Формирование избирательных комиссий муниципальных образований и, в более широком смысле, осуществление полномочий муниципальных избирательных комиссий — такой пример, когда возникающие на практике проблемы могли решаться и во многих регионах решались не столько изменением закона, сколько грамотным и добросовестным применением правовых норм.

Достаточно сложное и подробное правовое регулирование порядка выдвижения кандидатур в состав избирательной комиссии муниципального образования само по себе служило мотивом согласия на возложение полномочий муниципальной избирательной комиссии на территориальную комиссию. Имел место, однако, и обусловленный этим особый вид электро-ральных злоупотреблений: попытки тайного формирования избирательной комиссии муниципального образования [1, с. 133–134]. Что же все-таки заставило пойти на кардинальный шаг упразднения этого атрибута муниципальной автономии?

Единство системы избирательных органов

К сожалению, избирательные комиссии муниципальных образований так и не смогли стать структурами, независимыми от органов политической власти [13, с. 8], в данном случае — муниципальной власти. Применявшийся способ формирования в сочетании с социально-политическими условиями на локальном муниципальном уровне далеко не всегда мог обеспечить назначение членов муниципальной комиссии не только с учетом соблюдения баланса различных интересов [13, с. 8, прим. 7], но даже с учетом наличия безупречной репутации и необходимой профессиональной квалификации в вопросах организации избирательного процесса.

Конституционная новелла о единой системе публичной власти, в которую входят органы местного самоуправления и органы государственной власти, создала концептуальную базу для пересмотра законодательного регулирования организационной системы подготовки муниципальных выборов. В этом ключе мартовские изменения 2022 года⁴, согласно которым избирательные комиссии муниципальных образований исключены из системы избирательных комиссий, а статья 24 Закона об основных гарантиях признана утратившей силу, выглядят вполне логично и более чем ожидаемо. Единство публичной власти вытекает, как справедливо отмечено в литературе [2, с. 4], из принципа народовластия, подразумевая при этом единство избирательной системы на всех уровнях власти.

⁴ Федеральный закон от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Концепция единства системы органов публичной власти получила свое непосредственное практическое следствие в избирательном процессе в виде упразднения института избирательных комиссий муниципальных образований. Вероятно, это не единственное следствие новых конституционных норм для избирательной системы Российской Федерации. Не исключено, что новое концептуальное осмысление может получить процедура сбора подписей депутатов представительных органов муниципальных образований в поддержку кандидатов на должности глав субъектов Федерации (институт муниципального филтра). В контексте упразднения избирательных комиссий муниципальных образований необходимым образом возрастет значение института окружных избирательных комиссий.

Дискуссии о предложении иных способов формирования избирательных комиссий муниципальных образований, либо модификации существовавшего способа формирования прекращены за отсутствием предмета. Тем не менее остается вопрос учета позиции местного сообщества в процессе формирования избирательной комиссии, которая будет проводить муниципальные выборы и референдумы. Представительный орган муниципального образования утратил контроль за этой процедурой, но имеет возможность сохранить некоторое влияние на персональный состав территориальной или участковой комиссии. Здесь тоже уместно вспомнить о конституционных новеллах 2020 года.

Норма, установленная в новой части 1.1 статьи 131 Конституции Российской Федерации, о праве органов государственной власти участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом, давно имеет обратный аналог в компетенции органов местного самоуправления. В соответствии с частью 5 статьи 23, частью 6 статьи 26 Закона об основных гарантиях представительные органы местного самоуправления обладают правом выдвигать членов избирательных комиссий субъектов Федерации и членов территориальных избирательных комиссий. Представительные органы местного самоуправления этим правом активно пользовались, то есть регулярно участвовали в формировании государственных органов. Эта норма практически всегда была востребована при формировании избирательных комиссий субъектов Федерации. В меньшей степени она применялась при формировании территориальных избирательных комиссий. В современных условиях представляется обоснованным применять практику выдвижения представительным органом кандидатур в состав комиссии во всех случаях формирования состава или заполнения вакансий в территориальной избирательной комиссии.

Представительный орган местного самоуправления в соответствии с частью 4 статьи 27 Закона об основных гарантиях обладает также правом для выдвижения кандидатов в состав участковой избирательной комиссии.

В случае выполнения участковой избирательной комиссией полномочий по подготовке муниципальных выборов и референдумов выглядело бы вполне логичным, если предложение представительным органом соответствующего муниципального образования кандидатуры в состав участковой комиссии обладало таким же статусом, как и предложение парламентской партии.

Упразднение института избирательных комиссий муниципальных образований стало, возможно, самой на настоящее время значимой законодательной мерой, направленной «на борьбу со злоупотреблением преимуществами должностного положения» [9, с. 7], необходимость которой осознавалась уже давно. Императивное возложение полномочий по подготовке и проведению муниципальных выборов и референдумов на территориальные и участковые избирательные комиссии можно считать одним из механизмов встраивания местного самоуправления в систему государственной власти [10].

Ликвидация этого комплексного правового института муниципального и избирательного права — избирательных комиссий муниципальных образований — благополучно вписалась в новую конституционную концепцию единства системы органов публичной власти. Муниципальные избирательные комиссии с репутацией, испорченной казусами электоральной коррупции и академической критикой, не вполне внятного правового статуса, чужеродно смотрелись в системе избирательных комиссий с иерархической логикой ее построения. Гармонично «вплести» муниципальные избирательные комиссии в стройную систему избирательных комиссий Российской Федерации [4, с. 37] удалось не везде. Вопреки большим и долговременным усилиям руководителей системы избирательных комиссий, законодателей и теоретиков избирательного и муниципального права, в отдельных территориях оказалось невозможным обеспечить включение в персональный состав комиссий требуемого количества добросовестных и законопослушных организаторов выборов. Причины этой невозможности оставляются за пределами исследования. Помимо обычных споров, возникающих практически в любой сфере, которая регулируется правом (вспоминаются, например, ставропольский и тверской судебные казусы 2008 года, которые рассматривались Верховным Судом Российской Федерации и были связаны с формированием избирательных комиссий муниципальных образований [14, с. 189–192]), история муниципальных избирательных комиссий оказалась обременена огромными репутационными потерями, которые практически безвозвратно дискредитировали идею самостоятельных избирательных комиссий муниципальных образований. Впрочем, наличие связи между существованием автономии местного самоуправления и более широкими возможностями для злоупотреблений не является открытием, сделанным на отечественном материале⁵.

⁵ Об этом аспекте в истории английской системы местного самоуправления см. напр.: [15, с. 18].

В силу изложенного, после конституционных поправок 2020 года избирательная комиссия муниципального образования ожидаемо стала первым кандидатом на переход в категорию явлений истории муниципального и избирательного права.

Федеральный законодатель вплотную подошел к производству муниципальной реформы. Проект нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный в Государственную Думу 16 декабря 2021 года⁶, уже не содержал статьи об избирательной комиссии муниципального образования, равно так же, как отсутствует в этом документе упоминание таких правовых институтов, как голосование по вопросу отзыва должностных лиц местного самоуправления и голосование по вопросам изменения границ муниципального образования или преобразования муниципального образования. Лишение муниципальных избирательных комиссий полномочий, а значит, прекращение их деятельности, состоялось в подавляющем большинстве случаев уже до объявления очередных муниципальных выборов, назначаемых на единый день голосования 11 сентября 2022 года. То есть необходимые решения избирательных комиссий субъектов Федерации по возложению полномочий по подготовке и организации муниципальных выборов и референдумов на территориальные и участковые избирательные комиссии в муниципальных образованиях, где готовились выборы, приняты не позднее первой декады июня 2022 года. По данным ЦИК России, из 2542 муниципальных избирательных комиссий, которые на 1 марта 2022 года существовали в 56 субъектах Российской Федерации, через девять месяцев упразднено 2459. Оставшиеся 83 в начале декабря находились на различных этапах ликвидации. Подготовка новой российской муниципальной реформы началась с системы избирательных комиссий.

Список литературы

1. Алехина И.С. Система избирательных комиссий в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2014. № 4.
2. Бабичев И.В. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: некоторый анализ конституционных новелл // Местное право. 2020. № 6.
3. Бастрикова И.В. Система избирательных комиссий при проведении муниципальных выборов // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 2.
4. Борисов И.Б. Гарантии эффективного местного самоуправления: организационные основы и электоральные процессы // Вестник Национального комитета «Интеллектуальные ресурсы России». 2005. № 3.
5. Журавлев В.П. Система избирательных комиссий в Ленинградской области // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4.

⁶ Досье законопроекта № 40361-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 20.02.2023).

6. Костенко С.Ю., Тюрина Н.С. Технологии организации выборов: региональный опыт // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 4.
7. Макаров И.И. О социальном восприятии муниципально-правового термина «поселение» // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Психология, социология, педагогика. 2013. № 2.
8. Макаров И.И. Избирательные комиссии муниципальных образований: проблемы и нарушения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10.
9. Памфилова Э.А. Главная задача организаторов выборов — добиться доверия избирателей // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4.
10. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8.
11. Пузанова О.А., Иващенко Д.Н. Проблемы образования и функционирования избирательных комиссий муниципальных образований в городе Москве // Ученые записки. 2021. № 2.
12. Фадеев В.И., Рауткина Н.И., Миронов Н.М. Муниципальные выборы в Российской Федерации. М.: Норма. 2006. 368 с.
13. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11.
14. Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. М.: Норма: Инфра-М. 2010. 336 с.
15. Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX — начала XX века). М.: Издательство Московского университета. 2011. 432 с.

Н.В. ПЕРЕВЫШИН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЫБОРЫ КАК ОСНОВА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье анализируются современные проблемы демократизации и автократизации, а также роль избирательного процесса в установлении демократического режима. Приводится понимание процесса демократизации как государственной политики. Автором предложена концепция исследования уровня восприятия демократических традиций в обществе через исследования общественных выборов. **Ключевые слова:** демократия, местное самоуправление, автократизация, территориальное общественное самоуправление, избирательный процесс, общественные выборы.*

CIVIC ELECTIONS AS THE BASIS OF DEMOCRATIZATION IN RUSSIA

***Abstract.** The article analyzes the modern problems of democratization and autocratization, as well as the role of the electoral process in the establishment of a democratic regime. The understanding of the democratization process as a state policy is given. The author proposes the concept of studying the level of perception of democratic traditions in society through the study of civic elections.*

***Keywords:** democracy, local self-government, autocratization, territorial public self-government, electoral process, civic elections.*

Демократическое политическое устройство общества продолжает оставаться базовым принципом развития цивилизации. Организация Объединенных Наций — единственный общепризнанный в мире институт глобального политического управления — рассматривает демократическое управление как один из основных вопросов повестки дня развития человечества¹ наряду с безопасностью, демографическими проблемами, развитием здравоохранения и другими первостепенными задачами мирового сообщества². При этом, если мы говорим только об управлении обществом, то демократия является своеобразной «монополией» для ООН: никакие другие способы политического управления не рассматриваются междуна-

ПЕРЕВЫШИН Никита Владимирович — руководитель ООО «Центр исследования правоприменения», г. Уфа

¹ Демократическое управление // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/democrasy> (дата обращения: 10.10.2022).

² Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/global-issues-overview/index.html> (дата обращения: 10.10.2022).

родным сообществом как значимые для развития и не включены в глобальные вопросы повестки дня.

В соответствии с поставленными целями развития мировой цивилизации политическая наука разрешает актуальные задачи по исследованию механизмов и технологий демократизации.

В современной политической науке выделяется двухстадийный процесс устойчивости демократии: первая стадия — «устойчивость к наступлению демократии», когда удается избежать «обратной» автократизации на стадии формирования демократических институтов; вторая стадия — «устойчивость к разрушению», когда новые попытки автократизации в сформировавшейся демократии получают должный уровень противодействия [1, с. 887].

Таким образом, сам факт формально-правового установления в государстве демократии и проведение регулярных выборов в органы государственной власти и местного самоуправления не исключают риска возвращения к авторитаризму в начальной стадии «устойчивости к разрушению». Процесс демократизации является обратимым [2]. В связи с этим основной задачей современных политологических исследований в России выступает выявление и предотвращение рисков автократизации и разработка концепций устойчивого демократического развития.

Демократизация и избирательный процесс

Традиционно под демократизацией понимается «процесс политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя» [3]. Несмотря на очевидность терминологии, само понимание демократизации продолжает оставаться размытым, по крайней мере в российских исследованиях. К примеру, употребляется понятие «принудительная демократизация» [4]. Безусловно, внешние факторы могут оказать влияние на демократизацию в отдельном обществе, но «насадить» демократию невозможно: общество или готово принять на себя функцию по активному участию в управленческой деятельности, или нет. Попытки же придать переносный смысл понятию «демократизация» вряд ли являются правильным способом изучения проблемы. Наоборот. Необходимо различать участие, в том числе международное, в процессе демократизации, с одной стороны, и процессы принудительного ограничения суверенитета государств под формальным предлогом содействия установлению демократического режима, — с другой. Во втором случае общество не является субъектом и не начинается процесс демократизации, а саму «принудительную демократизацию» следует относить к технологиям реализации внешней политики заинтересованных государств.

Демократизация предполагает общество главным субъектом изменений, при этом роль органов публичной власти должна быть определяющей для активизации гражданского участия в сфере публичного управления.

В условиях рисков неустойчивости недемократических политических режимов [5, с. 59, 66–75] осуществление на практике демократизации становится прагматичным элементом стратегии политического управления в сфере внутренней политики в странах современных форм авторитаризма, поскольку при смене авторитарного лидера демократическим бывшие автократы имеют больше гарантий личной неприкосновенности и даже продолжения участия в политической жизни [6, с. 28].

«Революция роз» 2003 года (Грузия), «оранжевая революция» 2004 года (Украина), «тюльпановая революция» 2005 года (Киргизия) стали возможны по причинам формального отношения публичной власти к вопросам демократизации и наличия критической массы недовольства политической властью со стороны активной части общества [7, с. 37]. Схожие выводы высказываются относительно массовых протестов в России 2012 года [8], «революции достоинства» 2013–2014 годов (Украина) [9] и политического кризиса в Белоруссии 2020 года [10].

Страны, не прошедшие этапы демократизации общества, имеют общую тенденцию к политической дестабилизации и кризису при возникновении существенных негативных социально-экономических изменений. Публичная власть в таких государствах уязвима, так как не имеет поддержки со стороны самоорганизованного и политически развитого структурированного общества.

Напротив, государства с развитым гражданским обществом отличаются подлинной политической стабильностью, поскольку диалог власть-общество происходит не между правительством и обезличенными (часто манипулируемыми) народными массами, а между правительством и системой структурированных социальных групп и институтов.

Понимание демократизации как абстрактного процесса социальных и политических изменений представляется неполным, поскольку из указанного выше понимания остается неясной роль органов власти в установлении демократического режима, — происходит этот процесс стихийно или является системным.

Демократизация — государственная политика по формированию и развитию социальных и политических институтов и технологий, способствующих устойчивому и широкому вовлечению общества как субъекта в процесс принятия управленческих решений органами публичной власти. Понимание демократизации как процесса «политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя» [3], не отражает существа демократизации, а скорее определяет ее конечные цели. Системное демократическое саморазвитие характерно для гражданского общества. В отсутствии устойчивых демократических ценностей и существенного опыта самоорганизации в обществе, можно вести речь лишь о запросе отдельных социальных групп на демократизацию, как ожидаемую государственную политику, а не о собственно демократизации.

С. Хантингтон выделил понятие волн демократизации, под которыми понимается «группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период» [11, с. 26].

В целях определения факта перехода к демократическому режиму выделено множество критериев (индексов демократии) для характеристики тех или иных стран демократическими и степени их демократичности [12], и в основу каждого из них положено качество избирательного процесса.

Однако критерии качества избирательного процесса в государствах носят формальный или явно оценочный характер: согласно К. Боллену индикатором демократии являются честные выборы; для А. Пшеворского сам факт наличия выборов в органы государственной власти достаточен; Freedom House предлагает определять наличие демократии также по честности выборов, добавляя к этому сильную оппозицию; а Т. Ванханен предлагает ориентироваться на результаты выборов по критерию явки на выборы и количеству голосов, не поданных за победившую партию [13, с. 61].

Проведение избирательных кампаний может стимулировать гражданскую активность, улучшать качество публичного управления. К примеру, в одном из исследований было выявлено, что не менее 60 процентов предвыборных обещаний в демократически проводимых избирательных кампаниях выполняются, перспективы проведения выборов с избирательными кампаниями более востребованы для избирателей, а сама перспектива переизбрания в сочетании с высоким уровнем поддержки способствует эффективной деятельности выборных лиц [14, с. 579–582].

Между тем избирательный процесс с сопутствующими институтами и технологиями адекватно выполняет функции стимулирования гражданской активности и улучшения качества публичного управления в условиях демократического режима. При «электоральной автократии» избирательный процесс может наделяться публичной властью прямо противоположными функциями. В этой части выделение государственных выборов (выборов в органы государственной власти и местного самоуправления) как основы демократизации представляется неоднозначным решением.

В отношении местного самоуправления непосредственное демократическое участие в местных программах развития повышает доверие к таким управленческим процессам и самим программам [15]. Подобное демократическое участие также следует отнести к избирательному процессу в контексте демократизации, поскольку применяемые технологии делиберативной демократии способствуют принятию гражданами демократических ценностей через формирование культуры участия в электоральном процессе.

В целом качество избирательного процесса напрямую влияет на восприимчивость общества к демократии. Сам процесс демократизации влечет за собой проведение открытых демократических выборов. Однако,

безусловной причинно-следственной связи между проведением демократических выборов и установлению демократии нет, что доказывается, в частности, советско-российской историей выборов конца 1980-х — начала 1990-х годов. Соответственно, демократические государственные выборы не могут быть обязательной основой демократизации. При этом под выборами следует понимать весь комплекс мероприятий в избирательном процессе в их качественном и количественном измерении, в особенности этап предвыборной агитации, как наиболее важный для избирателей.

Автократизация представляет собой, как правило, длительный процесс поэтапного возвращения к недемократическим формам и механизмам реализации государственной власти, в ходе которого наблюдается рост недовольства граждан деятельностью существующих политических партий и иных общественно-политических движений и концентрация власти в руках одной политической силы.

Соответственно, выделяются три стадии автократизации: рост недовольства граждан демократическими политическими партиями; приход к власти автократически ориентированных политических сил; постепенный отход от демократии в той мере, в которой это позволяет сделать существующая ситуация [16, с. 1017–1018]. При этом одним из основных факторов, способствующих автократизации, является популизм.

Вслед за теорией волн демократизации появилась концепция волн автократизации [17]. Новая волна автократизации следует за волной демократизации [18].

Отказ от проведения выборов и формирование органов государственной власти явно недемократическим путем невозможен. Это не соответствует сложившейся практике автократизации, и такой отказ одномоментен, очевиден для общества и способен вызвать ответную реакцию в виде делегитимации политической власти. Заключительным итогом автократизации является не формирование «классического» авторитарного режима, а создание электоральной автократии. Согласно последним исследованиям, в условиях электоральной и закрытой автократии проживает более 68 процентов мирового населения [19].

Индикаторы демократии в избирательном процессе

Существующие индикаторы демократии в части избирательного процесса не всегда способны отразить реальную динамику демократизации из-за сложности определения степени соответствия тому или иному критерию.

Честность выборов носит оценочный характер и во многом зависит от субъективных критериев исследователя. К тому же определение честности избирательного процесса предполагает комплексную профессиональную оценку. Юридические процедуры необходимо оценить с точки зрения как законодательства, так и реальной правоприменительной практики,

а также с позиции соотношения законодательных предписаний и правоприменительной практики.

Провести юридическую часть исследования оказывается проблематичным из-за отсутствия общепризнанных критериев оценки адекватности правового регулирования избирательного процесса или оценки уровня соответствия правоприменительной практики правовым нормам. Политическая часть оценки честности выборов также носит излишне субъективный характер. К примеру, являются ли выборы честными, если победа на выборах оказалась возможной посредством популизма с целью введения избирателей в заблуждение относительно реальных намерений и целей победившего кандидата? Или же когда результат был обеспечен путем применения технологий «сушки» явки протестного электората? Вывод о честности выборов становится в прямую зависимость от оценки исследователем применения тех или иных избирательных технологий, как действий, нарушающих принцип честности выборов. Кроме того, необходимо точно установить их реальное воздействие на искажение реального волеизъявления граждан. Таким образом, и юридическая, и политологическая составляющие определения честности выборов не имеют общепризнанных критериев, а попытка комплексного анализа при таких характеристиках не обеспечивает объективность результатов исследования.

Сильная оппозиция также является сложным индикатором для оценивания демократии. Во-первых, не просто определить, какая именно политическая партия находится в оппозиции. В США президентом может быть избран кандидат от Демократической партии при наличии большинства в Сенате у Республиканской партии, — какая из этих партий однозначно является оппозиционной? Или обе эти партии представляют собой части единой правящей политической элиты, а оппозиционные — все иные политические партии США? В парламентских республиках выборы могут закончиться без победившей партии и до формирования коалиционного правительства и в период его деятельности одна и та же политическая партия может вначале быть в правящей коалиции, а затем в оппозиции и наоборот. Во-вторых, прагматизм в деятельности политиков предполагает постоянный поиск компромисса в целях усиления личного влияния вне формальных идеологических рамок партийных доктрин. Деление политиков на оппозиционных и провластных может быть весьма условным и не отражать реальной ситуации.

Явка на выборах и доля голосов избирателей, не отданных за правящую партию, также условный критерий. Как было отмечено, в парламентских республиках выборы могут завершиться отсутствием правящей партии, что в сочетании с низкой явкой в ряде западных стран [20] недвусмысленно предполагает признание ряда государств с парламентской республикой не относящимися к демократическим режимам (отсутствие возможности

определить долю голосов, поданных за оппозиционные партии, и низкая явка на выборах).

Что касается процесса демократизации, то замена сложного и длительного процесса «общественной» демократизации на сугубо политическую с формально установленными избирательными процедурами не приводит к установлению демократического режима, — может формироваться и электоральная автократия. Сам краткосрочный период проведения честных демократических выборов может оказаться процессом трансформации «классических» автократических режимов в электоральную автократию в условиях адаптации политической элиты к последствиям собственного институционального кризиса. Именно поэтому нередко за волной «демократизации» следует волна автократизации, которая, вероятно, указывает на завершение процесса преобразования одного вида автократического режима в другой, а не является самостоятельным процессом, следующим за демократизацией.

Общественные выборы как новый индикатор демократии

Сами государственные выборы как внешний атрибут сменяемости власти не подлежат исключению из политической жизни страны и в недемократических режимах; избирательные процедуры в равной степени существуют как в электоральных автократиях, так и в демократических режимах. Сопутствующие выборам процессы взаимодействия с избирателями (предвыборная агитация, дебаты, митинги и т.д.) также формально имеют место во многих случаях. Собственно, любой процесс автократизации прямо основывается на демократических процедурах.

Реальная составляющая различных электоральных технологий скрыта от избирателей или для них не существенна. Преобладающее большинство граждан не заинтересованы в «профессиональном» участии в выборных процедурах с непосредственным отслеживанием, анализом и систематизацией происходящих событий в политической жизни государства. Любые концепции перманентной политической активности населения носят исключительно идеологический характер и не соответствуют реальности, поскольку обязательное в таких случаях допущение о патологической политической активности граждан не имеет подтверждений на практике.

Между тем вышеизложенные индикаторы демократии разрабатывались де-факто и внедрялись в практику исходя из абсолютизации широкого политического участия граждан. Если в основу реальных политических действий положены несоответствующие действительности сведения о потенциально возможном (или существующем) массовом политическом участии, то сами такие действия способны привести не к поставленной цели, а к совершенно другому результату.

Основы демократизации разрабатывались, а в последующем реализовывались профессиональными субъектами политических отношений в лице

политиков и политических консультантов. Применяемые последовательные этапы демократизации отражали внутреннее предположение указанных субъектов относительно управленческих запросов общества и его вовлеченности в политическую деятельность. При этом данные предположения формировались исходя из их собственных убеждений и предпочтений.

Реально процессы демократизации во многих странах проходили только в среде профессиональных политических акторов в условиях внутренней политической конкуренции с опосредованным вовлечением граждан в такой процесс. Указанный тезис подтверждается общей направленностью демократизации — расширением возможностей для выхода на политический «рынок» новых профессиональных акторов. Сами по себе свободные выборы в органы государственной власти представляют наибольший интерес именно для них, а не для граждан.

Однако, войдя на этот политический рынок в условиях свободной конкуренции, политики, естественно, склонны изменить свое отношение к такой либерализации доступа к политической власти, поскольку также свободно посредством выборов другие профессиональные акторы имеют возможность отстранить уже их от управленческой деятельности в сфере публичной политики. Предсказуемой защитной реакцией на потенциальные угрозы становится закрытие доступа для новых политических сил в процесс борьбы за политическую власть. Возникают те же самые процессы, что и фиксируются в экономической сфере: открытая конкуренция и свободный выход на рынок сменяются олигополией.

Но если в экономике общество, как потребитель, имеет возможность самостоятельного воздействия на бизнес-процессы, то в политической сфере граждане не могут выбрать одно из существующих правительств для делегирования ему управленческих функций. А популизм неспособен качественно удовлетворить постоянно изменяющиеся запросы общества и, что еще более важно, неспособен привести общество к консенсусу относительно невозможности удовлетворения отдельных запросов.

Следовательно, выборы сами по себе не всегда могут привести к установлению демократического режима в государствах из-за пассивной роли общества в организации и проведении избирательных кампаний и слишком большого разрыва в уровне осведомленности относительно сущности выборных процедур между избирателями и политиками.

Реальную степень демократизации можно установить, если исследовать качественные и количественные характеристики выборных процедур вне сферы прямого воздействия и интереса со стороны властных элит. Пространством для таких исследований являются общественные выборы.

Общественные выборы — организованные гражданами процедуры прямого избрания руководящих лиц и (или) органов местных сообществ, исходят из критерия территориальности в определении круга граждан, имеющих право голоса. В российской практике общественные выборы проводятся

путем избрания членов органа территориального общественного самоуправления (ТОС) или товарищества собственников жилья (ТСЖ), председателя и членов совета многоквартирного дома (МКД) и тому подобное. Критерий территориальности для определения круга граждан, имеющих право голоса, исключает выборы в местные сообщества, созданные на общих интересах, убеждениях или на принципе одобрения деятельности определенных лиц.

Общественные выборы могут стать объективным индикатором демократизации, поскольку их проведение не является предметом активной деятельности политиков. Такие выборы организуются и проводятся самим обществом. Соответственно, чем больше проводится общественных выборов, тем более заинтересованы граждане в демократизации и воспринимают демократию как главный механизм принятия общих решений.

Определенное изъятие можно сделать для советов МКД, поскольку их избрание является юридической обязанностью, а не правом, соответственно, наличие совета МКД может быть неподтверждаемо проведением общественных выборов.

Важной составляющей являются и качественные показатели общественных выборов. Максимально возможным среди них может считаться конкурентность на выборных процедурах, регулярность таких процедур, наличие открытой и активной дискуссионной площадки для членов местного сообщества в социальных сетях (включая ее использования для подготовки конкурентных общественных выборов), использование не менее двух форм самоорганизации (к примеру, ТОС и ТСЖ или ТОС и совет МКД) при отсутствии одних и тех же лиц в составе этих органов самоорганизации на идентичной территории, отсутствие многолетнего несменяемого персонального состава в органах местного сообщества. Последние два критерия указывают на общий высокий уровень гражданского участия в самоорганизации и формировании достаточной по численности группы активистов в сложносоставном местном сообществе (под последним мы понимаем местное сообщество, имеющее две и более формы самоорганизации, основанные на общественных выборах).

Действенная политическая демократизация не может быть реализована на практике без наличия достаточных условий в виде присутствия стабильно функционирующей системы общественных выборов. Если такие страны, как Швейцария, США, Швеция или Франция, обладают более чем вековым опытом развития разнообразных форм самоорганизации граждан, в большинстве случаев основанных на объединениях частных земле- и домовладельцев, то те самые 67 процентов мирового населения, проживающие в странах с различными новыми формами автократии, не имели таких предпосылок. Их опыт был совершенно иным.

Непрерывно существующая десятилетиями система частной собственности на дома и землю в странах «старой демократии» порождала новые социальные связи, а вместе с ними возникали внутренние конфликты

и необходимость совместной деятельности по развитию территории, установлению взаимодействия с органами государственной власти, представителями бизнеса и так далее. Разрешение конфликтов требовало наличия представителей и арбитра, стремления к улучшению инфраструктуры — избрания коллегиальных представительных органов. Такие общественные выборы изначально представляли ценность для населения. И лишь значительно позже появилось всеобщее и равное избирательное право как ценность и неотъемлемая часть жизни общества.

К примеру, в США политическая демократизация, начавшаяся с «джефферсоновской демократии», основывалась как раз на идее самоуправления местных сообществ [21]. Схожий, но более эффективный путь начинала Российская империя при Александре II, но отсутствие демократизации как последовательной государственной политики привело к стагнации соответствующих социальных и политических изменений и затяжному противостоянию власти и общества, что послужило одной из причин системного политического кризиса 1905–1917 годов. В качестве доказательства наличия противостояния власти и общества (а не власти и отдельных социальных групп) можно привести судебный процесс над Верой Засулич, где сторона защиты выбрала в качестве стратегии именно это противостояние³, что привело к оправдательному вердикту присяжных (случайно выбранных граждан).

Вероятно, за исключением стран Западной Европы и Северной Америки, политическая демократизация мало где возможна, так как она ведет не к установлению демократического строя, а к генезису недемократического режима от классических форм авторитаризма к новым. Политическая демократизация не представляет собой предпосылку для установления демократии, она является результатом де-факто произошедших в обществе демократических трансформаций.

Сами по себе государственные выборы и политические свободы в виде своеобразного «беспомощного» плюрализма перестают восприниматься как главные признаки демократии [22, с. 8–10]. Доказательством тому служат фактические итоги «перестройки» М.С. Горбачева в СССР с последующим «назначением» Б.Н. Ельциным несуществующего в правовом и политическом поле Федерального Собрания парламентом России.

Деятельность М.С. Горбачева соответствует общепринятым пониманиям демократизации. На практике, как мы полагаем, это было началом трансформации советской модели авторитаризма в современную российскую электоральную автократию. Голосование россиян 12 декабря 1993 года на выборах в Федеральное Собрание показало практически полное отсутствие усвоения обществом демократических ценностей, поскольку

³ Дело Веры Засулич [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Zasulich.htm> (дата обращения: 18.11.2022).

ку парламент — это политико-правовой институт вне рамок юрисдикции и политической воли главы государства. В этом и есть его главное демократическое предназначение. Демократическое общество или общество в процессе формирования демократии неспособно воспринять указанный главой государства парламент как институт представления и защиты общества от произвольных действий главы государства или правительства. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации 12 декабря 1993 года являлись доказательством начала реформы советской автократии в электоральную автократию России, поскольку явно показывали отсутствие фактической имплементации демократических ценностей в российской действительности. Волна автократизации на постсоветском пространстве с включением в нее России была неизбежна.

Общественные выборы в России

Практическая польза от демократического участия достигается не самим фактом наличия выборных процедур, а существованием групп информированных избирателей, способных влиять на общий результат демократического процесса [23, с. 21–23].

Несмотря на кажущуюся осведомленность современных граждан относительно существа избирательного процесса и его устройства, подлинные поведенческие характеристики общества в целом в избирательном процессе остаются скрытыми от многих социально активных граждан. Реальная практическая деятельность по организации и проведению общественных выборов способна устранить данный недостаток, сделать российское общество более структурированным в части иерархичности социальной активности.

Это может качественно изменить состав представителей гражданского общества, с которыми напрямую взаимодействуют представители органов публичной власти через общественные советы, прочие институты и механизмы взаимодействия власти и социума, заменив естественным образом номинальных представителей общества, которые не являлись организаторами или участниками общественных выборов, на фактических представителей местных сообществ с рациональным пониманием сути демократического гражданского участия.

В российской практике система общественных выборов может быть осуществлена посредством развития территориального общественного самоуправления (ТОС). В деятельности ТОС граждане получают опыт муниципального общественного лидерства [24], организации электорального процесса вследствие обязательной избираемости органов ТОС, принятия управленческих решений по вопросам жизнедеятельности дома (двора, квартала), работы с возражениями. При правильно организованной работе ТОС не менее трети жителей соответствующей территории получают опыт участия в общественном электоральном процессе как неотъемлемой части

своей жизнедеятельности и главным элементом собственной гражданской активности.

В политической деятельности получение такого системного массового опыта невозможно по причине волнообразной и периодической активности граждан [25, с. 31]. Стабильности и последовательности общественного избирательного процесса можно достичь через развитие соответствующего направления в территориальном общественном самоуправлении.

Пока общественные выборы не являются критерием деятельности ТООС, отсутствует обобщение и систематизация опыта проведения таких выборных процедур. Между тем участие граждан в общественных выборах и степень их организованности могут быть объективными индикаторами демократичности всего российского общества или же выявлять региональный уровень демократии (по крайней мере в части демократического участия в местном самоуправлении), позволят изучать динамику гражданского развития.

Помимо создания территориального общественного самоуправления и проведения соответствующих выборных процедур, в общественные выборы можно в дальнейшем включить и все иные формы негосударственных выборов в сфере политического управления, в том числе и общественные праймериз по выдвижению кандидатов в представительные органы местного самоуправления [26].

Без целенаправленной политики «общественной», неполитической, демократизации местное самоуправление длительное время неспособно будет выполнять функции формирования гражданского общества, а решение вопросов местного значения будет и далее восприниматься обществом как результат деятельности органов государственной власти и местного самоуправления [27, с. 25].

Заключение

Стоит согласиться с той позицией, что формирование демократии происходит через общественное развитие и эволюционную смену в обществе традиционалистских иерархичных установок на эмансипативные ценности [28]. Искусственно создать за короткий промежуток времени гражданское общество нельзя. Для начала необходима смена культурных ценностей в самом обществе и появление демократических основ во взаимодействии внутри общества. А это процесс длительный.

Политическая демократизация в России в 1990-х годах была неосуществима, поскольку граждане были приверженцами другой культурной традиции. К примеру, избрание парламента в 1993 году по указу Президента⁴

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4364> (дата обращения: 22.11.2022).

и назначение преемника в 1999 году⁵ были восприняты в российском обществе спокойно.

На первый план выходят общественные изменения. При этом такие изменения не могут быть политизированными. Попытки «научить» избирателей профессиональной оценке политиков [29] обречены на провал, так как обществу политика неинтересна, а граждане не ставят перед собой цель стать профессиональными акторами в политических отношениях. К тому же демократия предполагает вовлеченность в управленческую деятельность, но не в дублирование судебской работы по оценке деятельности политиков. Общество, учитывая степень его осведомленности в управленческой деятельности, склонно оценивать политиков не по их реальному вкладу в развитие страны, а исходя из субъективных ощущений наличия/отсутствия позитивных изменений. Они могут быть вызваны, к примеру, форс-мажорными обстоятельствами (эпидемия вирусного заболевания приведет к негативным оценкам деятельности даже самых талантливых управленцев со стороны неопытного общества). Соответственно, до политической демократизации общество должно получить самостоятельный опыт проведения выборных процедур и осознания их ценности в непартийном и неполитическом пространстве, так как политические партии и политики в целом действуют в целях использования граждан как ресурса для прихода к власти или ее удержания. При формировании системы общественных выборов граждане становятся субъектом процессов самоорганизации.

С момента прекращения существования СССР прошло 30 лет. Постоянно увеличивается число россиян, готовых воспринять эмансипационные ценности: растет уровень информационной открытости людей, региональные и муниципальные чиновники перестают восприниматься как непререкаемые властные авторитеты, граждане готовы вести с ними диалог и даже жаркие споры на равных без различных опасений, то есть усложняется система самоорганизации общества.

Популизм, как главный инструмент взаимодействия с обществом в электоральных автократиях, действует по принципу финансовой пирамиды: каждое следующее обещание должно быть весомее предыдущего, каждый новый враг должен быть опаснее побежденного. Граждане вынуждены информационно существовать сразу при двух реалиях: постоянный рост ожиданий практического осуществления «достигнутого» прорывного развития; рост тревожности и усталости из-за неожиданной активизации враждебных действий со стороны различных внешних или внутренних сил.

Первый вариант ведет к утрате доверия к власти, поскольку даже успешные и разумные действия со стороны органов государственной власти воспринимаются как неудачные в сравнении с нагнетанием популистских обе-

⁵ Телеобращение Ельцина: полный текст [Электронный ресурс] // Gazeta.Ru. 1999. 9 авг. URL: <https://gazeta.lenta.ru/daynews/080999/17eltsinword.htm> (дата обращения: 22.11.2022).

щаний. Во втором случае формируется менталитет страны-изгоя, постоянно пребывающей в растущей опасности от все более и более многочисленных и сильных врагов.

Конечным результатом электоральной автократии может быть и социальный взрыв. И если подобные процессы в условиях «классического» авторитаризма приводили к определенному воодушевлению общества и последующей политической демократизации с достаточно быстрым восстановлением политической системы социума, то слом основ электоральной автократии может сопровождаться апатией и озлобленностью граждан с крайне затяжным системным кризисом в государстве, но это может привести и к фатальному для государства кризису.

Таким образом, автократизация с установлением электоральной автократии наиболее опасна для перспектив развития государства. Исключить вероятные негативные сценарии развития возможно путем осознанной деятельности органов государственной власти по устранению последствий автократизации и начала процесса не политической, а общественной демократизации, в том числе через содействие обществу в самоорганизации избирательного процесса на общественных выборах.

В целях исключения потенциального риска социально-политического кризиса из-за несоответствия политического режима новым формирующимся эмансипаторным ценностям россиян необходимо проведение политики общественной демократизации. Подобная целенаправленная деятельность органов публичной власти будет содействовать синхронному постепенному развитию общества и государственных институтов с созданием системы устойчивой политической стабильности. Основой такой демократизации являются негосударственные общественные выборы, где граждане получают первичные знания об управленческой деятельности, назначении и сущности демократического участия.

Список литературы

1. Boese Vanessa A., Edgell Amanda B., Hellmeier Sebastian, Maerz Seraphine F. & Lindberg Staffan I. How democracies prevail: democratic resilience as a two-stage process // *Democratization*. 2021. 28:5. P. 885–907. DOI: 10.1080/13510347.2021.1891413.
2. Cassani A., Tomini L. Reversing regimes and concepts: from democratization to autocratization // *Eur Polit Sci*. 2020. № 19. P. 272–287. DOI: 10.1057/s41304-018-0168-5.
3. Мадатов А.С. Демократизация: особенности ее современной волны // *Вестник РУДН, сер. Политология*. 2001. № 3.
4. Наматбекова Н.М., Сергеев С.Г. «Принудительная демократизация»: истоки, риски и последствия // *Вестник Поволжского института управления*. 2019. Том 19. № 1. DOI: 10.22394/1682-2358-2019-1-19-25.
5. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 448 с.

6. Харитоновна О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. № 3, 2012.
7. Акматалиева А.М. «Цветные революции» и парламентаризм в контексте процессов демократизации на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2013. № 1 (11).
8. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2012. № 4 (67).
9. Шевский Д.С. Причины украинского кризиса 2013–2014 гг. Макросоциологическая интерпретация // Политическая наука. 2019. № 3.
10. Циткилов П.Я. Внутренние причины общественной дестабилизации в Беларуси августа – осени 2020 г. // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2.
11. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
12. Munck GL, Verkuilen J. Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices. // Comparative Political Studies. № 35(1). 2002. DOI:10.1177/001041400203500101.
13. Демократизация [Текст]: учеб. пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 708 с.
14. Corazzini Luca, Kube Sebastian, Maréchal Michel André, Nicolò Antonio. Elections and Deceptions: An Experimental Study on the Behavioral Effects of Democracy // American Journal of Political Science, Volume58, Issue3, July 2014. P. 579–592. DOI: 10.1111/ajps.12078.
15. Olken, Benjamin A. Direct Democracy and Local Public Goods: Evidence from a Field Experiment in Indonesia // American Political Science Review, Vol. 104, No. 2, May 2010. DOI:10.1017/S0003055410000079.
16. Lührmann Anna. Disrupting the autocratization sequence: towards democratic resilience // Democratization. 2021. 28:5. P. 1017–1039. DOI: 10.1080/13510347.2021.1928080.
17. Boese Vanessa A., Lindberg Staffan I., Lührmann Anna. Waves of autocratization and democratization: a rejoinder // Democratization, 2021. DOI: 10.1080/13510347.2021.1923006.
18. Lührmann Anna, Lindberg Staffan I. A Third Wave of Autocratization is Here: What is New about It? // Democratization 26, no. 7 .2019): 1095–1113. DOI: 10.1080/13510347.2019.1582029.
19. Hellmeier Sebastian, Cole Rowan, Grahn Sandra, Kolvani Palina, Lachapelle Jean, Lührmann Anna, Maerz Seraphine F., Pillai Shreeya & Lindberg Staffan I. State of the world 2020: autocratization turns viral // Democratization. 2021. DOI: 10.1080/13510347.2021.1922390.
20. Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии / пер. с англ. Д. Маткиной, А. Новикова, И. Соболевой, В. Степановой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с.
21. Banning Lance. Jeffersonian Ideology Revisited: Liberal and Classical Ideas in the New American Republic // The William and Mary Quarterly (Third Series). 1986. 43 (1). P. 3–19. DOI:10.2307/1919354.

22. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 1.
23. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику / Брайан Каплан; пер. с англ. Д. Горбатенко под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 368 с.
24. Кравец А.А. Публично-правовое и муниципальное лидерство и территориальное общественное самоуправление: правовые, институциональные и коммуникативные аспекты // *Право и политика*. 2021. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.3.35377.
25. Петухов В.В., Петухов Р.В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // *Вестник Института социологии*. 2021. Том 12. № 1. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697.
26. Перевышин Н.В. Территориальные общественные праймериз как основа российского парламентаризма // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2021. № 1 (19).
27. Мельникова Р.И. Местное самоуправление в политической системе современной России // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. № 6.
28. Welzel Christian. Why the Future is Democratic // *Journal of Democracy*. 2021. Vol. 32 Issue 2.
29. Локшин И.М. Ловушка демократизации: связи между политиками и избирателями в молодых демократиях // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2016. № 3.

И.И. АБЫЛГАЗИЕВ
М.Ю. КОШМАРОВ
А.В. МАНОЙЛО
А.Ю. ТРУБЕЦКОЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОПАГАНДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

***Аннотация.** В статье исследуются политические технологии и пропаганда, используемые в глобальных трансформациях нового и новейшего времени, а также последних десятилетий. Объект исследования — современный социум. Предмет исследования — трансформация социума последних десятилетий и методология трансформаций. Исследование проводится историческим, компаративным и аналитическим методами. Данные для статьи взяты из открытых источников и научной литературы. Цель исследования — выявление закономерностей и прогнозирование векторов развития глобализации. В работе проведен сравнительный анализ революций в Англии, Франции и России с точки зрения пропаганды и политтехнологий. Полученные исторические и иные сведения применены к анализу аспектов глобальной экологической революции. Выявлены ключевые пропагандистские и политтехнологические закономерности. На основании исследования можно сделать вывод о приоритете политической составляющей в начавшейся глобальной экологической революции. Основным средством для реализации задач глобальной экологической революции, имеющей целью установить контроль потребления человечеством мировых ресурсов, являются пропаганда и политтехнологии.*

***Ключевые слова:** политтехнологии, цифровизация, экологическая пропаганда, глобальная экологическая революция.*

POLITICAL TECHNOLOGIES AND PROPAGANDA IN THE CONTEXT OF REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS

***Abstract.** The article examines the political technologies and propaganda used in the global transformations of modern and modern times, as well as the last decades. The object of re-*

АБЫЛГАЗИЕВ Игорь Ишеналиевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
КОШМАРОВ Михаил Юрьевич — кандидат технических наук, директор по разработке инновационных технологий фонда «Российский общественно-политический центр» (Росполитика), г. Москва
МАНОЙЛО Андрей Викторович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
ТРУБЕЦКОЙ Алексей Юрьевич — доктор психологических наук, руководитель фонда «Российский общественно-политический центр» (Росполитика), г. Москва

search is modern society. The subject of the study is the transformation of society in recent decades and the methodology of transformations. The research is carried out by historical, comparative, and analytical methods. The data are taken from open sources and scientific literature. The purpose of the study is to identify patterns and predict the development vectors of globalization. The paper presents a comparative analysis of the revolutions in England, France, and Russia from the point of view of propaganda and political technologies. The obtained data are applied to the analysis of aspects of the global ecological revolution. The key propaganda and political technological patterns are revealed. Based on the conducted research, it can be concluded that the priority of the political component in the global ecological revolution that has begun. Propaganda and political technologies are the main means to implement the tasks of the global ecological revolution, which aims to establish control over the consumption of world resources by mankind.

Keywords: *political technologies, digitalization, media consumption, environmental propaganda, global ecological revolution.*

К началу XXI века человечество вступило в фазу трансформаций, ускоряющихся с каждым годом. Лавинообразно растущий объем данных и стремительные качественные и количественные изменения затрудняют системную оценку их влияния на важнейшие сферы нашей жизни. Прежде чем остановиться на этих глобальных¹ процессах более подробно, перечислим их тезисно.

Номер один в этом ряду — цифровизация, еще ее называют третья (Дж. Ривкин) [12] или четвертая (К. Шваб) [17] промышленная революция. Сюда мы относим как информационные возможности Интернета, так и компьютеризацию, оцифровку процессов и сфер жизни. Ныне этот процесс возглавляют американские IT-гиганты Google, Meta*, Microsoft, Apple, Amazon, обозначаемые как Big Tech или The Tech Giants, Big Five, S&P5.

Декларируемые цели данной пятерки корпораций — оцифровка всех сфер деятельности общества с встраиванием датчиков-процессоров в максимальное количество товаров (интернет вещей), оцифровка природы, осуществляемая по тому же принципу, и оцифровка человечества для сбора, хранения и обработки больших пользовательских данных (БПД). Эти данные используются для разработки «поведенческих прогнозов» [3], что позволяет говорить о новых возможностях в области управления населением, особенно применительно к таким сферам человеческой жизни, как потребление, сбережение, инвестирование, в терминологии магnum opus Джона Мейнарда Кейнса [5].

Также на сегодня имеются опубликованные в солидных научных журналах результаты исследования о натуральных экспериментах в области электорального процесса, — например, публикация в журнале *Nature* об эксперименте Facebook** с 61 миллионом пользователей/избирателей [22]. По сути уже

¹ Термин «глобальные» используется в статье и в значении «общемировые» и как «свойственные глобализации», которая стала катализатором описываемых здесь процессов.

* Организация внесена в реестр экстремистских организаций и запрещена на территории Российской Федерации.

** Запрещен на территории России.

создана база для реализаций электоральных политтехнологий будущего. Наглядный пример — скандальный успех Cambridge Analytica на кампаниях Brexit и Трамп vs Клинтон. «В политической сфере мир вступает в эпоху, когда системы искусственного интеллекта, обрабатывая большие данные, становятся все успешнее в разработке политических сообщений; адаптации и распространении этих сообщений для различных демографических групп; разработке и применении дезинформации злоумышленниками, стремящимися посеять социальную рознь; [...] В результате перспективы свободного общества, даже свободы воли, могут быть изменены» [20, с. 26]. Это — цитата из книги The Age of AI (Эра искусственного интеллекта), одним из авторов которой является миллиардер Эрик Шмидт, экс-директор Google — самого мощного на сегодня искусственного интеллекта согласно Ш. Зубофф².

Вторая глобальная революционная трансформация — изменение экономической модели общества потребления. Более 30 лет неолиберальной экономической политики привели к беспрецедентному объему торгов деривативами, причем многие сделки, благодаря цифровизации, длятся доли секунды. Сегодня объем сделок с реальным товаром на много порядков меньше спекулятивных. Ипотечный кризис в США (2008) показал и беспрецедентность объемов торговли деривативами, и то, насколько опасна такая спекулятивная модель. Кроме того, глобальная экономика больше не может долгосрочно рассчитывать на перманентно возрастающее потребление, обеспечиваемое средним классом развитых стран. Ситуация меняется с каждым годом: средний класс в этих странах сокращается, стандарты уровня жизни меняются в сторону экономии. Общественный договор постепенно и незаметно, под отвлекающие пропагандистские нарративы был изменен элитами развитого мира в свою пользу [11]. Социальный контракт все больше становится антисоциальным: за последние 30 лет цены на образование, медицинское обслуживание и жилье в странах Запада выросли кратно [23, с. 74]. В передовых государствах «армия» мигрантов трудится вместо значительной части коренного населения, живущего на пособие, соизмеримое с оплатой труда гастарбайтеров. В развивающихся странах появился многомиллионный средний класс (по региональным меркам), который необходимо учитывать в глобальных политических и экономических прогнозах [подробно о трансформации сегодняшней экономики см: 28, с. 48–54].

Изменяется социум как в развитых, так и в развивающихся странах. Смартфоны и социальные сети/платформы создали нечто новое: как сейчас говорят — *homo digital*, то есть цифровой человек, который по-другому воспринимает информацию, иначе ее обрабатывает и осмысливает. Интернет изменил социальную структуру планеты, снизил резистентность социальных связей, настроил людей на *сверхпотребление информации*. Цифровая толпа,

² Зубофф Шопана — американский экономист и политолог; профессор Гарвардской школы бизнеса; автор научно-популярного бестселлера The Age of Surveillance Capitalism (Эпоха надзорного капитализма).

создаваемая социальными сетями по технологии *астротурфинга*, состоящая частично из ботов, представляет собой отдельный феномен. В целом можно говорить о том, что новые технологии снижают когнитивный уровень большинства населения и уже сегодня способны регулировать многие общественные процессы. Люди становятся медиапотребителями, замкнутыми в персональных инфокапсулах. Потоки в основном бессмысленной информации, замещающие собой системные знания, доводят пользователей до состояния транса, способствующего повышению внушаемости. Причем управление социальными платформами осуществляется частными лицами, которых никто не выбирал и юридически не уполномочивал руководить обществом. Процесс принятия решений в Big Tech — черный ящик для социума.

* * *

За последние триста лет человеческая популяция увеличилась более чем в десять раз. Французский историк Фернан Бродель в трехтомном исследовании о цивилизации, экономике и капитализме обосновывает две главные причины экспоненциального роста популяции планеты, наложившиеся друг на друга в XVIII веке: смягчение климата³ и промышленная революция [2, с. 60]. До этого население Земли росло плавно и умеренно тысячелетие за тысячелетием. В XX веке научно-технический прогресс и значительное увеличение популяции привели к необходимости максимально точных оценок ресурсов и к построению долгосрочных прогнозов.

Новые технологии меняют экономику и повышают уровень жизни, что, в свою очередь, обуславливает рост человеческой популяции. Скорость, с которой происходят такие изменения, настолько существенна, что человечество едва ли оказалось готовым к осознанию произошедших перемен; более того, оно перенеслось в будущее, не до конца понимая этого.

Попытаемся взглянуть на революционные трансформации последних столетий через оптику пропаганды и политтехнологий. Термин «пропаганда» здесь применяется в основном в его первоначальном значении позднего Ренессанса — то есть как распространение веры. Методики этого распространения мы называем технологиями, а под политтехнологиями подразумеваем способы трансформации власти. Для обоснования наших тезисов понадобится экскурс в историю и сравнительный анализ нескольких юридических документов: английского билля о правах, американской декларации независимости и французской декларации прав человека. И также анализ событий, предшествующих появлению этих документов. Сравнение проведено в том числе с точки зрения пропагандистских механизмов и политтехнологических практик.

Приведенные и проанализированные нами данные позволяют сделать следующие выводы: в последнее десятилетие началось глобальное переформатирование существующей политической и экономической си-

³ Ф. Бродель имел в виду окончание малого ледникового периода.

стемы, революционная трансформация, называемая также, «глобальная экологическая революция». Что особенно важно, экологический нарратив ретуширует *политические* цели — в частности, контроль природных ресурсов в глобальных масштабах⁴.

* * *

Перечисленные изменения затрагивают абсолютно все области социума, в первую очередь, этику и эстетику. Возрождение возродило интерес к античным философским воззрениям, в том числе — антропоцентризму. Позже Просвещение провозгласило новую парадигму гуманизма и веры в разум. Ученые, как служители нового культа разума, дискурсивно приравнивались к священнослужителям, а церковь, теряла монополию проповедовать истину.

Важным с точки зрения политических наук видится вопрос о начальном импульсе этого процесса. Учреждение десятков университетов, начало эры первопечатника Иоганна Гуттенберга, открытие богатых территорий, в десятки раз превышающих размеры Европы, перенос финансовых центров из южной Европы в северную, — все это изменило дух времени. В 1517 году богослов Мартин Лютер в процессе перевода Библии на немецкий язык для массового книгопечатания переосмыслил правила, абсолютизовавшие власть Ватикана. Он изложил свои мысли в виде 95 тезисов и тем самым запустил процесс реформирования Церкви. Этот процесс, разделивший Европу на протестантскую и католическую, полностью совпадал с интересами элит северной Европы, — не платить Риму.

Таким образом, двигателем процесса Реформации во многом было желание элит северной и центральной Европы политической и экономической независимости от Ватикана. Как это привело к *Culte de la Raison*⁵? Отсчет следует вести с Декарта или с Кромвеля? Нам видится, что именно процессы английской политики во многом обусловили судьбу Европы на все последующие годы, и отсчет эпохи гуманизма фактически начался с казни короля.

В 1534 году английский парламент принял Act of Supremacy⁶ [24], который определил право Генриха VIII быть верховным главой Англиканской церкви на земле, тем самым разорвав церковные связи с Римом. Англичане отвергли не Бога, но только Понтифика, наделив своего монарха полномочиями главы церкви.

Реформация в Англии обусловила продажи церковных земель, в том числе в интересах голландского капитала, изгнание крестьян с этих земель, и как следствие, пауперизацию и пролетаризацию крестьянства. «Ко времени Реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части земли в Англии. Уничтожение монастырей и т.д. превратило в пролетариат их обитателей» [9, с. 704]. «Церковная собственность

⁴ Что не отменяет того факта, что *люди и планета* перестали быть симбиотической системой [21].

⁵ Культ разума.

⁶ Закон о главенстве английского короля над церковью.

составляла религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности. С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения» [9, с. 705]. Лучше не скажешь, тем более, что автор этих слов — Карл Маркс — долго жил, работал и похоронен именно в Лондоне, он хорошо понимал, как была устроена тогдашняя столица мира.

Названные изменения, особенно в дальнейшем, привели к еще более значительным последствиям. А в итоге не смог устоять и королевский трон. В 1649 году 59 комиссаров «Высокого суда правосудия» Оливера Кромвеля проголосовали за обезглавливание короля Карла I, что стало «падением твердыни», соизмеримым или превосходящим разорение монастырей. Еще через 40 лет произошла *Glorious Revolution*⁷, де-факто приведшая к власти английский и голландский капиталы, которые уже в то время, согласно Броделю, имели многие свойства нынешних транснациональных корпораций. Тогда же был трансформирован английский общественный договор: появился *The Bill of Rights 1689*⁸ [25].

Этот Биль во многом стал прообразом Декларации независимости США 1776 года, Декларации прав человека 1789 года Франции и, значительно позднее, — Всеобщей декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций в 1948 году в Нью-Йорке. Эти документы стали основой современного глобального общественного договора.

Отметим, что один из классиков Просвещения — Джон Локк, был сыном офицера армии Кромвеля и все его политические тезисы полностью коррелируют с биографией автора (в отличие от монархиста Томаса Гоббса, вынужденного эмигрировать из Англии в Париж). Тем не менее Локк считал, что любые создаваемые законы должны «соответствовать закону природы, т.е. божьей воле» [7, с. 359]. Это вполне логично для того времени и созвучно Рене Декарту и Исааку Ньютону, считавших единственно разумным телеологический аргумент: Бог — первопричина, запустившая вселенную, как некий глобальный механизм. В качестве философско-религиозных концепций у интеллектуалов той эпохи доминировали деизм, провозгласивший Бога-Творца, и пантеизм с его концепцией Бога-Вселенной.

Несмотря на схожесть английского Билля о правах 1689 года и французской Декларации прав человека 1789 года, во Франции революция была антихристианской, — слово «бог» в главном документе Франции отсутствует: «Соответственно, Национальное собрание признает и провозглашает в присутствии и под эгидой Верховного Существа (*l'Être suprême*) следующие права человека и гражданина» [18].

Это несколько отличается от английской богоугодной формулировки: «Принимая во внимание, что Духовные и Светские Лорды и Общины, собравшиеся в Вестминстере и представляющие законно, полно и свободно все состояния

⁷ Славная революция.

⁸ Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование Короны.

народа этого королевства, в тринадцатый день февраля, в году от рождества Господа нашего (Our Lord) тысяча шестьсот восемьдесят восьмом...» [25].

Интересна терминология, используемая в Декларации независимости Соединенных Штатов: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом (Creator) определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью [...]. И с твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения (Divine Providence) мы клянемся [...]» [26].

Также в Декларации используются формулы: Nature's God и Supreme Judge of the World⁹, что видится как некий идеологический «коктейль» из деизма и пантеизма. Такая политкорректная эквилибристика была вызвана тем, что текст Декларации американские элиты (часто используется штамп «отцы-основатели») создавали для глубоко верующих протестантов, вера которых, согласно Максиму Веберу, была мотором экономики Соединенных Штатов и основой протестантской этики и духа капитализма.

В революционной Франции 1793–1794 годов «культ Разума» и «культ Верховного Существа» скорее походили на безумие. Пиком этого малоразумного проявления революции можно считать «праздник разума в Соборе Парижской Богоматери» в ноябре 1793 года¹⁰. Это вакханалия осквернения храмов продлилась два года и закончилась отрубанием голов всех руководителей данного культа, включая вдохновителя *La Grande Terreur*¹¹ Максимилиана Робеспьера. И здесь вполне можно говорить о топоре, виселице и гильотине, как об эффективной политтехнологии, закрепляющей новый общественный договор.

Интересна роль соавтора Декларации независимости США Томаса Джефферсона в судьбе Франции. Он был послом США в Париже с мая 1785 года по сентябрь 1789 года и являлся свидетелем штурма Бастилии. В период восьмилетнего президентства Т. Джефферсона (1801–1809) произошла «покупка Луизианы» — дисконтированный выкуп у Франции 2 миллионов квадратных километров земли, практически удвоивший территорию США. Дисконт был вызван тем обстоятельством, что в 1794 году США отказались выплачивать долги Французской Республике, а в 1796 году начали необъявленную войну с Францией (*Quasi-guerre*¹²), в ходе которой захватили Новый Орлеан.

Следует сказать, что французские философы–просветители, особенно Вольтер и Ж.-Ж. Руссо, косвенно подготовили Великую французскую революцию, принесшую Франции смуты, наполеоновские войны, утрату значительной

⁹ Бог природы и верховный судья мира.

¹⁰ Русский писатель И.А. Бунин в 1924 году, будучи в эмиграции в Париже вследствие разгула террора Русской революции, написал рассказ «Богиня Разума», весьма точный с исторической точки зрения.

¹¹ Большой террор.

¹² Квазивойна.

части колоний и в итоге — утрату европейского лидерства. Многовековое противостояние соседей закончилось в 1815 году Венской конференцией. Появилась первая глобальная сверхдержава — Великобритания; британский фунт стал основной резервной валютой; Лондон — столицей мира, первым городом-миллионником Европы и вторым после Пекина на планете.

Столь длинный экскурс в историю мы приводим для иллюстрации того, как почти идентичные идеологические концепции и политические технологии приносят одним странам победу, другим — поражение. Если оценивать Просвещение с точки зрения политических наук, то следует в первую очередь смотреть на результаты, — а они однозначно указывают на победу Британии.

Идея организации мятежей у противника — стара как мир и не является изобретением англичан. Но в данном случае имеет место экспорт даже не революции, а некоего идеологического пакета, включающего в финале мятеж, казнь Сюзерена и террор элит. Это удалось Кромвелю при поддержке голландского—английского транснационального капитала, этот же сценарий, но с регрессивными последствиями для страны, был реализован во Франции в 1789—1799 годах. История повторилась в России в 1917—1922 годах.

В новейшей истории именно экспорт идеологии обусловил события 1989—1993 годов, символом которых стало падение берлинской стены, а кульминацией — распад СССР и далее шлейф цветных революций по всему миру по технологиям Джина Шарпа¹³.

В середине XIX века К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» предложили «новый планетарный порядок». Это, по сути, был вызов элитам, провозглашающий намерения коммунистов к насильственному захвату политической власти, отмену собственности и торговли, семьи и национальности, то есть разрушению до основания существующего мира. С научной точки зрения документ весьма спорный, а вот с пропагандистской и политтехнологической — блестящий. Описав контуры нового порядка, эти два молодых человека (28 и 30 лет) декларативно провозгласили новое международное (глобальное) сообщество неимущих, придумали ему весьма двусмысленное название — пролетариат, и далее провозгласили его антагонистом буржуазии (а точнее, всех, у кого есть что «экспроприировать» и «конфисковать»).

Вдохновленный успехом Маркс в последующие годы пытался научно обосновать тезисы манифеста в работе «Капитал». Он подробно описал процессы промышленной революции, сельскохозяйственной революции, «революции в плане собственности» и земельной собственности, развития общества—монополии голландской колониальной торговли, «революции

¹³ Шарп Джин — американский общественный деятель. Известен своими книгами по методам ненасильственной борьбы с авторитарными режимами, которые используются во всем мире как один из инструментов «мягкой силы». Идеолог цветных революций. Наиболее популярная работа Дж. Шарпа — книга «От диктатуры к демократии» (1993).

мирового рынка с конца XV столетия»¹⁴, проигнорировав тот факт, что золото северной Италии и Испании оказалось вначале в Голландии, а потом достигло невиданной ранее концентрации в Лондоне. И именно это обстоятельство являлось двигателем экономических, политических и большинства иных процессов того времени, включая первую промышленную революцию, на что совершенно справедливо указал Ф. Бродель.

То есть, следует учитывать не только то, о чем Маркс написал в своем незаконченном трехтомнике¹⁵, но и о чем умолчал. И таким образом, с учетом биографии Маркса его двадцатилетний труд по доказательству манифеста про «призрак коммунизма» можно рассматривать как придание наукообразной или, если угодно, религиозной формы, революционным технологиям, столь успешно зарекомендовавшим себя во Франции. «Безусловно, он [Маркс] тоже стал жертвой того обстоятельства, что его выводы были сформулированы еще в 1848 году, еще до того, как он предпринял исследования, которые могли бы их подтвердить» [9, с. 27–28].

Тем не менее, надо отметить, что для своего времени это был влиятельный труд в области политической экономии. В.И. Ленин, будучи профессиональным революционером, а не кабинетным ученым, не видел целиком, или как говорят, «в сборе», всех деталей этих европейских «часов», судя по его работе «Империализм как высшая стадия капитализма». В Марксе он разглядел, в первую очередь, политтехнологический потенциал; не экономическое учение, но новую глобальную идеологию. В ленинском тексте часто встречаются ненаучные, разговорные и даже жаргонные выражения: «Дележ добычи, надуть контрагента, пресса захлебывается, отвечает своей шкурой, премудрый Каутский, пустая и лживая фраза, ровнехонько никуда не годится...» [6]. Этот задиристый фирменный стиль вождя пролетариев несколько снижает наукообразность брошюры, тем не менее этот текст считается основой ленинизма.

Ленин, надстраивая этаж к «Капиталу», интуитивно понял, что учение Маркса всесильно, не потому что оно верно, а потому что религиозно. Мало кто в России того времени мог разобраться во всех тонкостях марксистской аргументации. Коротенькие выдержки из «Капитала» новообращенные учили наизусть, как *Отче наш*; понимания не требовалось, нужна была вера. Поверить в светлое будущее, обещанное бородатым, почти библейским пророком при определенных обстоятельствах может и пролетариат, и крестьянство. Вот в чем, на наш взгляд, ядро ленинизма: создать новую религию, и тогда революция в некапиталистической, крестьянской стране может быть реализована.

¹⁴ К. Маркс: «Под революцией мирового рынка здесь подразумевается резкое падение с конца XV столетия роли Генуи, Венеции и других городов Северной Италии [...]» [8, т. 1, с. 511].

¹⁵ Полностью был завершен только первый том (опубликован в 1867 году). К. Маркс умер в 1883 году, не закончив два других тома. Позже их издал Ф. Энгельс на основе не всегда до конца ясных рукописей.

Дж.М. Кейнс в статье «Впечатления о Советской России» приводит следующий тезис: «Мы не поймем ленинизма до тех пор, пока не увидим, что он — нетерпимая к инакомыслящим миссионерская религия и одновременно — экспериментальная экономическая техника» [4, с. 33]. «Но сказать, что ленинизм есть верование небольшого числа ведомых демагогией фанатиков, озабоченных лишь пропагандой и преследованием инакомыслящих, — значит сказать лишь то, что он действительно есть религия, а не просто партия...» [4, с. 29]. В самой известной работе Кейнса «Общая теория занятости процента и денег» [5], то есть в кейнсианской теории, Ленин не цитируется и не упоминается.

Второй важный момент в ленинском «Империализме» — это вектор развития колонизации и монополизации к современным ТНК, как к главным выгодоприобретателям глобализации. При всем своем авантюризме и благодаря ему Ленин увидел соперника планируемому интернационалу *проклятьем заклеянных* — формирующийся глобальный картель банкиров, «интернационализацию капитала». Сегодня, наблюдая за процессами глобализации, нельзя не отметить справедливость фразы Рудольфа Гильфердинга: «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства», процитированной Лениным в своей работе [6, с. 58]. Хотя Ленин и не ссылается на объемную и весьма подробную работу Розы Люксембург «Накопление капитала», опубликованную в 1913 году, которая была на слуху в революционных кругах западной Европы, он использует ее основную мысль: капитализм не может существовать в замкнутой системе¹⁶.

Мы солидарны с Р. Люксембург в том, что с точки зрения экономики теория Маркса как минимум не закончена и отсылает читателя «от Понтия к Пилату ... не давая решения проблемы» [8, с. 101]. В этом незаконченном виде — это, по нашему мнению, «идеальная модель для вакуума»¹⁷.

Но экономика и не была самоцелью: «Капитал» Маркса создавался в Лондоне как политехнологический материал для работы с европейской и русской интеллигенцией и буржуазией с целью реализации проектов аналогично французскому 14 июля. Неслучайно он так много пишет о страданиях детей, устанавливая границы интернационального революционного дискурса: «Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собой лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей» [9, с. 536]. «Поэтому естественно, что то удлинение

¹⁶ Тезис из доклада «Работа В.И. Ленина “Империализм, как высшая стадия капитализма”: современное прочтение» С.Г. Кара-Мурзы. URL: <http://www.ussr-2.ru/index.php/sss-2-0/problemy-sotsializma/ulyanov-lenin/2280-sovremennoe-prochtenie-imperializm-kak-vyshshaya-stadiya-kapitalizma-1?showall=1&limitstart=> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁷ Под «идеальной моделью для вакуума» подразумевается в первую очередь следующее важное (но не единственное) противоречие «Капитала»: «теория [Маркса] по умолчанию исходит из представления о нулевом росте производительности в долгосрочной перспективе» [11, с. 45]. «Маркс полностью пренебрег вероятностью устойчивого технического прогресса и непрерывного роста производительности труда» [11, с. 28].

рабочего дня, к которому капитал при посредстве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с середины XIV до конца XVII века, совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX века кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал» [9, с. 220]. «Предлог при позднейшем расследовании оказался сплошной ложью, что, однако, не помешало им целое десятилетие по 10 часов в день тянуть шелковую пряжу из крови маленьких детей, которых для выполнения поручаемой работы приходилось ставить на стулья» [9, с. 235]. Более ста раз в первом томе «Капитала» упоминаются страдающие дети и детский труд, что больше похоже на апелляцию к пафосу, чем к логосу, и является хорошо известным политехнологическим приемом.

И Ленин, и Маркс сходятся в том, что капитал, как и мировая революция, стремится к тотальной монополии на политическую и экономическую власть. Следует отметить, что до 20-х годов XX века протестантская этика и вера в Бога были основой мировоззрения северных американцев, австралийцев и протестантов-европейцев, или, как сейчас говорят, своего рода «заводской настройкой». После Первой мировой войны концепцию Бога в нарративах СМИ начали постепенно девальвировать, а после Второй мировой войны убрали с первых ролей окончательно.

Рост атеизма открыл ящик Пандоры: вскоре стало ясно, что в XX веке достаточно получить монополию на пропаганду/политехнологии для решения практически любых политических или экономических задач. Наилучшая работа в этой области, на наш взгляд, — «Производство согласия» Эдварда Хермана и Ноама Хомского, эпиграфом к которой авторы взяли строчки из трактата английского поэта времен Кромвеля Джона Мильтона 1642 года: «Те, кто выколол людям глаза, упрекают их в слепоте» [19].

Что особенно важно в работах Н. Хомского — обоснование тезисов с математической точностью и инвариантностью на основе классиков английской философии эпохи Просвещения, трудов отцов-основателей США и классиков американской философии XX века. Дэвид Юм с его теорией «согласия управляемых»; Френсис Хатчесон, развивший эту теорию до возможности «согласия без согласия»; Александр Гамильтон и его «народ — большой зверь, которого надо укротить». «Давид Рикардо, Томас Мальтус и другие великие фигуры классического либерализма провозгласили, что новая наука с непреложностью законов Ньютона доказала, что мы лишь вредим бедным, стараясь помочь им, и что лучший подарок, который мы можем предложить страдающим массам, состоит в избавлении их от иллюзии, будто они имеют право на жизнь» [15, с. 89]. «Гарольд Лассуэлл, указывающий на необходимость «распознавать невежество и идиотизм масс». Массы следует контролировать ради их же блага; в наиболее демократических обществах, где сила не применяется, социальным менеджерам придется обратиться к «совершенно новому методу контроля в значительной

степени с помощью пропаганды». Заметьте, что это хорошая ленинистская доктрина» [15, с. 83]. И, конечно же, Эдвард Бернайс, назвавший «инженерию согласия сутью демократического процесса» [1]. А также Адам Смит, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Томас Пейн, Джон Дьюи и Уолтер Липпман. Вот исходные данные для математических выкладок Н. Хомского, то есть отнюдь не Маркс–Ленин–Троцкий, как утверждает западный дискурс, пытаясь сделать из него «экзальтированного левака». Хомский рассматривает пропаганду как следствие господства корпоративного государства и глобальной системы посредством анализа и критики, которыми он занимается с конца 1980-х годов.

Как сторонник *Libertarian socialism*, все существующее он рассматривает как систему, в которой все элементы неслучайны; они согласованы и действуют для сохранения системы. Особенно это заметно в информационной сфере, в которой до недавнего времени допускалось наличие двух мнений: мейнстрима и непринципиального отклонения от него.

Мейнстрим по составу довольно сложен и разнообразен и нужно долго учиться, чтобы интуитивно чувствовать его проявления. Именно мейнстрим в той или иной форме и становится содержанием пропаганды, которая должна убедить большинство общества в правильности политики государства (ибо ни одно государство не может действовать без согласия/одобрения большинства граждан). За содержание мейнстрима отвечают его «хранители», действующие по указанию корпораций и государства. Принадлежность к хранителям дает широкие возможности определять границы дискурса для нации и важнейших групп.

Под дискурсом в данном случае понимается совокупность тем, которые принято обсуждать в публичном пространстве, а также правила подхода к этим темам и их обсуждения. Темы, не укладывающиеся в рамки дискурса, игнорируются (замалчиваются), а людей, осмеливающихся высказывать мнения, противоречащие дискурсу, подвергают осмеянию и очернению. При этом дискурс и его хранители сохраняют возможность дискуссии по широкому кругу вопросов, что способствует сохранению видимости «приличий» и научности, а также возможности постоянного обновления дискурса под контролем «хранителей».

«Хранители», как модераторы глобальной и национальной повесток, это люди, пользующиеся доверием корпораций и контролируемого ими государства, — чаще всего выходцы из семей, занимающих важные места в корпоративном мире или политике, и с детства привыкшие понимать интересы корпораций и по сигналу включаться в пропагандистские кампании. Многим британским династиям несколько сот лет и интересы империи у них — на уровне инстинктов. Также и в Соединенных Штатах династии/кланы стали традицией.

Следует сказать, что Херман и Хомский называют их *Gatekeepers*, подразумеваемая под *Воротами* — доступ к информации. Мы перевели *Gatekeepers* как

Хранители, подразумевая *Gatekeepers of Paradise*, раз уж эпиграфом к книге «Производство согласия» авторы поставили строки из Джона Мильтона, автора «Потерянного рая».

«По сути, крупные бюрократические структуры власть имущих *субсидируют* медиа и получают особый доступ благодаря своему вкладу в снижение затрат СМИ на приобретение сырья и производство новостей. Крупные организации, предоставляющие эту субсидию, становятся “обычными” источниками новостей и имеют привилегированный доступ к воротам (Gate). Нестандартные источники должны бороться за доступ и могут быть проигнорированы по произвольному решению хранителей (Gatekeepers)» [19, с. 110].

«Пять фильтров¹⁸ сужают диапазон новостей, проходящих через Gate и еще более резко ограничивают то, что может стать “большой новостью” при условии проведения длительных информационных кампаний. По определению, новости из первичных источников истеблишмента удовлетворяют одному важному требованию фильтрации и легко принимаются средствами массовой информации. Сообщения от диссидентов и слабых, неорганизованных лиц и групп, отечественных и зарубежных, и о них, изначально находятся в невыгодном положении с точки зрения затрат на поиск источников и доверия к ним, и они часто не соответствуют идеологии или интересам Gatekeepers и других влиятельных партий, влияющих на процесс фильтрации» [19, с. 122].

Цель пропаганды, согласно Хомскому, — завоевание господства над умами и чувствами населения, которое должно, не рассуждая, повиноваться велениям властей. Для достижения этой цели необходимо соблюдение ряда условий, описанию которых Хомский уделяет значительное внимание. В информационное поле допускаются фактически любые новости, но поток новостей немедленно подвергается дискурсивному форматированию. Затем идет разбавление новостного потока чем угодно, включая полуправду и откровенную ложь или, как сейчас говорят, *fake news*.

Важно поддерживать монополию на каналы распространения «информации», и в этом вопросе корпорации действуют совместно с государством. В итоге сплетается искусственная картина мира, которая может плохо соотноситься с реальностью, но которую навязывают людям, привыкающим жить в этой новой реальности и очень болезненно реагирующим на попытки ее разрушения.

Производство пропаганды — процесс непрерывный, буквально ежедневный, дорогостоящий и капиталоемкий. *Нельзя вклинуться в поток пропаганды и рассчитывать на успех, даже распространяя чистую правду. Система так настроена, что шум погасит сигнал. Благодаря информацион-*

¹⁸ Пять фильтров модели пропаганды Хермана/Хомского: кому принадлежит и каков размер медиа; рекламодатели медиа; источник финансирования медиа; угроза враждебной критики; страх (коммунизм, терроризм, пандемии, экология).

ному шуму, умножаемому каналами распространения информации, правду легко принять за ложь. Пропаганда меняет важные ориентиры социума и должна модифицировать тех, на кого она направлена.

Для успеха пропаганды очень важно повторение главного пропагандируемого тезиса. При этом повторение не исключает вариаций, которые не затрагивают сути тезиса. Надо внимательно следить за развитием пропагандистских кампаний, чтобы быть в курсе этого развития. Далее — дело применения суггестивных практик, которые постоянно совершенствуются.

В конце концов происходит своего рода топтание на месте — при непременном сохранении дискурса и среды, в которой действует этот дискурс. Соответственно, сохраняется и пропагандистская машина, которая тем больше растет, чем хуже идут дела у корпоративного государства. Пропаганда ослепляет и оглушает массы, лишает людей базисных понятий о добре и зле, об истинном и ложном, допустимом и недопустимом. Пропаганда — процесс воспроизводства господствующей идеологии, которая претендует на роль культа, религии. Пропаганда мешает формированию и сохранению собственного мнения индивидуума, не совпадающего с тезисами пропаганды; но это не все: люди с такими взглядами еще и маргинализируются. И в этом отношении пропаганда практически всеильна. Также пропаганда — эффективное средство консервации «убеждений» большинства, привнесенных в сознание масс. Повторение способствует закреплению пропагандируемых тезисов. Следует добавить, что к фильтрам модели пропаганды Хермана/Хомского 1988 года в эпоху Интернета следует добавить *Filter Bible*¹⁹ Элая Паризера [10].

Относительно Ленина либертарианский социалист Ноам Хомский не имеет никаких иллюзий: «Большевистский переворот октября 1917 года отдал государственную власть в руки Ленина и Троцкого, а те поспешно разгромили социалистические институты, зарождавшиеся в ходе народной революции предшествовавших месяцев: фабричные комитеты, выборные Советы и вообще все органы народного управления; рабочая сила была превращена в так называемую “трудоувою армию”, подчиняющуюся командам вождя» [16, с. 82]. Здесь то редкое место, где Хомский солидарен с отцом неоллиберализма Фридрихом Фон Хайеком, поставившем эпиграфом к девятой главе своей книги «Дорога к рабству» две цитаты друг за другом, — Ленина и Троцкого: «Все общество превратится в единое учреждение, единую фабрику с равным трудом и равной оплатой». Владимир Ленин, 1917; «В стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает медленную голодную смерть. Старый принцип — кто не работает, тот не ест — заменяется новым: кто не повинуется, тот не ест». Лев Троцкий, 1937 [14, с. 129].

¹⁹ Пузырь фильтров.

Идеалисты Адам Смит и Джеймс Мэдисон вслед за Платоном видели правителей будущего как просвещенных и благожелательных философов, охраняющих подлинные интересы страны от «злонамеренности» демократического большинства просвещенным и благожелательным образом, в том числе с помощью образования и просветительской пропаганды²⁰. Американский государственный механизм и выглядит, как созданный под высокоинтеллектуальных идеалистов и высокоморальных людей, заботящихся о своей стране и народе в краткосрочной и долгосрочной перспективах. «Я любил читать Конституцию, отчасти потому, что ее идеи велики, отчасти потому, что проза хороша...» [13, с. 133]. Эти строки написал в своей книге «Личное дело» Эдвард Сноуден, искренний патриот США, оповестивший прессу об опасности надвигающейся цифровой диктатуры разведсообщества «Пять глаз» и курируемых разведсообществом IT-гигантов или Big 5 [3; 13].

Экономический успех США слагался из усилий миллионов идеалистов, мечтателей, изобретателей, предпринимателей, — людей смелых, верующих и патриотичных. Но здесь следует вставить важное дополнение про первородный грех капитализма — накопление первоначального капитала в терминах Ханны Арендт. В случае северной Америки — это почти полное уничтожение коренного населения и более двух столетий рабовладельческой системы, одной из самых жестоких в истории, основанной на расизме. «Высокая мораль и этика протестантов была для себе подобных», — туземцы и рабы равными не считались. Именно это, к сожалению, во многом определяет нарративы стран Запада по отношению ко всему миру сегодня.

Модель значительно трансформировалась в 1913 году, после образования Федеральной резервной системы США, и окончательно сформировалась после 1945 года, когда США взяли на себя почти все функции глобальной сверхдержавы.

* * *

На нынешнем этапе глобализации, стартовавшем в 2015 году, долгосрочным трендом, рассчитанным пошагово до 2050 года, согласно документам ООН, является экологическая повестка с нарративом спасения планеты. Масштаб трансформаций и декларируемых планов поражает. Неслучайно этот процесс называют мировой экологической революцией или глобалистской революцией. Тысячи разных источников информации постепенно готовят человечество к простой формуле: планета Земля — это «космический корабль, терпящий бедствие» [27, с. 9, 58]. Следовательно, на корабле должен быть один капитан. Или, масштабируя Дж. Локка: одно человечество, одна планета, одно правительство. Если использовать эту оптику для анализа

²⁰ Следует отметить, что манипулятивные техники пропаганды выраженно сформировались только в XX веке во время Первой мировой войны, согласно Э. Бернайсу, Г. Лассуэллу и У. Липпману, именно в британском и американском обществах. В дальнейшем эти техники и практики были осмыслены в теории, ставшей сегодня научной классикой.

экологического дискурса, становится очевидно, что это — пропаганда и политехнологии, а раз так, то главный вопрос — всегда о власти.

Пропагандистские механизмы и политические технологии, используемые в перечисленных революциях, сегодня оказались востребованы в революции экологической, которая стала логическим продолжением процесса глобализации: создания глобального центра контроля природных ресурсов. Глобальная экономика, будучи либеральной, стремится максимально освободиться от какой-либо регуляции, а освободившись, установить свой деспотичный «режим истины», в терминологии М. Фуко. Невообразимое ни во времена Фуко, ни 10 лет назад навязывание дискурса гендерных меньшинств большинству, сегодня — мейнстрим, артикулированный многочисленными практиками (например, пропаганда смены пола среди несовершеннолетних)²¹. Несогласие, осуждение таких практик на Западе сегодня влечет совершенно определенные экономические последствия (например, увольнение) для индивидуумов или санкции для организаций.

В строящейся новой планетарной системе люди со временем должны превратиться в полностью гомогенное население, фрагментируемое и инкапсулированное, каждый в своей персональной информационной вселенной, создаваемой посредством ИТ-технологий. Субъект нового мира — индивид без какой-либо политической идентичности. Задекларированные, равные права человека для всех в независимости от религии, гражданства, расы, пола, etc. Такая унификация и глобализация населения и далее трансформация в *Объединенное человечество* [27] вполне осуществимы посредством техник и практик глобальной пропаганды, реализуемой Big Tech.

Таким образом, начиная с 2015 года мы вступили в фазу сборки глобальной идеологической и политической конструкции, включающей ТНК и принадлежащие им ведущие СМИ, 5 Eyes и Big 5, а также международные сети неправительственных организаций, оставляя международно-правовые отношения и все послевоенные достижения ООН и стран-членов в прошлом. Начавшаяся в 2022 году СВО разделила мир на западный, неолиберальный и весь остальной, что можно рассматривать как цивилизационный тектонический разлом и наступление мировоззренческой многополярности, отменяющей доминирование неолиберальной версии зеленого образа будущего.

Список литературы

1. Бернайс Э. Инженерия согласия // Полис. Политические исследования. 2003. № 4.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 623 с.

²¹ Glen Keogh. Tavistock scandal 'on a par with East German doping of athletes' // The Times. 11.02.23. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/tavistock-scandal-gender-clinic-puberty-blockers-nhs-investigation-ghrqk8pn> (дата обращения: 12.02.2023).

3. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Издательство института Гайдара. 2022. 782 с.
4. Кейнс Дж.М. Впечатления о Советской России. М.: Алгоритм, 2015. 224 с.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости процента и денег. М: Гелиос АРВ, 2015. 352 с.
6. Ленин В. Империализм, как высшая стадия капитализма. Госполитиздат. М., 1949. 90 с.
7. Локк Д. Два трактата о правлении. М.: Социум, 2019. xii+482 с.
8. Люксембург Р. Накопление капитала. В 2 томах. М.: ГСЭИ, 1934. 463 с.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Эксмо, 2017. 1200 с.
10. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
11. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
12. Рифкин Д. Третья промышленная революция. М.: АНФ, 2014. 409 с.
13. Сноуден Э. Личное дело. М: Эксмо, 2019. 416 с.
14. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
15. Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002. 256 с.
16. Хомский Н. Как устроен мир. М: АСТ, 2014. 447 с.
17. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
18. Правительство Франции. Официальный сайт. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur/constitution/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789> (дата обращения: 15.12.2022).
19. Herman E. Chomsky N. Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. Pantheon Books, New York. 1988.
20. Huttenlocher D. Schmidt E. Kissinger H. The Age of AI. 2021. London: John Murray Press. 272 с.
21. People and the Planet. Royal Society Report. URL: https://royalsociety.org/-/media/Royal_Society_Content/policy/projects/people-planet/2012-04-25-PeoplePlanet.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
22. Robert M. Bond et al., “61-Million-Person Experiment in Social Influence and Political Mobilization,” Nature. 479, no. 7415 (2012) 295-298.
23. Schwab K., Mallaret T. COVID-19: Great Reset. Geneva: World Economic Forum. 2020. 212 с.
24. UK parliament. Act of Supremacy. URL: <https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/religion/collections/common-prayer/act-of-supremacy/> (дата обращения: 15.12.2022).
25. UK parliament. The Bill of Rights. URL: <https://www.parliament.uk/about/living-heritage/evolutionofparliament/parliamentaryauthority/revolution/collections1/collections-glorious-revolution/billofrights/> (дата обращения: 15.12.2022).
26. US. National Archives. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (дата обращения: 15.12.2022).
27. Weizsäcker E., Wijkman A. 2017. Come on! (eBook) Library of Congress Control Number: 2017952604 © Springer Science+Business Media LLC 2018. DOI: 10.1007/978-1-4939-7419-1. ISBN: 978-1-4939-7419-1. 220 p.
28. Кошмаров М.Ю. Трубецкой А.Ю. Экономические теории и эволюция пропаганды // Мир Новой Экономики. 2017. № 4.

Е.В. КОЛОКОЛЬЦЕВА

СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИБОБОРСТВА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА)

***Аннотация.** Статья посвящена оценке роли информационной коммуникации в международных отношениях на основе анализа деятельности зарубежных (англоязычных, французских, китайских) средств массовой информации на Украине. Прослеживается тенденция по использованию массмедиа в качестве инструмента информационного противоборства и манипулирования общественным сознанием. В статье представлены примеры намеренного искажения событий на Украине с целью дискредитации имиджа России и укрепления доминирования в информационном пространстве. Рассматривается альтернативная информационная политика в отношении украинского конфликта на базе исследования работы средств массовой информации КНР. **Ключевые слова:** украинский кризис, информационное противоборство, СМИ, информационные коммуникации, КНР.*

THE MEDIA AS A TOOL OF INFORMATION CONFRONTATION (ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN CRISIS)

***Abstract.** The article assesses the role of information communication in international relations based on the analysis of the activities of foreign (English, French, Chinese) mass media in Ukraine. There is a tendency to use the mass media as a tool of information confrontation and manipulation of public consciousness. The article presents examples of deliberate distortion of events in Ukraine in order to discredit the image of Russia and strengthen dominance in the information space. At the same time, an alternative information policy regarding the Ukrainian conflict is considered based on a study of the work of the Chinese's media. **Keywords:** Ukrainian crisis, information confrontation, media, information communications.*

Современные международные отношения представляют собой систему взаимодействий и связей в различных сферах: политической, экономической, социальной, культурной, военной и других. Информационные коммуникации пронизывают международные отношения и являются необходимым и неотъемлемым элементом взаимодействия. Роль информации для международной политики сложно переоценить, — ее передают по разнообразным каналам, анализируют, на основании информационных сообщений делают выводы

и принимают решения, ею манипулируют. В связи с этим повышается и роль средств массовой информации.

Сегодня журналистика — самостоятельный феномен в системе социальных и политических отношений. Высказывания прессы не директивны, они не оказывают прямого влияния на социум и различные его сферы действия, но косвенно средства массовой информации воздействуют на потребителей своего продукта как в явной, так и скрытой форме. Поэтому информационная политика и воспринимается в качестве неотъемлемого элемента государственной политики. Средства массовой информации можно назвать зеркалом, в котором отражаются общественные процессы [1].

Но суть здесь в том, что это «зеркало» может отображать предметы и события выборочно и с разной интерпретацией в угоду определенным властным кругам. Как следствие, СМИ становятся инструментом информационного противоборства между государствами. На основании полученных сведений целевая аудитория формирует мнение о политических субъектах и событиях. В этом проявляется манипулятивное свойство массмедиа. Посредством передачи информации через ее источники происходит влияние на выбор современного общества и сознание индивидов различными субъектами: политическими деятелями, партиями и целыми государствами.

Украинский конфликт в англоязычных информационных ресурсах

С самого начала разворачивания конфликта на Украине западные англоязычные СМИ интенсивно освещали и комментировали события. Daily Mail так описывает события, происходившие в Киеве в феврале 2014 года: «18 февраля насилие усилилось, и министерство здравоохранения заявило, что число погибших между протестующими и полицией достигло 82 человек» [2]. При этом автор работ на политическую тематику и историк Майкл Берли подчеркивает, что вина за обострение ситуации в центре украинской столицы лежит на Президенте России, поскольку пророссийская власть на Украине, подавляя антиправительственный протест, реализует желание главы российского правительства «вернуть былую славу» Советского Союза, заставив украинцев присоединиться к альянсу с Москвой. Автор отмечает, что «насилие в Киеве отразило жестокую попытку Путина построить свою новую империю, фактически заставив Украину присоединиться к ней вопреки воле миллионов ее граждан» [3].

Газета «Гардиан» также неоднократно освещала события на Украине как в новостных, так и в аналитических материалах. При этом публикации зачастую имели яркую эмоциональную окраску, благодаря многочисленным литературным приемам. Украина описывалась как «истекающая кровью», «покрытая шрамами», но еще «живая» страна [4].

В целом можно отметить, что издание негативно оценивает и саму ситуацию на Украине, и реакцию Запада на нее. «Гардиан» считает, что Запад

«слепым глазом» смотрит на действия украинских националистов. В отношении В. Путина применяются различные образы с негативной характеристикой. Однако он неизменно представляется как сильное и влиятельное лицо, а украинские политические лидеры — как слабые фигуры, нуждающиеся в поддержке [4].

Американские СМИ уделяют украинскому вопросу не меньшее внимание. При оценке событий американская пресса делала акцент на осуждении применения насилия обеими сторонами конфликта.

Газеты *Time* и *Washington Post* акцентируют внимание на обострении раскола на Украине. При этом приводятся ситуации, дающие негативную оценку пророссийским настроениям и отображению событий в российской прессе. Статья *Washington Post* от 25 октября 2014 года, описывая отношения русско-украинских родственников героини репортажа, констатирует следующее: «Поскольку они пользуются постоянным потоком российского государственного телевидения, в котором говорится, что протестующие на Украине являются неонацистами и совершают геноцид против русских, они едва разговаривают друг с другом» [5].

Более поздние события на Востоке Украины освещаются таким образом, который подразумевает осуждение участия России. Говорится, что Россия под видом миротворческой миссии собирает войска у границ Украины [6, р. 11]. Акцентируется внимание на том, что Россия называет себя миротворцем, хотя и не является таковым. «Россия желает разжигать кризисную ситуацию и гасить ее по своему усмотрению», — пишет *The Times* [7, р. 24].

Отчетливо проявляется диссонанс в отношении зарубежных и российских СМИ к украинскому конфликту в освещении событий «крымской весны» 2014 года. Мировое сообщество (в особенности Запад) поставило под вопрос легитимность проведенного в марте 2014 года референдума в Крыму.

Отношение Запада к крымскому вопросу нашло свое отражение в англоязычных СМИ. Статья в газете *The New York Times* называет решение референдума аннексией: «От скорости аннексии Крыма г-ном Путиным, перекраивающей границы территорий, которые были в составе независимой Украины на протяжении 23 лет, захватывает дух, и, очевидно, ее невозможно остановить» [8]. При этом статья сопровождается иллюстрациями, где В. Путин представлен в невыгодном виде. В то же время, спустя пять лет, в начале ноября 2019 года *The New York Times* опубликовала карту, где Крым изображен как «спорная территория» (см. рисунок на стр. 112).

Такое обозначение вызвало резонансное обсуждение в проукраинских кругах, которые настаивали на том, что Крым должен быть представлен как оккупированная территория. Тем не менее *The New York Times* оставила схему неизменной. В этот же период британский журнал *The Economist* транслировал видео с картой Украины без Крымского полуострова, о чем с возмущением сообщали украинские СМИ [10].

Рисунок

Обозначение Крыма в публикации The New York Times [9]

Французские СМИ о ситуации на Украине

Интересным в рамках данного исследования является представление украинского конфликта европейскими СМИ, в частности, французскими. Как и ряд других европейских стран и США, Франция признала законной смену власти на Украине в феврале 2014 года. Ее правительство поддержало исключение России из «большой восьмерки», отмену саммитов ЕС–Россия и антироссийские санкции Евросоюза. Было приостановлено российско-французское военное сотрудничество [11].

В то же время французские СМИ избегают радикальных оценок ситуации на Украине, воздерживаются от комментирования роли США в украинском конфликте, инсказательно, в виде вопросов формируют альтернативные суждения. Антироссийские санкции получают сдержанно-критическое освещение. Донбасс не называется «оккупированной территорией», чаще идет речь о «пророссийских» или же «сепаратистских» регионах, подчеркивается внутриукраинское противостояние [12]. Французское министерство иностранных дел придерживалось нейтралитета в отношении украинского конфликта на Востоке страны; на обращение ЛДНР к Франции, как гаранту минских соглашений, с просьбой повлиять на сложившуюся на Украине ситуацию, министерство ответило призывом «обеим сторонам соблюдать перемирие» [13].

Официальный курс нередко подвергается критике, — во французских альтернативных СМИ присутствует «другая» картина украинского конфликта. Так, в 2016 году платным французским телеканалом Canal+ был показан фильм режиссера Поля Морейра «Украина: Маски революции» [12]. Фильм, по словам самого режиссера, является собой специальное расследование трагических событий, происходивших в 2014 году на Украине. В нем большое внимание уделяется пожару в одесском Доме профсоюзов, который произошел 2 мая 2014 года. Автор придерживается альтернативной точки зрения в отношении позиции Запада к украинскому конфликту. В частности отмечается, что события «Евромайдана» были спровоцированы силами США. Фильм горячо обсуждался мировыми средствами массовой информации, а украинское посольство во Франции обратилось к соответствующим организациям с требованием прекратить показ.

Преобладающее большинство французских специалистов и аналитиков различной политической ориентации расценивают присоединение Крыма к России как «аннексию» и геополитическую провокацию. Но есть французские эксперты с весьма солидной репутацией, которые уклоняются от односторонней оценки украинских событий, не отрицая наличие внутриукраинского раскола и недостатков «постмайданного» режима, равно как и факта гражданской войны и предвзятости Запада.

Что касается крымского вопроса, то Франция изначально не признавала выход Крыма из состава Украины и находится в числе стран, не признавших законность референдума. В официальных публикациях французского МИД допускались такие выражения, как «аннексия Крыма», «восстановление суверенитета и территориальной целостности Украины в ее международно признанных границах», «озабоченность милитаризацией полуострова». Референдум был назван «незаконными выборами» [12]. Но с течением времени отношение несколько изменилось. В 2019 году украинские СМИ отметили факт опубликования французским информационным агентством АФР карты Украины без Крымского полуострова: «Некоторые французские СМИ продолжают допускать ошибки в обозначении на картах незаконно аннексированной Россией территории АР Крым» [14].

Таким образом, французские СМИ отражают не только официальный курс правительства по отношению к украинскому конфликту, но и нередко представляют альтернативный угол зрения на вопрос в отличие от англоязычных средств массовой информации.

Китайские средства массовой информации о конфликте на Украине

Для разностороннего анализа вопроса представления украинского конфликта разными странами мира целесообразно рассмотреть, как комментировал ситуацию Китай. В 2014 году подробное исследование отношения КНР к украинскому кризису было проведено А.С. Исаевым [15].

Изначально китайские политики и эксперты сдержанно отнеслись к ситуации на Украине, в основном заявляя о невмешательстве и приоритете методов разрешения конфликта дипломатического, мирного характера. Тем не менее позиция Китая не была нейтральной. Информационное агентство Синьхуа возложило ответственность за обострение украинского кризиса на Запад, обвинив его в манипулировании сознанием граждан Украины в вопросе ассоциации с Евросоюзом: «Вмешательство Запада воспрепятствовало диалогу между правительством и оппозицией».

По мере нарастания напряжения активизировалась и реакция официальных кругов Китая. Так, постоянный представитель КНР при ООН Лю Цзеи выразил «большую озабоченность в связи с ситуацией на Украине» и осудил «разжигаемые русофобские настроения». Комментируя крымский вопрос, представитель МИД Китая отметил, что в КНР с уважением относятся к «суверенитету и территориальной целостности Украины».

Таким образом, официальные заявления китайских представителей по поводу украинского вопроса велись в дипломатической и выдержанной форме. Одновременно средства массовой информации подавали информацию более эмоционально и конкретно: в частности, газета «Хуанцю шибао» отметила, что правительство вынуждено вести взвешенную политику, однако общество имеет право выразить свободное мнение и оно «встало на сторону России»; газета «Жэньминь жибао», являющаяся официальным органом коммунистической партии, назвала ситуацию с Крымским полуостровом «предоставлением убежища Крыму Россией». В ней же была размещена статья, которая обвинила США в «мировоззрении времен холодной войны» и попытке опередить Россию по степени влияния на Украину любыми способами. При этом автор статьи называл подобный подход «устаревшим мышлением» и призывал освободиться от уз «ментальности холодной войны» и сократить ненужную конфронтацию.

Газета GlobalTimes отметила в марте 2014 года, что украинский кризис вышел за пределы этой страны, что западные страны «вмешиваются в дела других стран». Позднее министр общественной безопасности Китая Го Шэнкунь заявил, что внешние силы провоцируют все новые и новые волны цветных революций, а это являет собой угрозу для стран мира.

Примечательно, что в 2014 году в Пекине была создана Комиссия по интернет-безопасности, — очевидно, что украинский фактор косвенно повлиял на такое решение в силу распространения разного рода дезориентирующей информации. Например, в сети появилась дезинформация о том, что китайское правительство готовит «аннексию российского Дальнего Востока».

Таким образом, с самого начала украинского кризиса, будучи заинтересованным в сотрудничестве с обеими странами, Китай старался соблюдать баланс в своих отношениях между Россией и Украиной. Такая позиция транслировалась и китайскими СМИ, которые принадлежат государству,

так как в Китае на законодательном уровне запрещены иностранные инвестиции в СМИ. При этом Пекин активно расширяет их издание на иностранных языках и вкладывается в развитие спутникового и интернет-телевидения.

Необходимо отметить, что в Китае появляется довольно много новых изданий, что порождает эффект плюрализма мнений. Но все издания подвергаются цензуре и тотальному контролю. Уделяя большое внимание информационной безопасности, Китай в свою очередь нередко сам является инициатором хакерских атак на зарубежные информационные ресурсы [16]. Это лишний раз свидетельствует о том, что китайское правительство осознает значение средств массовой информации для реализации внутренней и внешней политики.

* * *

Итогом манипуляторного воздействия является возможность управлять обществом в своих интересах. Политическое манипулирование принимает самые разнообразные формы: это может быть подтасовка фактов, утаивание информации, ее диспропорциональность, специфическая формулировка заголовков, упрощение, вольная интерпретация вплоть до изменения контекста на противоположный и так далее. По этой причине в определенных ситуациях, опираясь на информацию одного источника, даже человеку с хорошим образованием и аналитическими способностями непросто сориентироваться в политических процессах.

В то же время цифровизация сделала доступным широкий спектр изданий, не ограниченных географическими рамками, а это дает возможность сопоставить оценку одних и тех же событий разными, в том числе диаметрально противоположно настроенными источниками.

Список литературы

1. Сулейманов Э.А. Отражение политической реальности в СМИ // Коммуникология: электронный научный журнал, 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-politicheskoy-realnosti-v-smi> (дата обращения: 25.11.2022).
2. Brady T. The revolution captured on camera: Striking images that followed weeks of turmoil across Ukraine and the final days that shaped it forever // Daily Mail. 2014. February 23. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2565995/In-pictures-week-shook-Ukraine-Dramatic-photographs-chronicle-days-violent-clashes-ousting-president.html> (accessed: 26.11.2022).
3. Burleigh M. Return of the evil empire and a nation on the brink of civil war: America and Europe look on in fear as violence grips Ukraine // Daily Mail. 2014. February 19. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2563404/Return-evil-empire-nation-brink-civil-war-America-Europe-look-fear-violence-grips-Ukraine.html> (accessed: 26.11.2022).

4. Антонова Т.Г. Конфликт на Украине «глазами Европы»: метафорическое моделирование образа в британском издании «Гардиан» // Вестн. Том. гос. ун-та, 2017. № 419. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-na-ukraine-glazami-evropy-metaforicheskoe-modelirovanie-obraza-v-britanskom-izdanii-guardian> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Birnbaum M. Ukraine elections highlight nation's split between east and west // Washington Post. 2014. October 25. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/ukraine-elections-highlight-nations-split-between-east-and-west/2014/10/25/1114e343-d128-4a7d-bb5d-66d2a9836f72_story.html (accessed: 26.11.2022).
6. Insatiable // The Economist. 2014. April 19.
7. Hoyle B. Ukrainian rebels will fight to end despite peace plan // The Times. 2015. February 10.
8. Myers S., Barry E. Putin Reclaims Crimea for Russia, and Bitterly Denounces the West // The New York Times. 2014. March 18. URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/ukraine.html> (accessed: 26.11.2022).
9. MacFarquhar N., Nechepurenko I. Putin's Bridge to Crimea May Carry More Symbolism Than Traffic // The New York Times. 2017. November 11. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/11/world/europe/vladimir-putin-russia-crimea-bridge.html> (accessed: 26.11.2022).
10. Известное британское издание изобразило карту Украины без Крыма // ТСН – URL: <https://tsn.ua/ru/politika/izvestnoe-britanskoe-izdanie-izobrazilo-kartu-ukrainy-bez-kryma-1448328.html> (дата обращения: 26.11.2019).
11. Нарочницкая Е. Украинский конфликт и Крым: испытание французской дипломатии // Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/politika/ukrainskij_konflikt_i_krym_ispytaniye_francuzskoj_diplomatii_2019-05-24.htm (дата обращения: 26.11.2022).
12. Нарочницкая Е.А. Франция и украинский конфликт // АПЕ, 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-i-ukrainskiy-konflikt> (дата обращения: 25.11.2022).
13. Ukraine – Q&R – Extrait du point de presse // France Diplomatie / Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2018. 19.01. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ukraine/evenements/article/ukraine-q-r-extrait-du-point-de-presse-19-01-18> (дата обращения: 26.11.2022).
14. Французское информагентство АФР опубликовало неукраинский Крым // Фокус. URL: <https://focus.ua/politics/419858-francuzskoe-informagentstv-afp-opublikovalo-neukrainskij-krym> (дата обращения: 26.11.2022).
15. Исаев А.С. Китай и «Украинский кризис»: выбор стратегии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-i-ukrainskiy-krisis-vybor-strategii> (дата обращения: 02.12.2022).
16. Ареева М.В. Китайские средства массовой информации и их влияние на глобальные информационные процессы // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-sredstva-massovoy-informatsii-i-ih-vliyanie-na-globalnye-informatsionnye-protsessy> (дата обращения: 02.12.2022).

П.А. ЦЫГАНКОВ
Л.Э. СЛУЦКИЙ

ДИСКУРС О БОРЬБЕ ДЕМОКРАТИЙ ПРОТИВ АВТОКРАТИЙ КАК НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МИРА¹

***Аннотация.** В статье проводится сравнительный анализ двух популярных западных дискурсов: «демократический мир» и «борьба демократий против автократий». Несмотря на внешние отличия, отражающие меняющуюся политическую конъюнктуру, в содержательном плане в обоих случаях речь идет о стремлении обосновать превосходство «демократий» (США и их союзников, как основания для противодействия и сдерживания ими «автократий» (прежде всего России и Китая). В первой части статьи прослеживаются генезис и эволюция теории демократического мира. Второй раздел посвящен разбору аргументов о критериях демократичности, предлагаемых сторонниками дискурса о «борьбе демократий против автократий». Анализ показывает, что при всей внешней новизне этот дискурс представляет собой, подобно теории демократического мира, попытку обоснования мирополитических претензий глобального Запада.*

***Ключевые слова:** теория, демократический мир, дискурс, электоральная демократия, электоральная автократия, Запад, Россия.*

DISCOURSE ON THE STRUGGLE OF DEMOCRACIES AGAINST AUTOCRACIES AS A NEW EDITION OF THE THEORY OF THE DEMOCRATIC WORLD

***Abstract.** The article provides a comparative analysis of two popular Western discourses — «the democratic world» and «the struggle of democracies against autocracies». It is shown that, despite the external differences reflecting the changing political conjuncture, in terms of content in both cases, we are talking about the desire to justify the superiority of «democracies» (the United States and its allies) as grounds for countering and deterring «autocracies» (primarily Russia and China). The article is structured as follows. The first*

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич — главный научный сотрудник факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва

СЛУЦКИЙ Леонид Эдуардович — заведующий кафедрой факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

part traces the genesis and evolution of the theory of the democratic world. The second section is devoted to the analysis of arguments about the criteria of democracy proposed by supporters of the discourse on the «struggle of democracies against autocracies». In conclusion, conclusions are drawn according to which the discourse on the opposition of democracies to autocracies in the name of protecting the «rules-based order», with all its external novelty, is, like the theory of the democratic world, an attempt to substantiate the world-political claims of the global West.

Keywords: *theory, democratic world, discourse, autocracy, electoral democracy, West, Russia.*

«Нам нужно доказать, что демократия работает», — заявил президент США Джо Байден в ходе своей первой публичной пресс-конференции [1]. Разумеется, речь шла не о скандальных и вызвавших в американском обществе серьезные протесты выборах, в результате которых он стал президентом страны. Утверждая, что мир столкнулся с битвой между автократией и демократией, Байден, по сути, объявил о главной установке внешнеполитической стратегии своей администрации. Она во многом перекликается с установками всех американских администраций после окончания холодной войны. Так, уже в январе 1992 года, когда Дж. Буш-старший в обращении к Конгрессу США заявил о победе Америки в холодной войне, повсеместное распространение норм и ценностей демократии было провозглашено одной из главных целей и неотъемлемой частью американской международной политики [2]. В 1994 году президент У. Клинтон в ежегодном послании Конгрессу выступил с официальным обоснованием стратегии распространения демократии в мире [3]. В свою очередь Б. Обама заявлял, что отказ США от глобальной борьбы за демократию увеличил бы вероятность конфликтов в международных отношениях [4].

Взлет и упадок теории демократического мира

Идея о миролюбии демократий была высказана еще в 1964 году малоизвестным тогда американским социологом, утверждавшим, что демократии не вступают друг с другом в вооруженную конфронтацию, разрешая возникающие противоречия исключительно мирным путем [5]. Однако востребованной в западной политологии она оказалась именно в 1990-е годы. Окончание холодной войны и развал СССР повлекли за собой радикальные изменения в мировой геополитической ситуации. На постсоветском пространстве возникли новые независимые государства. Страны бывшего социалистического содружества Центральной и Восточной Европы «потянулись» в Евросоюз и НАТО.

Идеалы коммунизма перестали носить государственный характер во всем европейском регионе. В создавшихся условиях антикоммунизм утратил для США и их союзников прежнюю актуальность в качестве основного стратегического ориентира внешней политики. ореол «победителя» стал нуждаться в обновлении своего положительного образа и замене ком-

мунизма как «значимого другого» на иного врага всего передового и прогрессивного. Либеральная демократия была провозглашена главной целью мирового развития, солидарность вокруг США как ее ядра — основным средством, а на роль врага были назначены «авторитарные режимы».

К последним по факту были отнесены все страны, несогласные с политикой разрушения своего суверенитета и навязывания западных стандартов в своей внутренней и внешней политике. Геополитический слом прежних реалий сопровождался кровопролитными вооруженными конфликтами и войнами, которые либо были инициированы непосредственно Америкой и ее союзниками (агрессия НАТО против Югославии, Афганистана, Ливии, Сирии, Ирака), либо получали их политическую, идейную и иную поддержку (как две «чеченские войны» на территории России). Тем не менее именно США и страны НАТО объявили себя главными миротворцами, призванными осуществлять «гуманитарное вмешательство» и реализовать «ответственность по защите» на том основании, что демократии миролюбивы по самой своей сути, а автократии агрессивны и воинственны в силу их внутренней природы.

В академических кругах США, а затем и других стран Запада, теория демократического мира породила огромный массив литературы [критический обзор основных идей см.: 6], подведя идейный фундамент под стратегию «смены режимов» и «гуманитарной интервенции» путем повсеместного насаждения демократических норм [7]. Особую популярность приобрели работы Рудольфа Руммеля, Джеймса Ли Рея и Майкла Дойля. Положения названной теории о том, что демократии редко, если когда-либо вообще, воюют друг с другом, и что они в целом более миролюбивы, чем недемократии, стали даже называть «Законом Дойля» [8, 9, 10, 11].

Действительно М. Дойль был одним из ее самых последовательных сторонников. Еще в 1983 году в статьях «Кант, либеральное наследие и иностранные дела» он противопоставлял демократические режимы, которые стремятся решать взаимные противоречия мирными средствами, автократиям, воинственным по своей природе [13]. Эти положения лежат и в основе его более поздней работы, посвященной И. Канту, идеи которого он рассматривает как основания теории демократического мира [14]. В ней утверждается, что разделение властей, влияние общественного мнения, которое в своей основе более склонно к миролюбию и к которому правительства демократических стран вынуждены прислушиваться, ограничения, которые накладывают на внешнеполитические решения либеральные институты, а также нормы и ценности либеральной культуры в совокупности создают атмосферу доверия между демократиями, их способность и заинтересованность в разрешении возникающих взаимных конфликтов мирными средствами. И поскольку указанные факторы отсутствуют в недемократических режимах, они гораздо менее заинтересованы в дипломатических путях разрешения международных противоречий и тем самым представляют

собой угрозу международной безопасности и прежде всего — безопасности демократических государств.

На самом деле реальная практика американской внешней политики всегда была далека от миролюбия. Как подчеркивал бывший работник госдепартамента У. Блум, история США изобилует грубыми вмешательствами в демократические выборы в иностранных государствах, попытками свергнуть демократически избранные правительства, покушениями на иностранных лидеров и тому подобным. По его словам, Америка «является монстром, которого не остановить, пока люди не поймут и не признают, сколько бедствий она принесла всему миру» [15].

Что касается отношения академического сообщества к базовым концептуальным положениям теории демократического мира, то уже с самого начала часть его представителей утверждала, что наличие демократии вряд ли является гарантом мира, а при определенных условиях оно может даже увеличить вероятность войны [16]. Сторонники политического реализма отмечали неубедительность логики приверженцев данной теории и ограниченность влияния режимного фактора национальным интересом [17, 18, 19]. Конструктивисты подчеркивали неправомочность проекции понятий демократии и мира из одного культурного контекста на другие [см., напр.: 20]. К середине первого десятилетия 2000-х годов теория демократического мира утрачивает свою прежнюю популярность. В таких условиях падающий флаг теории демократического мира призвана удержать идея «борьбы демократий против автократий». Однако нарастание тенденций, которые, по словам сторонников рассматриваемой теории, «вызывают серьезные сомнения в здоровье самих демократий» [21], раскрывает лицемерный смысл этой идеи.

Лицемерие дискурса «борьбы демократий против автократий»

В отличие от теории демократического мира, в дискурсе о борьбе демократического Запада против автократий основной акцент смещен на необходимость борьбы против России, как одной из главных (наряду с Китаем) автократий, и на ее обвинение в развязывании конфликтов нового типа. Однако его пафос все более очевидно подрывается выхолащиванием самой сути демократии в странах коллективного Запада. Критики теории демократического мира предупреждали об этом еще в конце 1990-х годов, ссылаясь на происходящее на практике перерождение современных демократий [см., напр.: 22]. А в 2017 году уже и сами сторонники демократического мира высказывают «растущее беспокойство по поводу жизнеспособности демократии в современном международном обществе» и отмечают тенденции, которые «вызывают серьезные сомнения в здоровье самих демократий» [21, *op. cit.*]. В таких условиях сторонники борьбы с автократиями вынуждены прибегать к произвольному толкованию критериев самой демократии.

Так, например, И. Крастев, считая «разумным» стремление США сдерживать усиление Китая и России, пишет, что демократии и авторитарные

режимы сегодня менее различимы, чем прежде [23]. Действительно, одни из западных экспертов не сомневаются в том, что Индия является демократическим государством, а Польша — автократией [24]. Другие (как шведская исследовательская организация V Dem) относят Индию к числу «электоральных автократий», Польшу же рассматривают как «электоральную демократию» [23, *op. cit.*].

По мнению организаций вроде V Dem и Freedom House, наиболее распространенным сегодня является тип правления, который они называют «избранной автократией». Для обозначения государств, считающих свою систему управления не альтернативой демократии, а реальным народовластьем, ибо в них правит большинство, вводится термин «новый авторитаризм». С намеком на охлократию под ним понимается политический режим, при котором «демократия низводится до уровня ничем не сдерживаемой власти большинства» [23, *op. cit.*]. Однако, вопреки подобным утверждениям, в политической науке под «охлократией» понимается нелегитимная власть социальных низов, власть толпы, игнорирующая законы и институты. Этого никак не скажешь об Индии или Венгрии.

В то же время под «электоральной демократией» вышеуказанные организации имеют в виду «отступничество от демократических идеалов». Возникает вопрос: о каких идеалах идет речь; и главное, — что же следует считать «подлинной демократией», если отрицать, что демократия — это власть народа? Если «новые автократии» — это страны, лидеры которых «победили в результате свободных, хотя и не всегда честных выборов», то разве не подпадают под это определение сама современная Америка и страны Евросоюза?

Что касается США, то, по мнению американского профессора Х. Брэндса, Джо Байден, заявив о необходимости создания коалиции демократий для борьбы против авторитарных режимов, правильно сформулировал глобальную стратегию США. Правильными Брэндс считает и действия, предпринимаемые американской администрацией в данном направлении. Он отмечает, что создаются «хабы» демократического сотрудничества по ключевым глобальным вызовам, примером которых выступает «четверка», включающая США, Японию, Австралию и Индию. Активизируется реагирование на «вопиющие формы репрессий и агрессивных действий авторитарных государств». Идет совместная работа США и их союзников по усилению санкций. Как средство необходимого компромисса, продолжается политика сотрудничества с автократическими правительствами: от Польши и Турции до Вьетнама и Филиппин. Однако, с точки зрения Брэндса, всего этого недостаточно, поскольку требуется более интенсивное наращивание военной мощи, а также усилия по минимизации торгового сотрудничества ЕС с Китаем, и энергетического — с Россией.

Статья Х. Брэндса была опубликована в 2021 году. Дальнейшие события показали, что отмеченные им «упущения» в реализации стратегии Байдена

во многом «исправлены». Взрыв Северного потока-2 позволил «успешно преодолеть» энергетическую зависимость ЕС от России. Экономические санкции нанесли и продолжают наносить ощутимый ущерб Российской Федерации, а также (хотя и в меньшей степени) КНР. В бюджет Пентагона поступают огромные средства. Предлагаются меры по укреплению позиций США в Тихом океане на перспективу. Вместе с тем обнаружилось, что от санкций страдают сами США и особенно страны Евросоюза. Кроме того, «сплочение демократий» вопреки ожиданиям Запада не привело к международной изоляции России.

США не удалось справиться и с двумя другими вызовами, о которых говорил Х. Брэндс. Это транснациональные проблемы (в виде политических последствий пандемии и коррупции) и внутренний упадок демократии. При этом автор явно ошибся, отнеся их к второстепенным. На самом деле пандемия коронавируса показала, что элиты западных стран озабочены не стремлением к объединению в борьбе против усиления автократий, а собственным выживанием, ради которого они готовы идти на нарушение ими же установленных «правил международного поведения» [25]. Что касается транснациональной коррупции, то скандал вокруг предполагаемого участия президента Байдена в международных бизнес-схемах своей семьи получает новое продолжение после относительной победы республиканцев на промежуточных выборах в ноябре 2022 года [26].

Как США, так и их союзники явно не соответствуют еще одному из «незыблемых критериев демократичности» — свободе средств массовой информации. Широко известны примеры как ограничения свободы СМИ в США, так и предвзятости самих американских медиа. Например, Carnegie Europe — европейское издание широко известного Фонда Карнеги за международный мир, в статье «Будущая роль НАТО в многостороннем порядке, основанном на правилах, — новые взгляды на общую безопасность» пишет о необходимости помощи со стороны НАТО для расширения возможностей местных СМИ [27]. В свою очередь один из аналитических центров при Главном Управлении международного развития и стратегии министерства обороны Франции (IRSEM) заявляет о необходимости «исправить перегибы демократических дебатов» путем изменения действующего законодательства [28].

Создается устойчивое впечатление, что проблема критериев демократии намеренно запутывается для более легкого жонглирования терминами в стратегических целях сдерживания России и Китая. Отсюда и заявления о демократичности киевского режима. У Запада нет уверенности в том, что Индия согласится присоединиться к антикитайскому «демократическому хабу» в Азии, поэтому она уже перестала рассматриваться как «самая большая демократия в мире». Что касается Украины, то, как пишет профессор стратегии национальной безопасности в Университете национальной обороны США Спенсер Б. Мереди III: «...выживание *независимой и демо-*

кратической Украины (курсив наш — П.Ц, Л.С.) означает поражение для реваншистской империи России, и это всегда будет в интересах Запада, Соединенных Штатов и их демократических союзников» [29].

Таким образом, стоит согласиться с тем, что состояние здоровья самих западных демократий и в самом деле основательно подорвано: они не представляют собой власть большинства, в них не всегда проводятся честные выборы, подлежат исправлению демократические дебаты и ограничивается свобода СМИ. Сплочение объединенного Запада во имя сдерживания России и Китая не способствовало преодолению таких вызовов, как потеря авторитета среди мирового большинства, внутренние и транснациональные проблемы. А венцом лицемерия дискурса о борьбе демократий против автократий во имя «порядка, основанного на правилах», стало стремление представить нынешний киевский режим едва ли не образцом демократичности.

* * *

Популярная в 1990-е годы и в начале 2000-х годов теория демократического мира и современный западный нарратив о борьбе демократий против автократий имеют единую природу. Они выполняют общую задачу консолидации неолиберального миропорядка и обеспечения соблюдения установленных глобальным Западом для остального мира «правил» международного поведения. В свете зримых признаков реального «перерождения» западных демократий особенно очевиден тот факт, что дискурс «борьбы против автократий» приобрел инструментальный характер. Его целью является не защита «международных правил» и политических свобод, а поражение России и ослабление Китая. Впрочем, если многие западные публикации, претендующие на академичность, пытаются подвести под эту цель некий теоретический фундамент, то политические лидеры США и их союзников говорят о ней уже вполне открыто и ежедневно.

Список литературы

1. Байден заявил о «битве» между автократией и демократией в мире // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210325/bayden-1602894009.html> (дата обращения: 05.01.2023).
2. Обращение Дж. Буша к конгрессу США. 28.01.1992 года (видео). URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/1285495.html> (дата обращения: 05.01.2023).
3. Bill Clinton: state of the union address — january 25, 1994. [Электронный ресурс]. URL: <https://factba.se/sotu/transcript/clinton-sotu-19940125> (дата обращения: 05.01.2023).
4. Обама предупредил американцев о закате демократии // Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/world/2017-01-11/7_6900_obama.html (дата обращения: 05.01.2023).
5. Babst, Dean V. (1964). «Elective Governments — A Force for Peace». The Wisconsin Sociologist. 3(1).

6. Окунева Е.С. Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму // Сравнительная политика. 2015. № 4(21).
7. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. № 3.
8. Russett, Bruce; Layne, C.; Spiro, D.E.; Doyle, M.W. (October 1995). «The Democratic Peace: And Yet It Moves». *International Security*. 19 (4): 164–75. DOI: 10.2307/2539124. JSTOR 2539124.
9. Doyle, Michael W. (1997). *Ways of War and Peace*. New York: W.W. Norton. ISBN 978-0-393-96947-4.
10. Ray, James Lee (1995). *Democracy and International Conflict*. University of South Carolina Press. ISBN 978-1-57003-041-3.
11. R.J. Rummel. *Power kills: Democracy as a Method of Nonviolence*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1997.
12. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория «демократического мира» и международная реальность / Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010. Гл. 8.
13. Doyle, Michael W. (Summer 1983a). «Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs». *Philosophy and Public Affairs*. 12 (3); Doyle, Michael W. (Autumn 1983b). «Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs, Part 2». *Philosophy and Public Affairs*. 12(4).
14. Doyle, Michael W. *Immanuel Kant*. Routledge, 2008.
15. Смертоносный экспорт Америки — демократия [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смертоносный_экспорт_Америки_-_демократия.
16. Henderson, Errol. *Democracy and War, the End of an Illusion?* Lynne Rienner Pub., 2002.
17. Goenner, Cullen F (2004). «Uncertainty of the Liberal Peace» (PDF). *Journal of Peace Research*. 41(5): 589–605. DOI: 10.1177/0022343304045977. S2CID 5270352. Archived from the original (PDF) on June 25, 2006.
18. Gleditsch, Nils Petter; Christiansen, Lene Siljeholm; Hegre, Håvard (2004). «Democratic Jihad? Military Intervention and Democracy» (PDF). Paper Prepared for the 45th Annual Convention of the International Studies Association, 17–20 March 2004.
19. Rosato, Sebastian (2003). «The Flawed Logic of Democratic Peace Theory». *American Political Science Review*. 97(4): 585–602. DOI: 10.1017/s0003055403000893. S2CID 17654114.
20. Layne, Christopher (Autumn 1994). «Kant or Cant: The Myth of the Democratic Peace». *International Security*. 19(2): 5–49. DOI: 10.2307/2539195.
21. Hobson, Christopher (2017). «Democratic Peace: Progress and Crisis». *Perspectives on Politics*. 15(3): 697–710. DOI: 10.1017/S1537592717000913.
22. Shimmin, Kevin (1999). «Critique of R.J. Rummel’s “Democratic Peace” Thesis». *Peace Magazine*. 15(5): 6. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.peacemagazine.org/archive/v15n5p06.htm>.
23. Иван Крастев. Байден не может решать, что считать «демократией» // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bajden-ne-mozhet-reshat/> (дата обращения: 05.01.2023).

24. Хэл Брэндс. Демократия, автократия и определение главного противостояния // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/formirovanie-doktriny-bajdena/> (дата обращения: 05.01.2023).
25. Капустин Б. Цивилизация блефа // Россия в глобальной политике, № 3, 2020, май/июнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czivilizacziya-blefa/> (дата обращения: 05.01.2023).
26. Республиканцы начали расследование против президента Байдена из-за подозрений в коррупции // Русская семерка. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian7.ru/post/respublikancu-nachali-rassledovanie/> (дата обращения: 05.01.2023).
27. NATO's Future Role in the Multilateral Rules-Based Order – New Perspectives on Shared Security: NATO's Next 70 Years // Carnegie Europe – Carnegie Endowment for International Peace. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieeurope.eu/2019/11/28/nato-s-future-role-in-multilateral-rules-based-order-pub-80412> (дата обращения: 05.01.2023).
28. Les manipulations de l'information. Un défi pour nos démocratie. Un rapport du Centre d'analyse, de prévision et de stratégie (CAPS, ministère de l'Europe et des Affaires étrangères) et de l'Institut de recherche stratégique de l'École militaire (IRSEM, ministère des Armées). Paris. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/les_manipulations_de_l_information_2__cle04b2b6.pdf (дата обращения: 05.01.2023).
29. Ukraine: The Epicenter of Hybrid Warfare and Why the West Must Win There. [Электронный ресурс]. URL: <https://uatribune.com/en/ukraine-the-epicenter-of-hybrid-warfare-and-why-the-west-must-win-there/> (дата обращения: 05.01.2023).

КОНТРМЕРЫ РОССИИ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ КОНФЛИКТЕ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности геокультурного конфликта и ментальной войны между Россией и коллективным Западом. Определены критерии необходимых контрмер со стороны России в данной сфере. Выявлены уязвимости в обществах западных стран, которые могут быть использованы Россией в собственных интересах. Предложена комбинированная (одновременно наступательная и оборонительная) концепция противодействия коллективному Западу в геокультурном конфликте и ментальной войне, основанная на продвижении дискредитирующих западное общество обвинений с параллельным продвижением ценностей, образов и символов, имеющих важное значение для консервативной части населения западных стран. Предложены символы и образы, применение которых способно стать мощным оружием России в текущем многомерном конфликте с коллективным Западом. Дана оценка преимуществ для национальных интересов России предлагаемых контрмер.*
Ключевые слова: Россия, Запад, геокультурный конфликт, ментальная война, информационно-психологическая война, символы, геокультурные образы, традиционные ценности.

RUSSIA'S COUNTERMEASURES IN THE GEOCULTURAL CONFLICT WITH THE COLLECTIVE WEST

***Abstract.** The article discusses the features of the geocultural conflict and mental war between Russia and the collective West. The criteria for necessary countermeasures by Russia in this area are determined. Vulnerabilities in the societies of Western countries are revealed which can be used by Russia in its own interests. A combined (both offensive and defensive) concept of countering the collective West in a geocultural conflict and mental war is proposed based on the promotion of accusations that discredit Western society with the parallel promotion of values, images, and symbols that are important for the conservative part of the population of Western countries. Symbols and images are proposed the use of which can become a powerful weapon for Russia in the current multidimensional conflict with the collective West. An assessment is given of the advantages for the national interests of Russia of the proposed countermeasures.*

Keywords: Russia, West, geocultural conflict, mental war, information-psychological war, symbols, geocultural images, traditional values.

Работа выполнена на основе неомарксизма с использованием сравнительного подхода, метода исследования документов, а также таких общенаучных методов, как анализ и синтез. Сравнительный подход позволил выявить те образы и символы, которые продвигает коллективный Запад, и сопоставлять их с образами и символами, которыми может оперировать Россия в геокультурном конфликте и ментальной войне. Опора на неомарксизм (исследования И. Валлерстайна) позволила составить для данной работы понятийный аппарат. Кроме того, в соответствии с положениями неореализма [1] в работе обосновывается тезис о том, что в условиях структурных ограничений (наличие оружия массового поражения, международных соглашений и т.п.) акторы международных отношений ищут способы обойти их с использованием средств, методов и технологий неклассических войн, к которым автор относит информационно-психологическую войну, в том числе геокультурные конфликты (войны) и ментальное противостояние. При этом субъекты (Россия, США и другие страны коллективного Запада) настроены на конфронтацию, выхода из которой практически не предвидится даже в отдаленной перспективе.

После начала специальной военной операции (СВО) информационно-психологическая война коллективного Запада против России достигла невиданных значений. Речь идет не только о действиях на открытых телекоммуникационных сетях в форме информационных операций (например, инцидент в г. Буча [2]), массовой волне фейков, но и о противостоянии на геокультурном и ментальном уровне. Последнее предполагает воздействие через трансформацию менталитета, когда объекту мишени воздействия (элиты и народ государства) навязываются идеи и ценности, противоречащие его истории, традициям, образу восприятия и мышления. Речь идет в том числе о смыслах и символах, продвигаемых агрессором с тем расчетом, чтобы вызвать у народов и их элит комплекс неполноценности вследствие того, что они не являются частью культурно-цивилизационного пространства агрессора. Он стремится создать условия, в которых элиты и народы государств сами пожелают принять его ценности и перейти в его геокультурную, а следом — в геополитическую и экономическую сферу влияния.

На протяжении как минимум двух столетий, — со времен окончания наполеоновских войн, Запад, особенно его англосаксонская часть, создавал из России враждебный образ, врага «цивилизованного мира», оплота «варварства и тирании». До недавнего времени апофеозом антироссийской пропаганды и в целом системно-стратегического противостояния являлась информационно-психологическая война как часть холодной войны, осуществлявшаяся коллективным Западом против Советского Союза. Позднесоветская номенклатура оказалась неспособной не только адекватно противостоять геополитическому и экзистенциальному противнику, но и распознать сам факт того, что основная угроза в условиях структурных ограничений по типу ядерного паритета (из-за наличия оружия массового

поражения), режима нераспространения и контрраспространения, а также невозможности без неприемлемых рисков сокрушить СССР в ходе прямого вооруженного конфликта находилась, прежде всего, именно в геокультурной и ментальной сферах, что является самым высоким уровнем информационно-психологических войн. Начиная как минимум с речи У. Черчилля в Фултоне (1946) о том, что мир разделился «железным занавесом», агрессивно и глобально продвигался тезис о существовании «тоталитарного мира», где свобода и права людей якобы подавляются всеми средствами и методами. В последующем продвижение этого пропагандистского клише было многократно усилено и претерпело различные трансформации типа «империи зла» во времена президентства Р. Рейгана, но их суть всегда оставалась неизменной: Советский Союз и социалистический лагерь представлялись тоталитарным угнетателем.

С момента окончания холодной войны мало что изменилось. Даже во времена наибольшего военно-политического, экономического, социального, а главное — ценностно-идейного упадка России в 1990-х годах антироссийская пропаганда коллективного Запада мало отличалась от времен противостояния двух систем. Россия для Запада является врагом вне зависимости от того, какой в ней политический строй — монархический, советский или псевдозападно-демократический. Здесь уместно упомянуть слова З. Бжезинского, который в одном из своих интервью заявил следующее: «Не надо морочить себе голову, мы (Запад) боролись не с коммунизмом, а с Россией, как бы она ни называлась» (цит. по [3]). Данный императив никуда не делся и события, предшествовавшие СВО, и тем более события после ее начала, показали правоту данного мнения: Запад борется с исторической Россией как таковой.

Причем противостояние в геокультурной сфере как части глобальной информационно-психологической войны, ведущейся против России, является критически важным. С момента разрушения Советского Союза российское руководство не смогло выработать эффективное противодействие крайне агрессивному продвижению западных символов и образов, не создав по-настоящему привлекательных контрсимволов и контробразов, которые можно было бы продвигать не только внутри России, ее общества, но и за ее пределами. Этому есть объяснение: социально-экономические успехи Запада после 1991 года, обусловленные во многом изъятием ресурсов из стран бывшего соцлагеря при поддержке местной компрадорской части элит, в сочетании с отточенной технологией манипуляции массами и пропаганды (Голливуд, СМИ, НПО, НКО, игровая индустрия и пр.), сумели не только придать образу Запада «цивилизованности», «успешности» и «свободы», но и вдохнуть в него новую жизнь, получив мощный ресурсный приток вследствие краха своего социосистемного и стратегического противника в лице Советского Союза.

По мере того как Россия понемногу стала возвращать свой суверенитет и влияние на мировой арене, усиливалась и антироссийская активность в информационно-психологической сфере. Особенно это проявилось после серии осуществленных по периметру России цветных революций (Грузия, Украина, Киргизия) или их попыток (Белоруссия, Казахстан¹), где пришедшие при помощи западных технологов к власти лица целенаправленно индоктринировали общество антироссийской повесткой. Кульминацией этого процесса является начало СВО 24 февраля 2022 года, когда в глобальном масштабе была запущена серия операций с русофобским нарративом, продолжающаяся и поныне. Все старые смыслы и образы с соответствующим оттенком были вновь задействованы, но с гораздо большей интенсивностью и ярко выраженной дегуманизацией русских, — как в этническом, так и в культурно-цивилизационном отношениях.

Сегодня в высшей степени актуальным является вопрос о том, что Россия в состоянии противопоставить в геокультурном измерении коллективному агрессору в условиях системной, тотальной и многомерной неклассической войны. Цель данной статьи — выявить образы и символы, которые Россия могла бы использовать в усилившемся геокультурном конфликте с коллективным Западом.

Понятийный аппарат

Сформулируем основной понятийный аппарат.

Геокультура — культурное основание господствующей миросистемы [4, 5].

Геокультурный конфликт (также: борьба, противостояние, война) — конфликт между культурными основаниями двух различных миросистем.

Геокультурные образы — система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте [6].

Ментальная война — война, направленная на уничтожение самосознания, изменение ментальной и цивилизационной основы общества противника².

Информационная война — вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме операций с применением информационного оружия [7]. Структурно современная информационная война состоит из последовательности операций, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия. В данной работе используется термин *информационно-психологическая война* (ИПВ), которая включает информационную войну и психологические

¹ События в Казахстане в январе 2022 года в некоторых аспектах отличались от классических цветных революций, но имели и общие признаки с данными технологиями.

² Ильницкий А.М. Ментальная война России [Электронный ресурс] // Военная мысль. Военно-теоретический журнал [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/336904/> (дата обращения: 14.12.2022).

операции. Геокультурная/ментальная война является частью ИПВ, в свою очередь, относящаяся к *неклассическим войнам*, в основе которых лежит навязывание воли противнику без полномасштабного применения прямой военной силы агрессором, политический результат которого сопоставим с результатом от прямой интервенции [8].

Символ (греч. σύμβολον, первоначально — опознавательный знак, впоследствии — знак, символ в широком смысле) — знак, обладающий той или иной степенью предметной конкретности, но используемый для выражения смысла, выходящего за пределы семантики, непосредственно заданной предметностью этого знака, либо образ, который функционирует как знак (т.е. выражает посторонний для этого образа смысл), не утрачивая при этом собственные естественные семантики³.

Смысл — внутреннее, логическое содержание (слова, речи, явления), постигаемое разумом, значение⁴.

Под *традиционными ценностями* в данной работе понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России⁵.

В контексте данной работы среди традиционных ценностей, которые разделяются не только в России, но и консервативной частью населения западных стран, мы выделим: естественное продолжение жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда; неприемлемость разрушения семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений; неприятие культивирования эгоизма, вседозволенности, безнравственности; недопустимость искажения культуры и религии в угоду форм деструктивной идеологии, которая направлена на:

- создание условий для саморазрушения общества, ослабление семейных, дружеских и иных социальных связей;
- усиление социокультурного расслоения общества, снижение роли социального партнерства, обесценивание идей созидательного труда и взаимопомощи;
- причинение вреда нравственному здоровью людей, навязывание представлений, предполагающих отрицание человеческого достоинства и ценности человеческой жизни;

³ Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

⁴ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Ушаков Д.Н. Москва: Аделант, 2014.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.22.2022).

- внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, рост употребления алкоголя и наркотиков;
- формирование общества, пренебрегающего духовно-нравственными ценностями;
- подрыв доверия к институтам государств⁶.

Согласно положениям классика социологии М. Вебера, «понятие „культура“ конкретного народа и эпохи... и прочие образования в качестве понятий исторического исследования объекта суть индивидуальные ценностные понятия, т.е. образованы посредством соотношения с ценностными идеями» [9, с. 46]. Иными словами, ценности являют собой концентрированный тип культуры, вектор, формирующий общество [10, с. 246–266].

Критерии необходимых контрмер

На протяжении многих десятилетий коллективный Запад весьма эффективно продвигал свои образы, культуру и ценности, используя то, что в свое время известный идеолог неолиберализма Джозеф Най назвал «мягкой силой» [11], в задачу которой входит навязывание государству-мишени ценностей и политической модели Запада без необходимости использовать прямую военную силу. Сформулированные образы Запада как образца демократии, свободы и возможностей («американская мечта» и т.п.) быстро распространились после того, как скоординированным внешним и внутренним воздействием был развален СССР. Эти образы оказались настолько сильны, что даже столкновение с реальностью (подлинной действительностью Запада), которая порой весьма сильно отличается от созданного образа, в целом слабо влияет на восприятие коллективного Запада подпадавшими под его влияние людьми.

Разумеется, вряд ли успех Запада был обусловлен только эффективной пропагандой, изоцированными технологиями ИПВ и, как частность, геокультурной борьбы, — экономические достижения, впрочем, во многом обусловленные ограблением других стран в эпоху колониализма, деиндустриализацией и сырьевой эксплуатацией стран бывшего соцлагеря, вместе с технологическими успехами также способствовали распространению западных ценностей и культуры. Справедливо и обратное. В настоящее время данное воздействие осуществляется повсеместно и перманентно: от сетевых СМИ, продвигающих именно те нарративы, которые сейчас являются на Западе мейнстримными, до компьютерных игр.

Мощнейшее давление коллективного Запада продолжает сохраняться, что вынуждает искать адекватные контрмеры, подразумевающее внедрение

⁶ Там же. Примечание: здесь мы используем термин «традиционные ценности», подразумевая под ним то, что Россия в состоянии предложить в противовес навязываемым ценностям нынешних западных элит.

в глобальную повестку собственных ценностей, символов и образов с соответствующими смыслами, которые не в состоянии использовать Запад, но которые крайне важны для гигантского числа проживающих там людей. Вместе с этим меры противодействия не должны быть ситуативными, соответствующими лишь текущей конъюнктуре. Напротив, необходимо, чтобы контрмеры работали в средне- и долгосрочной перспективе. Использование контрмер, как представляется, должно соответствовать ряду следующих критериев.

Первый критерий — проактивность, что подразумевает внедрение в глобальную повестку символов и образов, направленных против коллективного Запада с целью его сокрушения/радикального ослабления в информационно-психологической, в том числе геокультурной и ментальной сферах.

Второй критерий — предоставление альтернативы. Поясним. Если основывать собственные контрмеры лишь на критике того, что продвигает коллективный Запад, не предлагая взамен альтернативы, тогда подобные усилия будут в лучшем случае неэффективными. При таком подходе Россия при отсутствии альтернативных целей, наполненных смыслом, находится в заведомо проигрышном положении по сравнению с противником, который в состоянии сформулировать не только свои геокультурные образы, но и их целостную систему, даже если к реальности она имеет весьма слабое отношение.

Например, демократия, свобода и права человека — это все те ценности, которые зачастую на Западе не только не соблюдаются, но и, напротив, прямо нарушаются. Далее, во многом внешняя политика в истории западных стран — это геноцид⁷, колониализм⁸ и ограбление других народов [13], что также весьма плохо согласуется с созданным на Западе образом самого себя. И тем не менее созданная система пропаганды, технологии манипуляции, используемые в геокультурном противоборстве (конфликте) в течение столетий, сумели создать из Запада образ своего рода идеала. Следовательно, *ложность или, как минимум, серьезное несоответствие созданных образов действительности не является помехой для их эффективного использования в геокультурном конфликте и ментальной войне, особенно в отсутствие приемлемой альтернативы*. Вакуум заполняется образами и ценностями противника, — сколь угодно сильной не были бы пропаганда и контрпропаганда по их дискредитации. Лишь достойная альтернатива вместе с эффективной пропагандой и геокультурной борьбой в состоянии вытеснить навязываемые ценности, образы и символы.

⁷ Пример геноцида индейцев. См.: 美国对印第安人实施种族灭绝的历史事实和现实证据 (Исторические факты и реальные доказательства американского геноцида против индейцев) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной республики [Официальный сайт]. 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202203/t20220302_10647118.shtml (дата обращения: 22.12.2022).

⁸ На примере Ост-Индской компании см.: [12].

Третий критерий — глобальность предлагаемой альтернативы, основанной на иных ценностях, символах и вложенных в них смыслах. Поскольку геокультурное противостояние осуществляется не на национальном, а на мировом уровне, то и альтернатива должна действовать соответствующе. Недопустимо, чтобы геокультурная борьба была локализована, поскольку местечковость не может стать альтернативой глобальному размаху, с которым действует коллективный Запад. Локальный подход отсекает Россию от потенциальных сторонников, чье наличие является крайне важным фактором в геокультурной борьбе. Наибольшей эффективности в подобном противостоянии историческая Россия достигла в 20–50-е годы XX века, создав свой альтернативный проект и оказав труднопереоценимое влияние на историю человечества в планетарном масштабе. Поэтому предлагаемая альтернатива должна быть априори наднациональной по своему масштабу.

В условиях экономического диспаритета с Западом и преодоления ценностной, моральной, социальной, экономической и геополитической катастрофы 1990-х годов и начала XXI века представляется целесообразным (по крайней мере, на первом этапе) в геокультурной/ментальной войне предложить альтернативу на основе выявления уязвимостей, возникших и усиливающихся в обществе стран коллективного Запада.

Уязвимости западного общества

В последние годы наблюдается усиление пропаганды так называемых нетрадиционных ценностей, в том числе продвижение тезисов о несовпадении биологического пола и гендерной самоидентификации, радикального феминизма с выраженным экстремистско-мизандрическим уклоном, насаждение экологической повестки (неомальтузианство, концепция нулевого роста и пр.), обратного (антибелого) расизма в форме так называемый «критической расовой теории»⁹ и «культуры отмены» (cancel culture [16]), а также активация движения «Black Lives Matter» (BLM — «Жизни черных имеют значение»), что особенно проявилось в США после инцидента с Джорджем Флойдом [17, с. 141–183]. Фактически речь идет о культурных войнах или явлении being woke¹⁰ (пробуждении) внутри коллективного Запада в целом и отдельных западных стран в частности (например, США).

Так, весьма примечательно, что в западных научных журналах практически отсутствует критика пропаганды содомии и ее различных проявлений, а также транспереходов. Фактически введена негласная цензура, когда любой,

⁹ Берет свое начало в работах Ч. Харриса [14]. В последующем в идеологических целях данная теория была модифицирована как мощный инструмент культурного насилия, фактически трансформированного в средство информационно-психологического давления в отношении белого населения США, в антибелый расизм. По сути, сторонники данной «критической расовой теории» используют термин «расизм» в отношении всех, кто с ними не согласен. См.: [15].

¹⁰ Carafano J. Culture wars and real wars in U.S. foreign policy [Электронный ресурс] // Geopolitical Intelligence Services [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/u-s-foreign-policy/> (дата обращения: 05.01.2023).

кто критически выскажется о лицах с нетрадиционной ориентацией, подвергается обструкции, маргинализации и травле (буллинг). Продвижение этой повестки институционализируется. Например, во Франции в общеобразовательных школах учат, что «люди не рождаются девочками и мальчиками. Пол — это вопрос свободного выбора каждого ребенка»¹¹. Другой пример нарастающих противоречий проявился в том, что детей на Западе, особенно в США, учат «критической расовой теории», когда учителя и преподаватели заставляют белых студентов извиняться за свою «белизну», читать крайне политизированные книги и эссе, пропагандирующие, например, проект 1619¹². В ответ на это родители выражают свое резкое недовольство, за что их действия официальные организации фактически приравнивают к «внутреннему терроризму»¹³. Принимаются законы, разрешающие так называемые «однополое браки», то есть осуществляется сначала культурное насилие (согласно И. Галтунгу [17, р. 167–191], также см. [18]), через которое создаются предпосылки уже для структурного и прямого насилия.

Значительная часть элит на Западе с помощью отлаженной системы масштабированной индоктринации и отработанных технологий целенаправленно уничтожает традиционные ценности путем их замещения псевдоценностями, порождая принципиально неразрешимые противоречия в социокультурной, следовательно, и в политической сфере в обществах стран Запада. Псевдоценностями разрушаются основы религии (прежде всего христианства) через искажение и извращение библейских персонажей. По утверждению декана кембриджского Тринити-колледжа (входит в 31 колледж Кембриджского университета — одного из ключевых вузов Великобритании) Джошуа Хита, «Иисус мог быть трансгендером»¹⁴. Американский пастор Шон Кинг в 2020 году заявил, что «статуи белого европеоида, якобы Иисуса, тоже необходимо убрать. [...] Белый Иисус — ложь, плод воображения белых шовинистов. [...] Христианская белизна всегда была опасной, всегда была жестокой. Изображения белого европеоида Иисуса являются инструментом

¹¹ Создание популяции «немальчиков и недевочек». Европа против [Электронный ресурс] // nasledie77. 2022. URL: <https://nasledie77.wordpress.com/2022/09/01/создание-популяции-немальчиков-и-нед/> (дата обращения: 05.01.2023).

¹² Редакторы проекта «1619» первоначально написали, что считают 1619 год «нашим [Америки — прим. К.С.] истинным основанием», потому что это был год, когда рабы прибыли в колонию Вирджиния. См.: Butcher J. History Comes to Call: The 1619 Project Cannot Deny Its Own Past [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.heritage.org/education/commentary/history-comes-call-the-1619-project-cannot-deny-its-own-past> (дата обращения: 25.12.2022).

¹³ Malcolm J. Are Parents Being Tagged as «Domestic Terrorists» by the FBI? Justice Department Needs to Show Its Cards // The Heritage Foundation [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.heritage.org/crime-and-justice/commentary/are-parents-being-tagged-domestic-terrorists-the-fbi-justice> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁴ См.: Somerville E. Jesus could have been transgender, claims Cambridge dean [Электронный ресурс] // The Telegraph [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2022/11/26/jesus-could-have-transgender-claims-cambridge-dean/> (дата обращения: 26.12.2022).

угнетения ради превосходства белых и должны быть уничтожены»¹⁵. В тот же период в США было сожжено множество библий. Как заявил заместитель управляющего делами Московской патриархии епископ Зеленоградский Савва (Тутунов), движение Black Lives Matter в США, Великобритании и некоторых других странах все больше приобретает антихристианский и антицивилизационный характер¹⁶.

Не должно создаваться впечатление, будто автор построил исключительно на упомянутых фактах столь далеко идущие выводы; лишь ограничения для статей по объему не позволяют провести хотя бы краткий обзор колоссального количества примеров вышеперечисленных проявлений.

На Западе пропаганда нетрадиционных «ценностей» — тотальная и крайне агрессивная, с наличием всех признаков информационно-психологического терроризма, транслируемого не только вовнутрь, но и в глобальном масштабе. Этой повесткой разрушаются основы христианской этики, морали, наконец, разрушается наследие Модерна. Однако деструктивное влияние идет и по линии биологической, — через трансформацию людей в нечто иное (транспереходы, искусственное создание новых «полов» и т.п.). Ломается нормальная речь через продвижение новых терминов, которые не содержат негативной коннотации (вместо содомии и психических девиаций используются аббревиатуры и пр.), чем снимается барьер отторжения противоестественных проявлений, что способствует лучшему «усваиванию» обществом этих явлений, а в конечном счете — их принятию, популяризации и нормализации (то, что в действительности является ненормальным и аномальным, представляется в качестве нормы, и наоборот). Данная технология базируется на создании деформированного языка, с помощью которого повестка вводится в общественно-политический дискурс и там институционализируется. Пропаганда содомии во всех ее проявлениях, транспереходов, педофилии, радикального феминизма и экоповестки (сокращение населения) направлена во многом на разрушение института семьи, а если к этому добавить ВЛМ-повестку, то речь идет о разрушении института семьи консервативной части белого населения (европеоидов), особенно среднего класса (в западном, в частности, американском его понимании¹⁷). Данный анализ выявляет те основные уязвимости западного общества, которые могут стать причиной острейших социальных (в т.ч. вооруженных) конфликтов

¹⁵ Shaun King: 'Statues of the white European they claim is Jesus should also come down' [Электронный ресурс] // Black Enterprise [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.blackenterprise.com/shaun-king-statues-of-the-white-european-they-claim-is-jesus-should-also-come-down/> (дата обращения: 26.12.2022).

¹⁶ Cogito ergo sum (канал епископа Саввы) [Электронный ресурс] // Телеграм-канал епископа Саввы. 2020. URL: <https://t.me/kartezianec/1249> (дата обращения: 03.01.2023).

¹⁷ См.: Wenger J., Zaber M. Most Americans Consider Themselves Middle-Class. But Are They? [Электронный ресурс] // RAND Corp. [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.rand.org/blog/2021/05/most-americans-consider-themselves-middle-class-but.html> (дата обращения: 03.01.2023).

в недалеком будущем. Следовательно, такая вероятность дает возможность для России кардинально усилить геокультурную борьбу, направляя ее против Запада — с одной стороны, а с другой, — используя в своих интересах, связанных с геополитикой, демографией, экономикой и так далее.

Возможные аспекты стратегии России в геокультурном конфликте с Западом

Возникшая ситуация и ее дальнейшая деградация привела к усилению раскола в обществах западных стран, что особенно заметно в США (противостояние Д. Трампа против Дж. Байдена, закон об абортах, BLM-погромы, внедрение в сознание населения того, что педофилия — это не чудовищная девиация, а сексуальная ориентация, и т.п.). Фиксируются примеры, когда жители западных стран меняют место жительства и переезжают в Россию¹⁸, которая культурно и этнически наиболее близка консервативной части населения Запада, придерживающейся традиционных ценностей, морали и прочего. Речь идет прежде всего о тех, кто не приемлет того, что глобалисты и приверженцы «новой нормальности» делают с обществами их стран. Однако пока еще это — лишь слабый поток, так как мест, куда они могли бы переехать, немного, а кроме того, важным фактором остается материальное благополучие.

Непросто найти незападную страну, где сохраняются традиционные ценности и на государственном уровне осуществляется системное противодействие внедрению постмодернистских ценностей, что означает в нынешних условиях сохранение или стремление к сохранению критической части своего суверенитета. Единственной западной страной с преимущественно белым (европеоидным) населением (христиане или атеисты), сохранившей критическую часть своего суверенитета, является Россия. Следовательно, у нее есть уникальная возможность создать свой контрпроект, противопоставив себя Западу, но при этом избежав двух неприемлемых путей.

Первый — указание на проблемы Запада, не предлагая ничего взамен (об этом было сказано ранее).

Второй неприемлемый путь — действовать на поле Запада, в частности, пытаясь только лишь дискредитировать и отрицать те ценности, продвижение которых составляет ядро его геокультурной борьбы. То есть неэффективно делать ставку на утверждения о том, что в действительности Запад по своей сути несвободен и недемократичен.

¹⁸ Например, история семьи Евгения (Ойгена) Мартенса. См.: «Секс-беженец» Евгений Мартенс принял решение: и все-таки Ставрополье! [Электронный ресурс] // Ставропольская правда [Официальный сайт]. 2017. URL: https://stavpravda.ru/20171121/seksbezhenets_evgeniy_martens_prinyal_reshenie_i_vsetaki_stavrop_114811.html (дата обращения: 04.01.2023).

Как уже отмечалось, в геокультурном конфликте и ментальной войне (продвижение своих ценностей, образов и символов) невозможно победить или хотя бы просто эффективно противодействовать врагу только через отрицание того, что он продвигает, — это заведомо бесперспективный путь. В отсутствие альтернативы даже самая отталкивающая и антигуманная концепция/идеология будет принята обществом, даже если это «принятие» будет осуществляться через насилие, — будь то культурное, структурное или прямое. Противодействовать врагу на его же поле — контрпродуктивно. Коллективный Запад вкладывается в создание образа вотчины демократии и свободы («свободный мир», «цивилизованный мир» и т.п.) и обладает огромным количественным и частично технологическим преимуществом в противостоянии в информационно-психологической сфере. Поэтому прямое утверждение того, что Запад тоталитарен, антидемократичен и лжив, может обернуться пустой тратой сил и ресурсов. Следовательно, проактивное противодействие со стороны России должно быть *непрямым*, а таким, чтобы воздействие на противника оправдывало усилия.

Полагаем, что именно в неразрешимых противоречиях западного общества и кроется ответ на вопрос о том, что Россия может противопоставить Западу и при этом избежит ситуации игры по чужим правилам, одновременно предлагая альтернативу. Моральная, культурная и биосоциальная деструкция, наведенный психоз и контролируемое безумие в виде пропаганды вышеозначенных биосоциальных, культурных и морально-этических девиаций — все это *ненормально* с точки зрения сторонников традиционных ценностей. Возникает вопрос: что такое *ненормально*, то есть что есть *отклонение от нормы*?

К отклонению от нормы относятся девиантное поведение [19] и болезни. Под болезнями (при всей сложности определения данного понятия) понимаются аномальные состояния, имеющие определенный набор признаков и симптомов¹⁹. Следовательно, отклонение от нормы — это *болезнь*, а тот, кто находится в состоянии болезни, — *болен*. Здесь и заключается ответ на вопрос о том, что Россия может противопоставить Западу в продвигаемых им ценностях: «Запад — свободный мир, остальной мир — несвободный», «Запад — демократия, остальные — авторитарны», «Запад — цивилизация, остальное — варварство» и тому подобное.

У России имеется всё необходимое для того, чтобы продвигать мысль о том, что она сама и другие страны, не находящиеся под контролем Запада и ратующие за традиционные ценности и многополярный мир, — это *здоровый мир, здоровые страны*, а страны коллективного Запада — *больные страны, больной мир*. В конечном счете продвижение данного смыслового

¹⁹ Nature portfolio. Diseases [Электронный ресурс] // Nature [Официальный сайт]. 2023. URL: <https://www.nature.com/subjects/diseases> (дата обращения: 04.01.2023).

блока вкладывает в сознание объекта воздействия установку о том, что *Запад — это болезнь*.

Полагаем, что рассуждения о гуманности или негуманности навязывания такого образа лишены смысла и нелепы: геокультурной борьбе чужды жалость, милосердие и гуманизм. Кроме того, коллективный враг России гуманностью не отличается. Вместе с этим концепция *болезни Запада* означает, что его можно *вылечить*, но только если он откажется от своих новых (анти) ценностей и должен будет вернуться к традиционным. Однако сохранение традиционных ценностей требует среды, то есть соответствующего общества и государственной защиты, чего на Западе найти или уже нельзя, или найти все сложнее. Значит, выход состоит в том, чтобы обратить взоры в сторону того государства, где традиционные ценности защищаются системно. Вместе с этим исподволь внедряется мысль следовать установкам, которые задает такое государство, что даст *ему* преимущество, а именно — перехват стратегической инициативы в геокультурной и ментальной войне через противопоставление своих ценностей, образов и символов ценностям, символам и образам противника. Из этого следует, что Россия, как поборник традиционных, в том числе христианских, ценностей, — это не только *лекарство*, способное вылечить Запад, но и его *спасение* или *спасение консервативной части его населения*, что автоматически усиливает уже существующий раскол в западном обществе и может быть использовано в интересах России в условиях новой холодной войны. Логически из этого следует вопрос: в каком *образе* и одновременно каким *символом* может предстать Россия перед Западом?

Такой образ/символ должен быть тем, что ассоциируется со спасением, — как в буквальном смысле, так и в метафизическом, духовно-экзистенциальном. Поскольку данное воздействие направлено в первую очередь на консервативную часть жителей Запада (белую, европеоидную), то, скорее всего, данный сегмент населения в той или иной степени будет религиозным, хотя возможны варианты с атеистами или лицами, перешедшими в другие религии. Представляется, что одним из таких образов и символов мог бы стать *ковчег*. Действительно, ковчег — это колоссальный по своей мощи образ и одновременно символ *спасения*, ведь, в соответствии с Библией, Ной по велению Бога построил ковчег, чтобы спасти от Потопа свою семью и животных. Потоп стал божественным возмездием за нравственное падение человечества, в этом явно просматривается параллель с тем, что происходит на Западе, так как Запад становится пост- и антихристианским одновременно («постзапад»), где культивируются чудовищные морально-этические, биосоциальные и культурные девиации. Продвижение нарратива о том, что мир Запада погряз в богохульстве и святотатстве, а его

правители десятилетиями толкают общество Запада в историческую пропасть, превращая его уже в нечто новое, уродливое и немислимое, способно стать мощным геокультурным оружием, которое до сих пор некому было взять и использовать по назначению.

Разовьем выдвинутые выше тезисы. Тем, кто на Западе стремится сохранить свою культуру и ценности, нужно спасение. Однако возникает проблема с поиском того, кто в состоянии его предоставить. Ни одна из стран Запада (в геокультурном и цивилизационном, а не в узко-географическом смысле) не подойдет, — будь это Австралия или Новая Зеландия. Во-первых, они встроены в мир-систему коллективного Запада, хотя географически находятся в другой части планеты; во-вторых, у них нет необходимого потенциала (военно-политического, ресурсного, экономического, демографического и пр.), благодаря которому они могли бы стать альтернативой западной модели, даже если бы этого захотели. Страны, относящиеся к другим цивилизациям, также не подходят в силу расово-этнических и культурно-цивилизационных различий, исторических обид и геополитических противоречий с Западом. Страны Латинской Америки не соответствуют данной задаче по своему *интегральному* потенциалу, а главное, — они в значительной степени уже подпали под ультраглобалистскую повестку. Имеются исключения, которые, впрочем, никак не влияют на глобальные тенденции. Кроме того, данные страны в этническом и культурном отношении сильно перемешаны и вряд ли могут стать приемлемой альтернативой, также подвергаясь массивному воздействию со стороны США. Значит, и они не подходят.

Единственная держава, подходящая для образа и символа ковчега, — Россия. Именно *Россия — это ковчег*, то есть *спасение* консервативных людей Запада от тотальной культурной, морально-этической и биосоциальной деградации, превращения обществ западных стран в нечто бесполое, безнациональное и атомизированное, чем легко управлять, то есть *спасение от метафизической, а в ряде случаев — и от физической смерти*. Таким образом, со стороны России предлагается свой набор ценностей, символов и образов: «Россия — здоровый мир, Запад — больной мир», «Россия — спасение и жизнь, Запад — деградация и смерть», «Россия — традиционные ценности, Запад — вырождение», «Россия — ковчег, Запад — забвение» и тому подобное. Здоровый мир и спасение — это Россия, а вместе с ней все те, кто к ней примкнет.

В нижеприведенной таблице мы выписали для сравнения противопоставляемые ценности, образы и символы. В левой части — используемые Западом ценности, символы и образы в геокультурной и ментальной борьбе, а в правой части — те ценности, символы и образы, которые может использовать Россия в тех же целях.

Сопоставление Запада и России в геокультурной и ментальной борьбе с учетом предложенной концепции

Запад		Россия	
Продвигаемые ценности и геокультурные образы	В чем Запад обвиняет негодные государства, включая Россию	Продвигаемые ценности и геокультурные образы	В чем Россия может обвинять Запад
демократия	авторитаризм	традиционные ценности (семья, духовность, мораль, этика)	болезнь
свобода	угнетение	спасение («Ковчег»)	гибель
цивилизация	варварство	возрождение	упадок
права человека	подавление прав	сохранение носителей традиционных ценностей	террор сторонников традиционных ценностей

Крайне важным условием эффективности отечественной геокультурной борьбы должно быть именно *комбинирование* мер защиты и нападения с акцентом на второй аспект. Нужно не только показывать то, что есть у России и чего нет или уничтожается на Западе, но и постоянно, систематично и в глобальном масштабе продвигать нарратив о болезни, деградации и упадке коллективного Запада. Одно без другого не даст нужного эффекта. Комбинация защиты (предложение альтернативы) и нападения (через обвинения противника путем *непрямой* дискредитации его сильных сторон и усиления акцента на его негативных чертах) — даст наиболее ощутимый результат.

Заключение

Изложенная система идей, которую Россия в состоянии противопоставить агрессии коллективного Запада в геокультурной/ментальной сферах, обладает рядом достоинств:

- составляющие ее ценности, символы и образы не являются контрмодерном и не обращены вспять, а выступают альтернативой наступающему постмодерну Запада. Речь идет не просто о консервации, а о пути в будущее, но без утраты ценностно-культурной, морально-этической и биосоциальной самоидентичности;
- предложенные символы и образы ассоциируются с выживанием (спасением), то есть с жизнью, — прежде всего в метафизическом (культурно-цивилизационном, экзистенциальном) отношении;
- противопоставление *здорового мира* (Россия и те, кто к ней примкнет) и *больного мира* (коллективный Запад), а также апелляция к образам «Россия — это спасение», «Россия — это ковчег» автоматически выводит

российскую геокультурную и ментальную борьбу, ее смысловой, ценностный и символичный контрудар в наднациональную, подлинно глобальную область. Следовательно, такая концепция геокультурного/ментального противостояния не ограничивается местечково-локальным применением; напротив, подобные проактивные действия совершаются на мировом уровне — то есть на том уровне, на котором только и можно победить в глобальном противостоянии, включая информационно-психологическое воздействие и его геокультурное/ментальное измерения;

– данный фактор способствует усилению раскола в обществах западных стран;

– продвижение обсуждаемой альтернативы может создать эффект «утечки» населения с территории Запада в Россию как единственной суверенной, преимущественно христианской²⁰ державы, способной отстаивать свои национальные интересы, включая защиту традиционных ценностей; это важно, поскольку до сих пор «попытки выращивать нужных людей» делаются на нашем постсоветском пространстве на редкость неуклюже и неэффективно, с использованием устарелых идеологических приемов, а в это время власти Европы и США создают для себя граждан на *чужих территориях*» (курсив мой — К.С.) [20]; поэтому одна из задач России — создавать для себя граждан на территории стран коллективного Запада за счет инициации оттока оттуда консервативных жителей, являющихся сторонниками традиционных ценностей, для чего и нужны методы и средства информационно-психологического воздействия, в том числе его геокультурной и ментальной составляющих;

– предложенные меры создают позитивный образ и среди нехристианских стран;

– данная концепция может быть и, как представляется, должна быть адаптирована для внутривосточного потребления, но с одной оговоркой: выдвинутые предложения не являются исчерпывающими или панацеей и тем более их нельзя считать неким прообразом идеологии; это, скорее, важный элемент идеологии.

Представляется, что подобный подход может быть крайне эффективным. Для его реализации все необходимое у России есть, а коллективный Запад через продвижение псевдоценностей делает все для того, чтобы Россия обладала такой возможностью. Насколько предложенный подход окажется эффективным — вопрос, на который можно дать ответ лишь посредством его апробации на практике. Однако нет никаких сомнений в том, что отсутствие вообще какой-либо ценностно-смысловой системы, которую можно было бы противопоставить Западу, — худший вариант, поскольку коллективному агрессору фактически даются на откуп все информационное

²⁰ Речь не обязательно идет о верующих. Даже атеисты консервативного толка в России вращены в русской и христианской (православной) геокультуре.

пространство, смысловое и ценностное измерения, перехват инициативы в которых критически важен сейчас и останется таковым в будущем. Настало время предложить свою альтернативу, свой проект, и предложенные выше действия могут стать их важной частью.

Список литературы

1. Waltz K. *Theory of International Politics*. MA: Addison-Wesley, 1979.
2. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник МГОУ. Электронный журнал. Серия Политология. 2022. № 4.
3. Шалин В.В., Кашина В. «Толерантность» Запада, как линия чужеродности россиян // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). Спецвыпуск. № 2.
4. Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
5. Wallerstein I. *After Liberalism*. New York: New Press, 1995.
6. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1.
7. Манойло А.В. Основы теории современных информационных войн // Геополитический журнал. 2017. № 4(19).
8. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4.
9. Вебер М. Логика наук о культуре. Культурология XX век: Антология. М., 1995. 703 с.
10. Гусев. Н.С. Ретроспективная динамика ценностей и методика ее изучения (на примере «образования» в Болгарии в конце XIX — первой половине XX вв.) // Взгляд на славянскую аксиологию / Отв. ред. И.А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. 268 с.
11. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. — New York: Basic Books, 1990. 307 p.
12. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.
13. Перкинс. Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2018. 350 с.
14. Harris C. *Whiteness as property* // *Harvard Law Review*. 1993. V. 106. № 8.
15. Лукин А.В. Теория всеобщего расизма — новая версия американского культурного доминирования // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5.
16. Филиппович Ю.С., Стрекалов Г.С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. № 1.
17. Galtung J. *Violence, Peace and Peace Research* // *Journal of Peace Research*. 1969. V. 6. № 3.
18. Сидоренко И.Н. Конфликтологический подход к сущности социального насилия как деструкции // Труды БГГУ. Серия 6. 2018. № 1.
19. Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля // Мир России. Социология. Этнология. 1997. Т. 6. № 1.
20. Шайхутдинов Р.Г. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство // Со-общение. 2005. № 1.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОТДЕЛЕНИЯ ОТ СССР КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОЙ АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ПРИБАЛТИКИ

***Аннотация.** В настоящее время отношения между Россией и Европейским Союзом характеризуются санкционным режимом, который введен и поддерживается Еврокомиссией (основной орган ЕС). Наблюдается систематическое ужесточение, генерируемое той же Еврокомиссией. В состав Евросоюза входят и страны Прибалтики, которые до 1991 года были частью Советского Союза, а теперь выступают в качестве инициаторов русофобии, ужесточения отношений с Россией, создания трудностей ее внешней политике. Трансформация политических ориентиров в Прибалтике за последние более чем 30 лет связана с тем, что к власти пришли элиты, ориентированные на так называемые евроатлантические ценности и направляющие свою деятельность в ущерб России.*

Ретроспективно просматривается, что эти элиты оказались у власти в период отделения стран Прибалтики от СССР и во время их становления как независимых государств. Исследование показывает, что отделение данных республик происходило при широком использовании политических технологий. В процесс также активно вмешивались иностранные политические структуры. Советское руководство — союзное и республиканское — оказалось не в состоянии противопоставить сепаратистским технологиям адекватные управленческие решения.

***Ключевые слова:** нынешний статус Прибалтики, прибалтийские республики в составе Советского Союза, отделение от СССР, политические технологии, перестройка, прибалтийские политические организации.*

POLITICAL TECHNOLOGIES OF SEPARATION FROM THE USSR AS A SOURCE OF MODERN ANTI-RUSSIAN POLICY OF THE BALTIC COUNTRIES

***Abstract.** At present, relations between Russia and the European Union (EU) are characterized by sanctions regime, which is introduced and supported by the European Commission (the main body of the EU). There is a systematic tightening sanctions generated by the same European Commission. An integral part of the European Union are the Baltic*

states — Latvia, Lithuania, Estonia, which until 1991 were part of the Soviet Union, and now act as initiators of Russophobia, initiators of tightening relations with Russia, initiators of creating difficulties for Russia's foreign policy. The transformation of political orientations in the Baltic States over the past more than 30 years is since local elites have come to power, focused on the so-called Euro-Atlantic values, and directing their activities to the detriment of Russia.

Retrospectively, it is seen that these elites were in power during the separation of the Baltic states from the USSR and during their formation as independent states. The study shows that the process of separation of the Baltic republics from the USSR was built with extensive use of political technologies. Foreign political structures also actively interfered in the process. The Soviet leadership — the Union and the republican ones — proved unable to oppose adequate managerial decisions to separatist technologies.

Keywords: *current status of the Baltic States, Baltic republics within the Soviet Union, separation from the USSR, political technologies, perestroika, Baltic political organizations.*

Нынешняя агрессивная русофобия стран Прибалтики складывалась постепенно, а ее отправной точкой послужили процессы их отделения от СССР в 1991 году, в ходе которых начиналась кристаллизация антироссийской политики, в частности дискриминация русскоязычного населения, предание забвению совместной истории, противодействие российской внешней политике, создание препятствий общению населения.

Важным видится вопрос о том, что представляло собой по содержанию отделение Прибалтики от Советского Союза. Нынешние прибалтийские политические элиты, а также большинство западных политиков склонны представлять то отделение как некий итог многолетней борьбы за независимость. Вместе с тем факты и обстоятельства того времени свидетельствуют больше о применении технологий, то есть политического маневрирования, политических приемов и политических проектов. Обращает на себя внимание и то, что в этих технологиях участвовали зарубежные властные и общественные структуры и иностранные политики.

Теоретические основы

В настоящее время в международном информационном пространстве наблюдается обилие материалов по теме политических технологий, которые представлены как зарубежными, так и отечественными авторами. Из отечественных специалистов можно назвать В.В. Демидченко, А.С. Бурляеву, С.А. Сукалу, А.В. Веснина, А.А. Сазонову и Н.В. Ракчинскую.

Большая часть исследований приходится на 2000-е годы. Резонно и то, что много исследований подготовлено о роли Интернета и средств массовой информации в этом контексте. Однако, затруднительно найти работы, которые посвящены политическим технологиям отдельных стран или отдельных исторических периодов и событий. Справедливо отметить, что относительно недавно — в 2015 году — В.В. Демидченко сделал вывод о том,

что «термин политические технологии относительно нов в политической науке...» [1, с. 140].

Исследуемые нами процессы отделения прибалтийских республик от СССР относятся к более ранним временам, когда политические технологии упоминались редко и вскользь. Они применялись и тогда, притом не реже, чем в наши дни, просто в то время отсутствовали публичные теории политических технологий. Действовали факторы, сдерживающие их обнародование: общий глобальный фон определял фактор биполярного мира, разделенного по идеологическому критерию, в котором стороны дорожили репутацией и избегали публичных действий, вызывавших двусмысленности; глобальные коммуникации только формировались и их возможности ограничивались национальными пространствами. Разительный качественный скачок в области коммуникативных технологий произошел только в конце XX — в начале XXI веков.

Процессы, о которых идет речь в настоящей работе, состоялись до качественных изменений в теории и практике общественно-государственных коммуникаций и, в том числе по этой причине, мало изучены. Сегодня разумно и логично рассмотреть их с точки зрения политических технологий.

В данном исследовании под политическими технологиями понимается совокупность приемов, методов, способов, процедур, используемых политическими субъектами для достижения политических целей, и решения политических управленческих задач.

Тридцать лет независимости

В 2021 году состоялось тридцатилетие даты отделения Латвии, Литвы и Эстонии от Советского Союза. С учетом того, что в мировой историографии присутствуют разные даты обретения этими странами государственной независимости, важно в эту проблематику внести ясность.

Российские специалисты исходят из того, что Латвии, Литве, Эстонии право отделения было предоставлено 6 сентября 1991 года решением Государственного Совета СССР¹. Национальные календари данных стран ведут свой счет, ориентированный на даты образования стран Прибалтики как самостоятельных стран: Литовское государство образовалось 18 февраля, Эстония — 24 февраля, а Латвия — 18 ноября 1918 года. Разнятся от российской версии даты решения Верховных Советов прибалтийских республик о восстановлении независимости: Литва 11 марта 1990 года приняла Акт о восстановлении независимости, Латвия — 4 мая 1990 года Декларацию Республики, Эстония — 20 августа 1991 года Постановление о государственной

¹ Государственный Совет СССР — не предусмотренный Конституцией СССР временный орган государственного управления Союза Советских Социалистических Республик, созданный Законом СССР от 5 сентября 1991 года «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период». В Госсовет входили Президент СССР и руководители союзных республик. Состоялось 10 заседаний Госсовета. Государственный Совет СССР действовал до 10.11.1991 г.

независимости. Все три страны отмечают обе даты — и дату образования, и день восстановления независимости.

В отношении прибалтийских народов особый подход был продемонстрирован Соединенными Штатами Америки, которые в канун Второй мировой войны ввели в политический оборот «Декларацию Самнера Уэллеса»². Американская администрация, представленная в то время демократами, ссылаясь на эту декларацию, отказывалась признавать страны Прибалтики частью СССР. Но де-факто в период 1940–1988 годов американцы не будировали вопрос независимости Эстонии, Латвии и Литвы.

Дата решения Государственного совета СССР о предоставлении независимости Латвии, Литве, Эстонии (06.09.1991 г.) выглядит более весомо и в большей степени востребовано, чем иные версии сроков государственного становления стран Прибалтики. К тому же признание этих государств другими странами и международными организациями, прежде всего ООН, началось только после указанного решения Госсовета СССР.

Что касается самого выхода из состава Советского Союза, то латвийские, литовские и эстонские оппоненты советской власти, ратовавшие за отделение, продвигали несколько опорных тезисов.

Согласно первому страны Прибалтики якобы выделялись самобытностью, опережали в своем развитии другие советские республики, которые пользовались их достижениями и даже в чем-то жили за их счет. Вторым тезисом выражался в том, что якобы членство прибалтийских стран в составе СССР сдерживал потенциал их развития и после выхода из состава Союза они смогут быстрыми темпами выйти на уровень благосостояния таких стран, как Германия и Финляндия.

Эти тезисы были сформулированы таким образом, чтобы они могли быть «правильно» восприняты и некоренным населением прибалтийских республик, составлявшем заметную часть, и найти его поддержку. Действительно, отделение поддержали и некоренные жители, которые не предполагали, что в новых реалиях они окажутся в дискриминационных условиях.

Эти моменты важны тем, что спустя три десятка лет после отделения от прибалтийских руководителей логично было бы ожидать выгодных реляций и отчетов о достижениях. Однако на мероприятиях, посвященных 30-летию отделения, звучали речи не об успехах в социально-экономической сфере, а доминировала критика России как правопреемницы Советского Союза, тиражировались эмоциональные воспоминания о том, как плохо жилось во времена членства в СССР. В мероприятиях принимали участие иностранные гости, в том числе представители Евросоюза,

² «Декларация Самнера Уэллеса» подготовлена по указанию американской администрации (президент Э. Рузвельт) Госдепартаментом США, полномочия руководителя которого в то время исполнял Самнер Уэллес. Декларация представляет собой текст объемом в один лист, содержащий отказ США признавать страны Прибалтики частью СССР. Текст введен в политический оборот в виде публикации 23.07.1940 г. в американских СМИ от имени Госдепартамента США.

которые также концентрировали внимание на критике в адрес современной России.

С точки зрения здравого смысла уместен вопрос о том, какие могут быть претензии к России за последние десятилетия социально-экономического и политического развития стран Прибалтики, которые полагались и полагаются на Евросоюз³ и НАТО⁴?

Причиной отсутствия реляций об успехах было то, что сравнение с членством в СССР оказывалось бы не в пользу периода тридцатилетней независимости. Более того, эвентуальное сравнение характеризовалось бы такими неприятными терминами, как депопуляция, деиндустриализация, коррупция и некомпетентность.

Лукавство организаторов и исполнителей отделения видится в том, что они обходили то обстоятельство, что прибалтийские экономики традиционно были экономиками дотационными, то есть субсидировались извне. Таковыми они остаются и в настоящее время. Так, в Советском Союзе финансовое субсидирование осуществлялось из союзного центра, кроме того странам Прибалтики оказывалась масштабная помощь трудовыми ресурсами и специалистами.

В этой связи уместно взглянуть на то, как формировалось намерение выхода из состава СССР и как оно было реализовано, то есть, какие политические технологии применялись в направлении выхода стран Прибалтики из состава СССР.

К сегодняшнему невзрачному состоянию стран Прибалтики привели те же люди, которые инициировали, организовывали и воплощали тот выход. Напрашивается риторический вопрос: было ли изначальное понимание того, куда они ведут свои государства и к какому состоянию придут население и экономики этих стран? Судя по тем временам, оппоненты членства в СССР настолько глубоко находились во власти антисоветизма и под влиянием личных амбиций, что особенно не задумывались над возможными перспективами, полагая, что за порогом СССР обязательно начнется всеобщее благоденствие. Их сегодняшнюю агрессивность в отношении России можно воспринимать как нежелание отчитаться за невыполненные обещания перед населением, то есть у них есть альтернатива: либо говорить по существу и рассказывать, почему не получилось благоденствие в Прибалтике при их власти, либо делать то, что они делают сейчас, наращивая критику в адрес России.

Приведенные факты и исторические обстоятельства показывают, что тема независимости стран Прибалтики носит более широкий характер, чем просто стремление быть отдельными государствами. Безусловно, выделяется фактор США, которые вышеупомянутой декларацией заложили основу

³ Страны Прибалтики стали членами Евросоюза 01.05.2004 г.

⁴ Членство в НАТО страны Прибалтики получили 27.03.2004 г.

и придали движение механизму политических технологий в европейских масштабах, имея в виду превращение Латвии, Литвы и Эстонии в инструмент своего влияния в Европе. Нынешнее состояние дел в российско-европейских отношениях свидетельствует о том, что прибалтийский проект США удался и успешно действует.

Предпосылки отделения стран Прибалтики от СССР

Большинство исследователей дезинтеграции Советского Союза увязывают эту тему с процессами, начатыми во второй половине 80-х годов в СССР и вошедшими в историю как «перестройка».

Ключевым элементом перестройки считается реформа избирательной системы Советского Союза. Реформа была начата по инициативе советского руководства и позиционировалась как инициатива КПСС. В частности, ее необходимость была отражена, как отмечают российские исследователи, в программных документах XXVII съезда партии и состоявшегося в канун этого форума (18.02.1986 г.) Пленума ЦК КПСС [2]. В то же время российские авторы отмечали, что формулировки этих документов носили общий характер и не всегда коррелировались с конкретными предложениями. Тем не менее через год «на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев предложил внести коррективы в избирательную систему, подготовить соответствующий законопроект и всенародно его обсудить» [2].

Главным направлением реформы было названо изменение порядка выдвижения кандидатов на выборные должности и условия их замещения. В практическом плане реформа началась в виде эксперимента в 1987 году по проведению альтернативных выборов в местные Советы. Эксперимент охватил примерно 5 процентов местных Советов и был признан состоявшимся и успешным, хотя проводился в ограниченных масштабах, — только применительно к РСФСР. На наш взгляд, результаты эксперимента не выглядели репрезентативными, — они отражали ситуацию только в одной из 15 советских республик и не учитывали национальные особенности всего Союза.

Все же результаты всенародного обсуждения проекта изменений избирательной системы были закреплены законами СССР от 01.12.1988 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР» [2]. Партийной же основой предстоявших изменений избирательной системы СССР стала резолюция «О демократизации советского общества и реформе политической системы», принятая XIX Всероссийской конференцией КПСС 28.06–01.07.1988 года [3].

Однако, материализация реформы проходила неровно и зачастую не соответствовала первоначальному замыслу. Причины заключались в том, что многие организационные вопросы вышли из-под союзного контроля, особенно на уровне советских республик, где республиканское руководство

по-своему трактовало принятые законодательные акты и партийные документы, по-своему же выстраивало практику их применения. Этим стремились пользоваться те, кто был заинтересован больше в получении личных выгод, чем в обеспечении общественного блага. Сказывалось отсутствие подготовленных и опытных кадров, способных должным образом заниматься избирательными процессами. Кроме того «наблюдалась повышенная активность общественных объединений и политических структур, противостоящих КПСС» [4].

Наиболее рельефно организационные издержки реформы советской избирательной системы проявились в ходе кампании по выборам народных депутатов СССР, состоявшихся 26 марта 1989 года.

Выборы по реформированной избирательной системе пробудили активность сил, которые в современной терминологии именуются региональными элитами. Почти везде их деятельность носила национальный и даже большей частью националистический оттенок. В некоторых регионах нарастали сепаратистские настроения.

Среди прибалтийских республик наибольший сепаратизм демонстрировала Литва. Здесь генератором социальной напряженности выступала общественная организация Саюдис (лит. sajudis — общественное движение) [5, с. 692], которая первоначально носила название «Литовское движение за перестройку». На выборах народных депутатов СССР от Литвы были избраны 42 депутата: 36 человек представляли Саюдис; остальные 6 мест заняли представители Коммунистической партии Литвы (КПЛ). Популярность Саюдиса по сравнению с Компартией Республики была обусловлена тем, что основной контингент общественной организации составляли представители научной и творческой интеллигенции, а также общественно активные деятели, в том числе практикующие юристы.

На тот период в Литве более 50 процентов общей численности населения составляли сельские жители [6, с. 19], у которых представители национальной творческой и научной интеллигенции уже по определению пользовались авторитетом. Выдвижение на выборах давало им преимущество перед другими кандидатами. Еще один аспект выборов заключался в том, что сельские жители Литвы придавали большее значение общественному статусу кандидатов, чем их лозунгам.

Явка на выборах составила более 82 процентов. Примечательно, что именно сельский электорат пострадал после отделения Литвы от СССР в том смысле, что здесь, как и во всей Прибалтике, пришлось сокращать сельхозпроизводство, так как оно было ориентировано на рынок СССР.

Возможно Саюдис не вошел бы в историю как движущая сила отделения от СССР, если бы во главе этого движения не оказался В. Ландсбергис. По одной из версий на роль руководителя его выдвинула власть, рассчитывая, что он будет управляемой фигурой, по другой — он сам себя закулисно

предложил официальным органам. Скорее всего, выдвижение Ландсбергиса было итоговым результатом обоих факторов. Он отличался тем, что был вхож во все слои литовской интеллигенции как по характеру, так и семейным традициям, располагал широкими связями и как бы заслуженно претендовал на лидерство. Любопытно, что Ландсбергис отказывался от предложений придать Саюдису характер политической партии, так как в этом случае мог бы потерять единоначалие.

Эстонские власти, действуя по литовскому образцу, создавали преимущества кандидатам-выразителям идеи отделения страны от СССР и продвигали идеи разобщения эстонского общества по этническому принципу. Так, Закон Эстонской ССР от 8 августа 1989 года «О выборах в местные Советы народных депутатов ЭССР» устанавливал ценз оседлости для участия в выборах, вводил ограничения для участия в них военнослужащих, предусматривал перераспределение голосов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 августа 1989 года признал не соответствующими Конституции и международно-правовым обязательствам СССР отдельные статьи данного закона, однако, эстонские власти затягивали выполнение Указа и трактовали его исполнение по-своему.

В Латвии официальные государственные органы помимо того, что копировали литовскую и эстонскую схемы создания преимуществ сторонникам отделения от СССР, пошли еще дальше. Здесь власти стали препятствовать призыву латышей в Советскую армию под предлогом необходимости их службы в Латвии. Руководство Республики в 1988 году попросило Минобороны СССР «разрешить направлять в учебные заведения МВД СССР, дислоцированные в Риге, лиц призывного возраста из числа коренных жителей», не призывая их на срочную службу в армию. Акцент был сделан только на коренных жителях. Минобороны СССР дало согласие [9, с. 131].

Складывается впечатление, что подготовка к выборам 1989 года и их результаты стали переломными в том смысле, что ситуация в стране стала быстро выходить из-под контроля союзного руководства и двигаться в направлении дезинтеграции государства.

Национальный вопрос

Оппоненты СССР в странах Прибалтики испытывали трудности в выявлении объективных обстоятельств для недовольства советской властью. В частности, прибалтийские диссиденты не находили веских доводов и значимых фактов того, что идентичность прибалтов как-то и в чем-то поддается.

К примеру, известный литовский диссидент Т. Венцлова отмечал, что «в Литве практически нет литературного самиздата», то есть прибалтийская интеллигенция имела свободу выбора и свободу выражения своего творчества. Он находил объяснение феномена свободы в Прибалтике в том,

что в Литве как и «в большинстве стран народной демократии разрешено почти все, кроме прямой антисоветчины» [7, с. 51]. Эти мысли датируются 27–28 мая 1983 года и высказаны в беседе с советской правозащитницей Р. Орловой [7, с. 608]. Если сопоставить по срокам, то это было за 4 года до событий, известных как «перестройка», которая, как считает большинство, привела к дезинтеграции СССР. Здесь заслуживает внимания то, что в этой и в других многочисленных публикациях Венцловы доминирует правозащитная риторика и отсутствуют соображения о желательности отделения стран Прибалтики от Советского Союза.

Совместимость с политическими технологиями

Коренное население прибалтийских стран в силу своего исторического развития рано усвоило и творчески использовало различного рода маневрирования в отношениях с властями. С давних времен на территориях современных Латвии, Литвы, Эстонии местному населению приходилось сосуществовать с представителями других национальностей. В советские времена руководители республик ввели в оборот идею создания образа Прибалтики как «витрины» Советского Союза для западного мира. Идея прижилась, благосклонно принималась как союзным руководством, так и другими советскими республиками, и давала повод местным властям рассчитывать на обильное субсидирование. В частности, по объемам субсидирования Эстония была безусловным лидером в Советском Союзе.

Социально-экономическое развитие региона поддерживалось за счет добровольно-принудительного направления в Прибалтику специалистов высокого класса. К примеру, построенная в Литве в 1983 году Игналинская атомная электростанция была сооружена специалистами и рабочими из числа персонала действующей в Воронеже атомной электростанции, ими же обслуживалась.

Прибалтийские элиты

Советская, а точнее, партийная идеология (они были тождественны и не отличались друг от друга) не касалась темы региональных элит. Она не вписывалась в социалистическое строительство по той причине, что «марксизм-ленинизм официально не признавал элитологию» [8, с. 11] и придерживался, как известно, теории разделения общества на классы. Парадокс заключался в том, что в стране региональные элиты не только существовали и действовали, с ними считались и в союзном руководстве. Однако, во всяком случае официально, теоретических разработок феномена региональных элит в Советском Союзе не велось.

В большинстве случаев они воспринимались как группы (общность), генерирующие сепаратизм или национализм, или, в крайнем случае, — объединенные принципом экономической выгоды. Это тема почти не была

изучена, и когда возникла необходимость в их понимании, оказалось сложным внести ясность в то, были ли национализм или сепаратизм действительным и главным содержанием региональных элит, или они служили неким инструментом их обособления и консолидации, усиления влияния элит в обществе.

Сомнения в подлинности всякого рода сепаратизма и национализма, на которые в период «перестройки» ссылалась официальная власть, вызывает то, что эти явления практически сразу после обретения прибалтийскими республиками государственной самостоятельности трансформировались сначала в антисоветизм, а затем и в русофобию. К настоящему времени русофобия является едва ли не основой внешней и внутренней политики стран Прибалтики. Не может не привлекать внимания то, что данная политическая трансформация не обладала характером процесса, а произошла почти одновременно.

Если бы сепаратизм и национализм служили действительными идеологическими ориентирами прибалтийских региональных элит, то их стремления к международной обособленности были бы направлены равновекторно и исключали подчинение элит другим силам, — тем же ЕС, НАТО или США. Другими словами, имеются веские основания считать, что прибалтийский сепаратизм и национализм исходно были нацелены на антисоветизм и русофобию.

Опыт стран Прибалтики показывает, что по отношению как к сепаратизму и национализму, так и к стремлению получения экономических выгод и политических привилегий прибалтийские элиты разделялись на несколько групп. Одна группа формировалась из советских и партийных функционеров первого эшелона власти, которые чувствовали себя комфортно при советской власти, но фрондировали, поскольку претендовали на авторитет среди местного населения, в частности, рассчитывали быть его бесспорными представителями перед союзным руководством. После обретения независимости эти элиты выступали за поддержание активных отношений с Россией. К примеру, в Литве лидером таких элит выступал известный политический деятель А. Бразаускас.

Другую группу составляли активные, но малоизвестные общественные деятели второго эшелона власти, — представители творческой и научной интеллигенции. Для них отделение стран Прибалтики от СССР с опорой на национализм служило своего рода политическим «лифтом» их выдвижения на первые роли во власти. Они агрессивно противились поддержанию независимыми прибалтийскими республиками нормальных деловых отношений с Россией, так как такие отношения девальвировали их политический образ.

Характерно, что между названными группами происходило достаточно жесткое политическое противостояние. Как отмечали современники

и участники тех неоднозначных процессов, шла «борьба за влияние в высших эшелонах власти» [10, с. 14].

Отдельного внимания заслуживает специфический фактор, присущий прибалтийским странам. По мере развертывания региональной сепаратистской деятельности в Латвию, Литву и Эстонию стали прибывать реэмигранты — выходцы из латышских, литовских, эстонских семей, в свое время эмигрировавших в другие страны по разным причинам. Как правило, это были люди, достигшие определенного социально-политического статуса в государствах своего проживания. К примеру, в Эстонию приехал на жительство Томас Хендрик Ильвес, который до возвращения на родину возглавлял эстонское отделение американского «Радио свободы». В дальнейшем он был избран президентом Эстонии (2006–2016). В Латвии обосновалась Вайра Вике-Фрайберга, которая до приезда возглавляла представительство Канады в НАТО. Она стала президентом Латвии (1996–2007). А в Литву вернулся Валдас Адамкус, гражданин США, работавший в американских госструктурах. Он тоже удостоился чести быть избранным президентом Литвы (1998–2003, 2004–2009).

Местные элиты, ориентированные на выход своих стран из состава Союза, выступали как механизм, обеспечивающий социально-политическое выдвигание реэмигрантов на ключевые посты. Их кандидатуры смотрелись предпочтительнее, чем местные активисты. По своему предыдущему опыту реэмигранты владели политическими технологиями, принятыми в странах их происхождения (в основном США и Канада). Они не были стеснены связями, национальными традициями, сложившимися стереотипами и действовали, как показало развитие событий, из расчета, что они находятся в стране временно и не связывают свое будущее со страной пребывания. К примеру, Т.Х. Ильвес и В. Вике-Фрайберга по завершении президентских сроков покинули Прибалтику и вернулись в страны своего проживания. Реэмигранты были воспитаны как идейные оппоненты СССР и фокус своей деятельности устанавливали на антисоветизме и русофобии.

Перечень основных политтехнологий, использованных в странах Прибалтики в процессе отделения от СССР, выглядел примерно таким:

- создание общественных движений в каждой из прибалтийских республик с ориентиром на содействие «перестройке» (1987–1989);
- объединение «перестроечных» организаций в общеприбалтийское движение с приданием ему нового ориентира — выход из состава СССР (1989);
- раскол латвийской, литовской, эстонской компартий на «консерваторов» — сторонников сохранения членства Прибалтики в СССР, и «демократов», поддерживавших лозунг об отделении от Советского Союза (1989–1991). Блокирование «демократов» из компартий со сторонниками выхода из СССР;

– принятие верховными советами стран Прибалтики документов, ослабивших связь прибалтийских республик с СССР: установление верховенства республиканских законов над союзными: провозглашение латышского, литовского, эстонского языков государственными языками соответствующих республик, введение принципа экономической самостоятельности от СССР (1989–1991);

– решения верховных советов о восстановлении независимости: Латвия – Декларация о восстановлении независимости (04.05.1990); Литва – Акт о восстановлении независимости (11.03.1990); Эстония – Постановление о государственной независимости (20.08.1991);

– изменение законодательства о проведении выборов в местные органы самоуправления. Изменения предусматривали введение ценза оседлости, то есть ограничивали некоренное население, исключали участие в выборах военнослужащих, перераспределяли соотношение депутатов в органах самоуправления в тех избирательных округах, где имелось заметное некоренное население;

– формирование таких избирательных округов по выборам на съезд народных депутатов СССР (1989), которые бы обеспечивали большинство сторонникам отделения от СССР;

– приглашение в страны Прибалтики реэмигрантов из США, Канады, Западной Европы и продвижение их на ключевые должности в госаппарате и местных органах управления;

– принятие законов, препятствующих поддержанию деловых, политических, социально-экономических отношений стран Прибалтики с Россией.

Западные оценки прибалтийского вопроса

Американские исследователи «горбачевского» периода СССР отмечали, что ситуация в Прибалтике отражала экономический упадок в СССР: «за три года перестройки государственные расходы превысили доходы на 133 млрд рублей» [12, с. 410], «ускорения в экономике добиться не удалось, провалились и реформы» [12, с. 410]. На этом фоне «активизировался национализм в Прибалтике» [12, с. 411]. Поворотным американские исследователи считают февраль 1989 года. Называют три момента: прибалтийские республики «объявили государственными свои собственные языки», провозгласили экономическую самостоятельность, пообещали ограничить иммиграцию русских и других некоренных национальностей [12, с. 411]. Примечательно, что 6 членов Политбюро подготовили записку по Прибалтике, которая «была ... паническая» [12, с. 411]. По заключению американцев «они (советское руководство) недооценили глубину той ямы, в которую угодили, и переоценили свою способность из нее выбраться» [12, с. 410].

Если американское руководство неприкрыто стремилось к поддержке в Прибалтике тех, кто настаивал на отделении от СССР, то руководители

ведущих стран Европы выступали с другим мнением. Так, президент Франции Ф. Миттеран высказывал в марте 1989 года такую точку зрения: «Если посмотреть шире — Европе не нужны еще 20 государств. Я полагаю, нам надо поменьше вмешиваться во внутренние процессы Советского Союза» [14, с. 31].

Субъективные и объективные трудности «перестроечных» реформ

Давая ретроспективную оценку политике «перестройки», бывший президент СССР М.С. Горбачев признавал ее неудачу и считал причинами то, что «опоздали с реформой партии ... мы опоздали с реформой союза» [11, с. 61].

Разумеется, можно дискутировать о причинах тех негативных процессов, но надо сказать, что на усложнение общей ситуации не меньшее влияние оказали управленческие решения. За рамками внимания «горбачевских» «реформаторов» осталось то, что внутренне Советский Союз в силу своей многонациональности имел глубокие различия в национальных особенностях регионов в части управления социально-экономическими процессами, а также особенностями подходов к взаимоотношениям между республиками.

Системная ошибка видится и в том, что реформы были начаты одновременно во всех областях. Логично, что на них не хватало финансов, не было достаточно кадров и не была отработана методика их осуществления.

Еще одна ошибка состояла в том, что за основу был взят опыт и методические указания американских экономистов. Присутствовала иллюзия того, что на территории СССР можно воспроизвести в полном объеме во всех нюансах и в полном виде американскую экономику, которая по-своему уникальна, как уникальны экономики любых других стран.

Хаотичный характер «перестройки» демонстрировал слабость союзного партийного и государственного руководства. К примеру, когда 11 мая 1989 года на заседании Политбюро заслушивали руководителей компартий Латвии, Литвы и Эстонии, Горбачев, по свидетельству очевидцев, «был спокоен и даже безмятежен» отождествляя активность оппонентов союзного Центра в Прибалтике с настроениями всего прибалтийского населения [12, с. 411]. Поведение Генерального секретаря и примирительная тональность обсуждения темы Прибалтики в высших эшелонах власти деморализующе действовали на партийные и государственные органы прибалтийских республик и в то же время придавали силы оппонентам советской власти.

Чувствовалось, что в союзном руководстве не было полного понимания ситуации, а во многих случаях решения принимались рефлекторно. Примером может быть вердикт союзного руководства об энергетической блокаде Литвы, которая оказалась контрпродуктивной для союзного руководства и продуктивной для его оппонентов. Непродуманные меры, а речь здесь

идет о некомпетентных управленческих решениях союзного руководства, содействовавших сепаратистским настроениям, привели к консолидации большинства прибалтийского населения вокруг элит, настроенных на сепаратизм.

Оформление отделения от СССР

Объединение стран Прибалтики в намерении отделения от СССР выглядит искусственным. Исторически каждая из прибалтийских республик развивалась по своей траектории. Латвия, Литва и Эстония различаются этнически, особенно выделяется Эстония, принадлежащая к финно-угорской группе народов. У них различная конфессиональная основа: в Литве преимущественно представлен католицизм, в Латвии преобладает протестантизм, в Эстонии исповедуется в основном лютеранство. Перечисленное формирует отдельный для каждой из прибалтийских стран национальный менталитет. Все вместе создает национальную идентичность — свою для каждой из стран.

Инициаторами и носителями идеи отделения стран Прибалтики от СССР выступали национальные общественные организации Латвии, Литвы, Эстонии, сложившиеся в 1987–1988 годах в период «перестройки», действовавшие независимо друг от друга в своих странах и первоначально фокусировавшие свою активность на вопросах улучшения условий социально-экономического развития и расширения его перспектив. Позже — в ускоренном темпе — в 1989 году они переквалифицировались в движения за предоставление независимости и объединились в общеприбалтийское движение. В 1989–1990 годах объединение усилий по отделению от СССР было закреплено на межгосударственном прибалтийском уровне [13].

Судя по тому, что метаморфозы деятельности перестроечных организаций, шаги по консолидации Латвии, Литвы, Эстонии в намерении отделиться от СССР сопровождались направлением от государственных структур писем в Конгресс США и встречами прибалтийских руководителей с американским президентом (Дж. Буш-старший), соображения по приданию антисоветской направленности могли привноситься извне.

На этом фоне ошибочной видится позиция союзного руководства к процессам прибалтийской консолидации. Так, осталось без должной реакции обращение к Горбачеву Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (в то время председатель Арнольд Рюйтель), предлагавшего обсудить результаты республиканского референдума, организованного в Эстонии до проведения общесоюзного референдума о судьбе СССР [14].

Представляется, что правильным управленческим решением союзного руководства было бы рассмотрение отдельно каждой из прибалтийских республик просьбы или обращения об отделении. Это можно было бы

разнести во времени и каждой из республик предоставить разные условия выхода, что не способствовало бы их консолидации, а в дальнейшем — использованию их против России. Отдельное рассмотрение эстонского обращения могло бы начаться с уточнения законности республиканского референдума, его транспарентности и презентативности. Возможно, это охлаждающе подействовало бы и на Латвию и Литву.

Симптоматично, что до событий, которые квалифицируются как путч 20 августа 1991 года, в Эстонии не было окончательного решения об отделении от СССР. Речь идет о том, что между сторонниками и оппонентами наблюдалось определенное равновесие. Решение о независимости было принято в день путча.

Распространена гипотеза, что причиной путча 19–20 августа 1991 года могла послужить непоследовательность Горбачева. В пользу этой версии говорит то, что одним из первых решений в послепутчевое время стало предоставление 6 сентября 1991 года независимости странам Прибалтики. Пока мало исследована данная поспешность и то, почему через две недели после фиаско путча потребовалось принять решение по отделению Прибалтики от Советского Союза, которое стало главным вопросом первого заседания, созданного 5 сентября 1991 года Государственного Совета СССР [15]. Некоторые исследователи склонны воспринимать это решение как толчок к движению в направлении дезинтеграции Советского Союза, состоявшегося 26 декабря 1991 года.

Выводы

Процесс отделения прибалтийских республик от СССР изначально был чреват применением политических технологий, прежде всего, в силу многолетней вовлеченности в него США через Декларацию Уэллеса. Сторонники отделения утаивали от населения то обстоятельство, что страны Прибалтики исконно отличаются дотационностью экономик, то есть им для нормального функционирования необходимы внешние финансовые вливания либо в виде заимствований, либо в виде дотаций и субсидий.

Ослабляющим позицию руководства СССР по отделению стран Прибалтики были их быстрые шаги по консолидации своих усилий. Союзное руководство не смогло взять верный тон и найти нужные развязки. Сторонники отделения от СССР умело пользовались «перестроечной» фразеологией и владели инициативой. Они сумели оттеснить от власти просоветских деятелей и создать плацдарм для передачи власти элите реэмигрантов.

Союзное руководство запаздывало с принципиальными выводами, не всегда верно оценивало ситуацию на местах и зачастую генерировало ошибочные управленческие решения. Отделение Прибалтики от СССР стало сложением активности прибалтийского антисоветского лобби и пассивной неадекватной реакции союзного руководства.

Список литературы

1. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность формы и виды // Политология. 2015. № 12.
2. Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Выборы народных депутатов СССР в 1989 г. и РСФСР в 1990 г. [Электронный ресурс] / Раздел: выборы в советский период / Портал РЦОИТ / URL: <https://www.rcoit.ru/lib/history/1918-1990/17243/> (дата обращения: 31.07.2022).
3. Итоги партийного и всенародного обсуждения проекта изменений избирательной системы СССР [Электронный ресурс] Материалы XIX Всероссийской конференции КПСС. М., 1988. С. 120. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/6454-preobrazovanie-izbiratel'nogo-zakonodatel'stva-sssr-ehtap-gosudarstvenno-pravovoj> (дата обращения: 31.07.2022).
4. Голубихина Н.В., Назарова Е.А. Выборы депутатов местных советов в условиях перестройки 1985–1991 гг.: политико-правовой аспект [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-deputatov-mestnyh-sovetov-v-usloviyah-perestroyki-1985-1991-gg-politiko-pravovoy-aspekt/viewer> (дата обращения: 31.07.2022).
5. Antanas Liberis. Литовско-русский словарь. 951 с.
6. Литва. Краткая энциклопедия. Вильнюс: Главная редакция энциклопедий, 1989.
7. Венцлова Томас. Пограничье. Публицистика разных лет. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 640 с.
8. Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 151 с.
9. Кабанов Н.Н. Секреты Советской Латвии. Из архивов ЦК КПЛ. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 136 с.
10. Альгирдас Бразаускас. Пять лет президента. События, воспоминания, мысли. М.: Унишпринт, 2002. 619 с.
11. Интервью главного редактора журнала «Историк» В. Рудакова с Президентом СССР М. Горбачевым в 2010 г. в канун 25-летия «перестройки» // Историк. 2022. № 10(94).
12. Горбачев. Его жизнь и время / Уильям Таубман; пер. с англ. Татьяны Азаркович и Ольги Тихомировой. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 768 с.
13. Предыстория Балтийской Ассамблеи (совещательный орган парламентов Латвии, Литвы, Эстонии) [Электронный ресурс — англ. язык] / Портал Балтийской Ассамблеи. URL: <https://www.baltasam.org/history/pre-history/> (дата обращения: 10.10.2022).
14. Тармо Вахтер. Эстония: жаркое лето 91-го / Таллинн, 2012. 392 с.
15. Сообщение о первом заседании Государственного Совета СССР от 06.09.1991 [Электронный ресурс] // портал информгентства «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/30years/785855> (дата обращения: 12.10.2022).

ХАРАКТЕРИСТИКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Во всех сферах общества, в том числе и общественно-политической сфере, принятие управленческих решений представляет собой основной вид деятельности. Очень важен процесс выработки, принятия, организации исполнения и реализации управленческого решения. Общественно-политическая сфера также подлежит управлению, следовательно, управленческие решения — это неотъемлемая часть повседневной жизни. Важность темы подчеркивает тот факт, что от неверных и неэффективных управленческих решений, принятых по данной проблематике, возникают тяжелые последствия в социальной и экономической сфере, утрачивается доверие к институтам власти. Таким образом, наука должна ответить на вопрос, как управлять рассматриваемым направлением; какие решения действенны и способны приносить положительный эффект, а какие — нет. Но самой главной проблемой выступает обеспечение принятия решений соответствующими акторами с опорой на критерии целесообразности и эффективности, избегая личных и групповых моментов. Так как процесс принятия управленческих решений в общественно-политической сфере связан с потребностью в улучшении организации жизни общества, то важно исключать субъективные факторы.

Ключевые слова: общественно-политическая сфера, государство, политика, политические деятели, эффективные управленческие решения, последствия от управленческих решений, критерии эффективности принятых управленческих решений.

CHARACTERISTICS OF MANAGERIAL DECISIONS IN THE SOCIO-POLITICAL SPHERE

Abstract. In all spheres of society, including socio-political decision-making is the main activity. The process of development, adoption, organization of execution and implementation of management decisions is very important. The socio-political sphere, as it seems to the researcher, is also subject to management, therefore, management decisions are an integral part of everyday life. The importance of this research topic is emphasized by the fact that from incorrect, ineffective management decisions taken in this area, there are serious consequences in the social and economic sphere, and trust in government institutions is lost. Thus, science must answer the question of how to manage the area under consideration, which solutions are effective and bring a positive effect, and which are not. But as it seems to the researcher, the most important problem is how to ensure decision-making by the relevant actors based on the criteria of expediency and efficiency, while discarding personal and

group interns. Since the process of making managerial decisions in the socio-political sphere is associated with the need to improve the organization of society, it is therefore important to exclude subjective factors.

Keywords: *socio-political sphere, state, politics, politicians, effective management decisions, consequences of managerial decisions, criteria for the effectiveness of managerial decisions.*

Прежде чем начать изложение актуальных аспектов принятия управленческих решений в общественно-политической сфере, необходимо описать ряд исторических событий, которые подчеркнут важность темы. По мнению автора, один из самых больших ущербов, который может быть принесен обществу и государству, это последствия от неправильных, неэффективных управленческих решений в рассматриваемой сфере. Если согласиться с этим утверждением, то становится понятным, что вопрос необходимо рассмотреть исходя из ретроспективного анализа. Очевидно, что управленческие решения принимаются конкретными субъектами или, как принято говорить в современной науке, акторами. Таким образом, очень важно, какие при этом преследуются цели, чьи интересы отстаиваются при принятии решений, — одного субъекта, элитарных групп либо общества и государства в целом.

Другими словами, принятие управленческих решений и, соответственно, сама деятельность государственной администрации должна быть направлена на достижение всеобщего блага. Однако одновременно необходимо понимать, что политические лидеры и государственные чиновники зачастую руководствуются стремлениями, чувствами, сформированным мировоззрением и ценностями. Управленческие решения в общественно-политической сфере — это, несомненно, рациональный выбор. В то же время этот выбор включает в себя результат взаимодействия различных политических акторов, содержащий баланс конкурирующих индивидуальных, групповых и общественных интересов.

Для понимания того, каким образом политические лидеры могут использовать данные им полномочия нерационально и неэффективно, необходимо рассмотреть конкретные исторические примеры. Кроме того, нужно проиллюстрировать то, как идея, способная привести в движение общество, может быть использована политическими деятелями в своих собственных интересах либо во имя выгоды небольшого круга людей; и подчеркнуть, каким образом управленческие решения, принимаемые в общественно-политической сфере, влияют на ход исторических событий.

Ярким примером этому может послужить Четвертый крестовый поход, который и по сегодняшний день остается одной из самых позорных страниц в истории христианской цивилизации. Военная кампания, организуемая Римской католической церковью с целью освобождения территории Палестины и Храма Гроба Господня от турок-сельджуков, завершилась захватом крупного центра христианской культуры.

Изначально план этого мероприятия состоял из военного вторжения в Египет с расчетом на то, что в случае захвата Александрии Иерусалим,

лишившись военной поддержки, был бы вынужден сдаться на милость победителей. Но впоследствии кампания стала приобретать характер решения политических и экономических задач римского Папы Иннокентия III и Византийского дожа Энрико Дандоло, которые путем принятия нужных им управленческих решений умело манипулировали участниками похода и спровоцировали военную экспансию Византийской империи. В итоге они для утверждения собственного господства спровоцировали взятие Константинополя, который 13 апреля 1204 года был захвачен и разграблен [1].

Возникшая геополитическая реальность позволила организовать общественно-политическую сферу оккупированной территории с учетом желаний победителей. Личные желания Э. Дандоло совпали с интересами самой республики, так как основные дивиденды от принятых управленческих решений достались венецианской знати, получившей в свое распоряжение прибрежные территории и остров Крит. Очевидно, что венецианцы намеренно изменили первоначальный план военной кампании, искажив саму идею Крестового похода в угоду небольшой группы людей. Значимость этих решений неоспорима, поскольку они изменили жизнь многих людей на данной территории.

* * *

Яркой иллюстрацией важности и актуальности рассматриваемой темы представляется теория политического реализма, родоначальником которой считается выдающийся флорентийский мыслитель Никколо Макиавелли (1469–1527). В главе «Как избежать льстецов» своего знаменитого произведения «Государь» он прямо предлагает методы прогнозов и мозгового штурма при принятии управленческих решений в общественно-политической сфере, говоря о необходимости создания пула экспертов: избрания нескольких мудрых людей с тем, чтобы им одним было представлено право высказывать все, что они думают [2]. Но самое главное здесь то, что Макиавелли рассматривает общественно-политическую сферу как объект управления, предлагая методы воздействия на ее внутренние и внешние составные части.

Другим основоположником политического реализма можно назвать Томаса Гоббса — английского философа, основателя теории общественного договора и теории государственного суверенитета. Мысли, изложенные в его трудах об обществе и государстве, — своеобразный итог научных и философских исследований. В известной работе «Левиафан» он утверждает, что люди живут, подчиняясь собственным влечениям и желаниям. Другими словами, существование людей в «естественном состоянии» — это война всех против всех. Гоббс обосновывал необходимость твердой государственной власти во имя исключения взаимного уничтожения политических групп, борющихся за власть и ресурсы [3].

На практике теорию политического реализма опробовал Отто фон Бисмарк, сумевший построить страну на немецкоязычной территории. Политический прагматизм, на который он опирался при принятии управленческих

решений, способствовал тому, что Бисмарк действовал, руководствуясь исключительно принципами рационализма и эффективности, что в итоге позволило ему добиться реальных результатов. Кроме того, реальная политика, которой он следовал, предполагала не только исключение идеологии как основы государственного курса, но и отказ от моральных принципов [4].

Заняв пост рейхсканцлера, Бисмарк стал успешно заниматься и внешней политикой. В управленческой деятельности он руководствовался исключительно интересами Германской империи, одновременно успешно занимаясь колониальной политикой, — при нем немецкие колонии появились в Намибии, Того, Камеруне, Новой Гвинее, Танзании и Занзибаре. Таким образом, Бисмарк оказал значительное влияние на общественно-политическую сферу не только Германии, но и мира в целом, на практике подтвердив эффективность принятых управленческих решений на основе принципов прагматичности и эффективности.

Можно привести пример успешных управленческих решений, принятых в интересах народов и государств, из отечественной истории. После победы Октябрьской революции на территории бывшей Российской империи сложились следующие государственные образования: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика. На тот момент эти республики взаимодействовали между собой, руководствуясь специальными договорами, предусматривавшими создание и функционирование совместных вооруженных сил, единой денежной системы, внешней и внутренней политики.

В декабре 1922 года первый Закавказский съезд Советов обратился в Президиум ВЦИК с предложением созвать объединенный съезд Советов, на котором предполагалось рассмотреть вопрос о создании Союза Советских Социалистических Республик [5]. 30 декабря 1922 года на первом Всесоюзном съезде Советов представителями РСФСР, Украинской и Белорусской советских социалистических республик, а также Закавказской федерации, удалось добиться принятия эффективного управленческого решения в общественно-политической сфере: были подписаны Декларация об образовании СССР и Союзный договор, на основании которых в январе 1924 года II Всесоюзный съезд Советов принял первую Конституцию СССР [6].

Очевидно, что решение о создании Союза Советских Социалистических Республик послужило толчком для развития социальной и экономической сферы на его территории. Ускорила политическая интеграция, которая в свою очередь позволила решить вопросы всеобщего образования, медицинского обслуживания и многого другого. Развитие науки и техники стало возможным в результате введения единого государственного языка, который стал средством межнационального общения и таким образом позволил решать задачи индустриализации. По мнению автора, данное управленческое решение, реализованное в общественно-политической сфере, можно отнести к эффективным и принятым в интересах граждан, общества и государства.

В то же время современная история России изобилует примерами принятия неверных и неэффективных управленческих решений в общественно-политической сфере. Важно понимать, что принятие решения и начала его реализации не гарантирует успехов и результативности, поскольку общественно-политическая сфера настолько сложна и многогранна, что учитывать все процессы, происходящие в обществе, очень сложно. Ярким примером неверно произведенной оценки ситуации в общественно-политической сфере является августовский кризис в России 1991 года.

В декабре 1990 года первый президент СССР М.С. Горбачев вынес на утверждение IV Съезда народных депутатов СССР проект нового Союзного договора. Здесь важно обратить внимание, что немногим позже — на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года, большинство граждан страны проголосовало за сохранение и обновление Союза. Летом того же года был разработан проект договора Союза Советских Суверенных Республик, подписание которого было запланировано на 20 августа 1991 года.

Таким образом, принятое решение предполагало сохранить общественно-политическое устройство в новой форме. Однако его реализация была сорвана августовским путчем. Когда до первого этапа подписания договора оставалось два дня, представители Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП)¹ потребовали от М.С. Горбачева ввести в стране чрезвычайное положение. Получив отказ, вице-президент СССР Г.И. Янаев² подписал документы, согласно которым полномочия президента переходили к нему [7].

В последующем члены ГКЧП объявили в стране режим чрезвычайного положения, который позволил им ввести войска в Москву, Ленинград, Таллин, Тбилиси и Ригу. Возмущенные жители крупных городов выступили против ГКЧП. Массовые протесты прошли в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, Свердловске, Новосибирске, Тюмени и других городах [8].

Очевидно, что участники ГКЧП приняли неверное управленческое решение, так как опирались на данные, не отражающие истинные настроения в обществе. Они не получили ожидаемой поддержки среди руководителей республик, которые рассчитывали обрести независимость и полноту власти. Пытаясь спасти страну, члены ГКЧП руководствовались благими намерениями и предприняли попытку остановить дезинтеграцию путем введения чрезвычайного положения. Однако ими была неверно оценена общественно-политическая обстановка. Опираясь на результаты референдума, они не учли, что ведущие политические акторы республик не заинтересованы в сохранении государства, в результате потерпели поражение.

¹ Самопровозглашенный орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года. Включал в себя ряд высокопоставленных должностных лиц советского правительства.

² Геннадий Иванович Янаев — советский партийный и государственный деятель, первый и единственный вице-президент СССР, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Во время событий 19–21 августа 1991 года являлся и.о. президента СССР и фактическим руководителем Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Следующее управленческое решение в общественно-политической сфере страны, которое было основано на личных интересах политических деятелей, а не на здравом смысле, оказалось катастрофическим. После неудачной попытки введения чрезвычайного положения работа над новым Союзным договором была продолжена. Был подготовлен новый проект договора, который предусматривал создание Союза Суверенных Государств (ССГ) в виде конфедерации. Главы семи союзных республик (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) и президент СССР М.С. Горбачев 14 ноября 1991 года сделали заявление о намерении заключить договор о создании ССГ [9].

Однако процессы дезинтеграции продолжились. 1 декабря 1991 года на территории Украины состоялся референдум по определению независимости Украины. За независимость республики проголосовало большинство граждан. 8 декабря 1991 года в белорусском селе Вискули главами государств и правительств трех союзных республик — Б.Н. Ельциным и Г.Э. Бурбулисом (РСФСР), С.С. Шушкевичем и В.Ф. Кебичем (БССР), Л.М. Кравчуком и В.П. Фокиным (УССР) — было подписано соглашение о прекращении существования Союза ССР и создании Содружества Независимых Государств (СНГ) [10].

Этот шаг послужил к еще большей дезинтеграции СССР. Последствия от Беловежских соглашений ощущаются и по сегодняшний день. Управленческие решения в общественно-политической сфере стали толчком к замедлению экономического роста не только в России, но и во всем постсоветском пространстве. Вакуум власти, возникший в период упразднения союзных органов власти и управления и создания государственных органов России, привел к разгулу преступности и бандитизма. Многие социальные проекты, обеспечивающие население, были свернуты, что стало одной из основных причин снижения уровня жизни граждан.

* * *

Все управленческие решения имеют свой результат и свои последствия. Они не только выражаются в конкретных материальных выгодах тех или иных социальных групп, но и в дальнейшем сказываются на общественном развитии страны, которое не всегда подлежит измерению в количественных показателях. При этом эффект от управленческих решений может быть как краткосрочным, так и долгосрочным. Эффективность решений в общественно-политической сфере можно оценить как достижение наилучших результатов в кратчайшие сроки при наименьших затратах. В то же время к неэффективным управленческим решениям относятся те из них, которые приводят к невозобновляемым потерям, в течение долгого времени отрицательно сказываясь на социальных и экономических показателях и уровне жизни населения.

Субъекты принятия управленческих решений в общественно-политической сфере представляют собой пул конкурирующих между собой государственных и политических лидеров, крупных чиновников, общественных

объединений и организованных социальных групп. Конкуренция возникает между государственными и политическими деятелями, чиновниками исполнительной власти и представителями политических партий, выражающих различные интересы. Таким образом, логика управления общественно-политической сферой выстраивается как консенсус различных социально-политических групп. В случае же доминирования какого-либо политического деятеля или политической партии логика управленческого воздействия оказывается подчиненной единому центру, от которого зависит практически все.

Управленческие решения — это основной компонент государственного управления в общественно-политической сфере. Оно характеризуется воздействием государственной администрации на общество в целом, общественные объединения и граждан. Подобного рода решения могут представлять собой итоговый результат сочетания интересов различных политических акторов, обладающих собственными интересами и целями, позициями и ресурсами, стратегией и тактикой. В то же время они должны соответствовать следующим критериям:

- иметь прагматичный подход к выбору альтернативы преодоления социальной, экономической и политической проблемы с точки зрения эффективности;
- принятие управленческого решения должно осуществляться уполномоченным субъектом, имеющим на это полномочия и легитимный статус;
- субъект принятия управленческого решения обязан максимизировать результаты деятельности при минимизации затрат на средства их достижения;
- принятие управленческого решения должно быть направлено на достижение наибольшего блага государства, общества и гражданина;
- принятое управленческое решение должно быть приоритетным на данный момент времени;
- принятие управленческого решения должно контролироваться со стороны государства, общества и граждан.

Необходимо обратить внимание на исторические примеры, которые иллюстрируют необходимость понимания и научного осмысления принятия управленческих решений, которые влекут за собой серьезные последствия для всего социума. Субъект, принимающий управленческое решение в общественно-политической сфере, права на ошибку не имеет. Что касается оценки эффективности принятого управленческого решения, то при ее определении нужно исходить из механизмов контроля.

Именно контроль заставляет обратиться к критериям эффективности и прагматичности. Он может осуществляться гражданами, общественными объединениями, средствами массовой информации, политическими партиями и организациями, осуществляющими социологические исследования; и по результатам отчетов — правительства перед представительным органом, депутатов парламента и местных представительных органов власти перед

избирателями, отчетов руководителей государственных органов, различных комиссий перед общественностью и по результатам парламентских слушаний.

К политическим и экономическим решениям необходимо относиться с максимальной строгостью, так как от этого зависит уровень жизни граждан. Надо понимать, что по отношению к подобного рода решениям необходимо применять методы оценки и весь сектор критериев эффективности, исключая эмоциональную составляющую.

Самой главной оценкой деятельности политика являются результаты его избирательной кампании. Именно электорат дает оценку эффективности принятых управленческих решений действующим политиком. А это значит, что граждане при принятии решения во время голосования за того или иного кандидата во время выборов должны руководствоваться в первую очередь здравым смыслом и прагматикой.

Список литературы

1. Четвертый крестовый поход [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=550704&oldid=128686617> (дата обращения: 05.01.2023).
2. Никколо Макиавелли. Государь [Электронный ресурс]. URL: https://socioline.ru/files/5/81/nikkolo_makiavelli._gosudar.pdf (дата обращения: 28.12.2022).
3. Трунов А.А. Томас Гоббс и его политическая теория [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tomas-gobbs-i-ego-politicheskaya-teoriya> (дата обращения 28.12.2022).
4. Клех И.Ю. «Былое и думы» рейхсканцлера Бисмарка // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/science/2013-10-01/12_bismark.html (дата обращения: 28.12.2022).
5. Подписаны декларация и договор об образовании СССР [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/history/619858> (дата обращения: 05.01.2023).
6. Декларация об образовании СССР (1922) [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221230/deklaratsiya-1841834108.html> (дата обращения: 05.01.2023).
7. Государственный комитет по чрезвычайному положению [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=87370&oldid=128691625> (дата обращения: 05.01.2023).
8. Члены ГКЧП надеялись спасти Союз, но их выступление привело к противоположному результату [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/497281010.html?ysclid=lelqmqzlm826146948> (дата обращения: 05.01.2023).
9. Беловежские соглашения: 30 лет спустя [Электронный ресурс] // Владимирская областная научная библиотека. URL: <https://library.vladimir.ru/vystavki-2/belovezhskie-soglasheniya-30-let-spustya.html> (дата обращения: 05.01.2023).
10. Князев С., Лобанов М. «Решили судьбу огромной страны»: политики и общественные деятели — о Беловежских соглашениях 1991 года // Телеканал RT. URL: <https://russian.rt.com/science/article/936146-belovezhskie-soglasheniya-sssr> (дата обращения: 05.01.2023).

С.Г. КАРАБАЕВ
И.И. МУШКЕТ

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ВНЕОЧЕРЕДНЫМИ ВЫБОРАМИ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПОДХОДЫ МИССИЙ СНГ И БДИПЧ ОБСЕ

***Аннотация.** В статье рассмотрены заявления мониторинговых миссий Бюро по демократическим выборам ОБСЕ (БДИПЧ) и Содружества Независимых Государств (СНГ), в которых даны оценки организации и проведения внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 года. Внимание уделено официальному комментарию Министерства иностранных дел Республики Казахстан, опубликованному в ответ на Заявление Миссии БДИПЧ. В ходе анализа текста Заявления БДИПЧ был выявлен ряд неточностей и оценок, создающих предпосылки для иностранного вмешательства во внутренние дела государства, проводящего выборы. Авторы, анализируя документ Бюро, подчеркивают тот факт, что при мониторинге избирательной кампании Миссия БДИПЧ не руководствовалась главным международным правовым актом в электоральной сфере на пространстве СНГ, — Конвенцией о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств.*

***Ключевые слова:** Республика Казахстан, миссия СНГ, группа наблюдателей МПА СНГ, миссия БДИПЧ ОБСЕ, избирательный процесс, международные стандарты, международное наблюдение за выборами, иностранное вмешательство.*

INTERNATIONAL OBSERVATION OF THE EARLY PRESIDENTIAL ELECTION IN THE KAZAKHSTAN OF REPUBLIC: APPROACHES OF THE CIS AND OSCE ODIHR MISSIONS

***Abstract.** In the article the statements of the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR) and the Commonwealth of Independent States (CIS) monitoring missions on the organization and conduct of the 20 November 2022 early presidential election in the Republic of Kazakhstan are reviewed. Attention is paid to the official commentary of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan published in response to the ODIHR Mission Statement. The analysis of the ODIHR Statement text*

КАРАБАЕВ Сергей Георгиевич — кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург
МУШКЕТ Иван Ильич — доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург

revealed a number of inaccuracies and assessments that create prerequisites for foreign interference in election. The authors, analyzing the Office's document, underline the fact that the ODIHR Mission was not guided by the main international legal act in the electoral field in the CIS space — The convention on standards of democratic elections, the voting rights and freedoms in the State Parties of the Commonwealth of Independent States — in monitoring the election campaign.

Keywords: *The Republic of Kazakhstan, the CIS mission, the IPA CIS observation group, the OSCE ODIHR mission, electoral process, international standards, international election observation, foreign interference.*

Международное наблюдение за выборами и референдумами — один из инструментов содействия демократическому развитию государства и общества. Посредством данного института органы государственной власти на основе результатов мониторинга избирательных процессов со стороны наблюдателей от международных организаций и иностранных государств имеют возможность совершенствовать национальное законодательство, повышать качество администрирования выборов и уровень правовой культуры граждан.

В условиях возрастающей глобальной конфликтогенности институт международного наблюдения, предоставляя возможности различным международным организациям, государствам, неправительственным и некоммерческим организациям участвовать в мониторинге избирательного процесса, все чаще становится способом вмешательства во внутривнутриполитические процессы стран, в которых проводятся выборы. Очевидной становится необходимость соблюдения международных стандартов не только государствами, но и международными мониторинговыми организациями.

Осуществляя мониторинг выборов, международные структуры применяют различные подходы к оценке организации и администрирования избирательного процесса. Их различие прежде всего заключается в распространении и внедрении ценностно-нормативной и методической базы при оценке избирательного законодательства и процесса на предмет соответствия их международным стандартам демократических выборов.

Основными международными документами, относящимися к стандартам наблюдения и на основе которых формируются подходы и методики мониторинга, являются: Всеобщая декларация прав человека Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года; Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года; Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года; Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 года (Конвенция СНГ)¹; Декларация Межпарламентской

¹ Подписана 7 октября 2002 года на заседании Совета глав государств СНГ в г. Кишиневе.

Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах-участниках Содружества Независимых Государств», принятая 25 ноября 2008 года (Декларация СНГ).

Применяемые международными наблюдателями подходы и методики, как правило, опирающиеся на международные правовые документы, используются в работе межправительственных или межпарламентских организаций. По нашему мнению, к таким методикам международного наблюдения следует отнести методики Миссий СНГ, включая группу наблюдателей от МПА СНГ и Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. Основным документом, который положен в основу организации международного наблюдения миссии СНГ, является Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. Уникальность Конвенции в том, что впервые в мировой практике удалось осуществить кодификацию стандартов демократических выборов в рамках межгосударственного образования и закрепить их посредством международного правового акта — конвенции, носящей обязательный характер [1, с. 25–27].

Для методического обеспечения работы миссии СНГ и группы наблюдателей от МПА СНГ на основе положений Конвенции разработаны Рекомендации для международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами и референдумами (далее — Рекомендации).

Следует отметить, что подготовка и принятие Рекомендаций проходит на основе обсуждения и согласования текста документа на уровне постоянных комиссий МПА СНГ с участием парламентариев государств-участников МПА СНГ, после чего утверждается на заседании Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ, в который входят руководители парламентов государств-участников МПА СНГ. В 2022 году на осенней сессии МПА СНГ в г. Самарканде была принята новая редакция Рекомендаций.

Миссии БДИПЧ ОБСЕ в мониторинге избирательных процессов опираются на Руководство по наблюдению за выборами, то есть на документ, разработанный самим же БДИПЧ, который утвержден в соответствии с внутренними процедурами Бюро. Но его содержание не согласовано с государствами-участниками ОБСЕ. Последняя редакция Руководства (6-е издание) относится к 2010 году.

В 2021 году авторским коллективом Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников (МИМРД), являющегося консультативным вспомогательным органом МПА СНГ, была подготовлена монография «Международное наблюдение за выборами», в которой были представлены

основные теоретико-методические различия мониторинга выборов между миссиями БДИПЧ ОБСЕ и экспертными группами МИМРД МПА СНГ [2]².

В монографии, имеющей как теоретическую, так и прикладную ценность, рефреном звучит вопрос, как и почему на практике проявляются фундаментальные различия в оценках, которые дают миссии БДИПЧ ОБСЕ и миссии СНГ (включая группы наблюдателей от МПА СНГ) по результатам наблюдения за организацией и проведением выборов и референдумов.

В связи с этим необходимо рассмотреть особенности подходов к наблюдению за выборами в странах СНГ на примере изучения результатов мониторинга внеочередных президентских выборов в Республике Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 года.

* * *

Согласно данным Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан, миссии международных наблюдателей на внеочередных президентских выборах в Казахстане представляли 35 иностранных государств и 10 международных организаций [3].

Миссию от СНГ составили 174 международных наблюдателя, включая 67 международных наблюдателей от МПА СНГ [3]. Также миссии направили Парламентская Ассамблея ОДКБ, Парламентская Ассамблея ОБСЕ, БДИПЧ ОБСЕ, Шанхайская организация сотрудничества, Организация исламского сотрудничества, Организация тюркских государств и Парламентская Ассамблея тюркоязычных стран.

Миссию наблюдателей от СНГ возглавил Генеральный Секретарь СНГ³ С.Н. Лебедев. Группу наблюдателей от МПА СНГ возглавила заместитель Председателя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Д.С. Мансури.

Группу долгосрочного наблюдения БДИПЧ ОБСЕ, которая приступила к работе 15 октября 2022 года, составили 30 экспертов, а в общем счете в день голосования на избирательные участки были направлены 299 наблюдателей [4]. Руководителем миссии БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за внеочередными выборами президента Республики Казахстан стала У. Гацек.

В выборах приняло участие 8 300 046 человек, что составило 69,44 процента от всех граждан, имеющих право голосовать [5]. Победу на выборах одержал действующий глава государства К.-Ж.К. Токаев, набрав 81,31 процента голосов избирателей [5].

² МИМРД МПА СНГ осуществляет информационно-аналитическое и методическое обеспечение деятельности группы наблюдателей от МПА СНГ при осуществлении мониторинга выборов и референдумов.

³ Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств с 1 января 2023 года изменено наименование должности Председателя Исполнительного комитета – Исполнительного секретаря СНГ на «Генеральный секретарь СНГ».

По завершению избирательной кампании Миссия СНГ и Миссия БДИПЧ ОБСЕ представили свои оценки относительно соответствия организации и проведения выборов международным обязательствам Республики Казахстан. Данные оценки опубликованы в виде заявлений на официальных интернет-ресурсах международных организаций.

Заявление Миссии наблюдателей от Содружества Независимых Государств по результатам наблюдения за подготовкой и проведением внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 года (Заявление СНГ) было опубликовано на сайте Исполнительного комитета СНГ 22 ноября 2022 года [6].

Заявление СНГ состоит из следующих разделов: «Общие положения», «Законодательная база для проведения выборов», «Списки избирателей», «Выдвижение и регистрация кандидатов в президенты», «Предвыборная агитация и освещение избирательной кампании», «Наблюдение за голосованием и подсчетом голосов избирателей» и «Выводы». В нем указан состав Миссии наблюдателей от СНГ, определены сроки, принципы и стандарты мониторинга выборов со стороны Миссии, а также взаимодействие международных наблюдателей СНГ в течение избирательной кампании с органами власти, общественными объединениями Республики Казахстан, наблюдателями от международных организаций и участниками избирательного процесса.

В Заявлении содержатся выводы о соответствии избирательного законодательства Республики Казахстан общепризнанным принципам и нормам международного права и оценка реализации органами администрирования выборов норм национального законодательства в ходе подготовки и проведения выборов. Также внимание уделено процедурным аспектам администрирования избирательного процесса. Выводы основаны на результатах анализа избирательного законодательства Республики Казахстан, который был осуществлен экспертами Штаба Миссии СНГ и МИМРД МПА СНГ.

Согласно Заявлению, Миссия наблюдателей Содружества пришла к выводу, что «выборы 20 ноября 2022 года проведены в соответствии с Конституцией и Конституционным законом Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан»; прошли на альтернативной основе; были прозрачными, справедливыми, открытыми и соответствовали принципам проведения демократических выборов; обеспечили свободное волеизъявление граждан Республики Казахстан».

21 ноября 2022 года – на следующий день после выборов – на сайте ОБСЕ было опубликовано Заявление о предварительных выводах и заключениях Миссии БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за президентскими выборами 2022 года (Заявление БДИПЧ), в котором были даны оценки завершившейся избирательной кампании в Казахстане [7].

Заявление БДИПЧ содержит описание организации и проведения внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 года, а также оценку политической ситуации в Казахстане,

активности представителей гражданского общества в контексте избирательного процесса [7]⁴.

При первом ознакомлении с Заявлением БДИПЧ внимание привлекают его начальные страницы, на которых отражены противоречивые выводы и заключения: с одной стороны, БДИПЧ ставит под сомнение соревновательность выборов и подчеркивает ограничения, применяемые, по мнению БДИПЧ, властями в ходе кампании, с другой стороны, положительно оценивает работу органов администрирования выборов Республики Казахстан по организации и проведению президентской кампании.

В ответ на Заявление БДИПЧ 21 ноября последовал официальный комментарий Министерства иностранных дел Республики Казахстан, в котором было сказано, что данный документ «страдает отсутствием объективности и ставит под вопрос эффективность БДИПЧ как важного института организации, который до настоящего времени пользовался поддержкой нашей республики» [8]. «В заявлении же содержится набор типичных для БДИПЧ ОБСЕ трафаретных и предвзятых выводов, демонстрируется полное нежелание воспринять развитие внутренней ситуации в нашей стране», — отмечается в официальном комментарии МИД Казахстана [8].

Выступая на заседании Постоянного совета ОБСЕ 8 декабря 2022 года Постоянный представитель Российской Федерации А.К. Лукашевич сказал: «Отмечаем и самые положительные оценки подготовки и проведения волеизъявления со стороны международного сообщества. Мониторинг электорального процесса осуществляли несколько тысяч наблюдателей, в том числе около 650 представителей иностранных государств, миссий Содружества Независимых Государств, Парламентской ассамблеи ОДКБ, Шанхайской организации сотрудничества и других международных и евразийских структур. В их рядах присутствовали и российские эксперты.

Из общих положительных выводов мониторинговых миссий выбивается лишь негативное заключение наблюдателей БДИПЧ. Солидарны с ранее озвученными оценками Казахстана об их необъективности и оторванности от реальности. Бросается в глаза, что на протяжении нескольких электоральных циклов они выдержаны в единой тональности и игнорируют прогресс в избирательной сфере страны. Такой подход в отношении государств-участников ОБСЕ «к востоку от Вены» стал традиционным для Бюро — на протяжении многих лет с фактами «на руках» мы акцентировали устойчивость «двойных стандартов» и географических перекосов его электоральной деятельности. Это обусловлено непрозрачностью и непоследовательностью выборной методологии Бюро. Нам не совсем понятно, почему в одних случаях эксперты БДИПЧ расценивают запрет выдвижения для независимых

⁴ Разделы Заявления: «Предыстория и политический контекст», «Избирательная система и нормативно-правовая база», «Органы по проведению выборов», «Регистрация избирателей», «Регистрация кандидатов», «Избирательная кампания», «Финансирование избирательной кампании», «Средства массовой информации», «Жалобы и обращения», «Гражданские и международные наблюдатели».

кандидатов как противоречие лишь его неназванным рекомендациям или пункту 7.5 Копенгагенского документа СБСЕ 1990 года, а Астане указывают еще и на несоответствие пункту 24 того же документа? Или почему при оценке потребностей мониторинга в государствах-участниках из числа стран ЕС игнорировались факты запрета вещания российских СМИ, а в постсоветских государствах ситуация на медиаландшафте в большинстве случаев рассматривается «под лупой» и представляется в негативном свете? Таких примеров много. Выправить неприглядную ситуацию можно лишь посредством выработки консенсусной методологии наблюдения, на чем многие годы настаивают Россия и ее партнеры» [9].

* * *

Заявление БДИПЧ и реакция на него со стороны властей Республики Казахстан стали предметом дискуссий не только на политико-международном уровне, но и в экспертно-аналитическом сообществе: снова встал вопрос об объективных подходах и методиках в мониторинге избирательных процессов. В то же время следует отметить, что Заявление Миссии СНГ не стало предметом для конфликта.

Исходя из принципа объективности, анализируя содержание Заявления БДИПЧ, представляется возможным показать на примере выводов, которые сделала миссия БДИПЧ, его несоответствие международным стандартам.

В Заявлении БДИПЧ формулировка, содержащая выводы по мониторингу выборов в Казахстане: *«Внеочередные выборы Президента Республики Казахстан 20 ноября прошли в политической обстановке, лишенной конкуренции, и, несмотря на эффективную подготовку, выборы подчеркнули необходимость дальнейших реформ для приведения соответствующего законодательства и его реализации в соответствие с обязательствами ОБСЕ по обеспечению подлинного плюрализма... Действующий Президент баллотировался в качестве совместного кандидата от всех парламентских партий и, по сути, ему не было брошено серьезного вызова в ходе сдержанной избирательной кампании. Способность граждан участвовать в политической жизни остается существенно ограниченной, а ограничения основных свобод сужают пространство для критических высказываний»* [7, с. 1].

Из выводов следует, что БДИПЧ дает оценку избирательному процессу в контексте общеполитической ситуации в Казахстане. Это свидетельствует о политизации мониторинга выборов со стороны Миссии БДИПЧ ОБСЕ.

С подобным заключением об отсутствии конкуренции и подлинного плюрализма согласиться не представляется возможным. В избирательной кампании приняло участие, помимо действующего Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева, еще пять кандидатов: К.Ж. Абден, Н.С. Ауесбаев, Ж.М. Дайрабаев, М.З. Кажыкен и С.П. Турсынбекова. Более того, в избирательный бюллетень была включена графа «против всех», наличие которой предоставляло избирателю законную возможность выразить свой протест.

По итогам президентских выборов победу одержал К.-Ж.К. Токаев, набрав 81,31 процента голосов избирателей. Каждый из конкурентов действующего Президента набрал менее 4 процентов голосов. За графу «Против всех» проголосовало 5,8 процента избирателей, что подчеркивает свободу выбора у голосующих.

В Заявлении БДИПЧ указано, что «Законом о выборах предусмотрено участие как гражданских, так и международных наблюдателей. Хотя международные наблюдатели аккредитованы ЦИК, формальной процедуры аккредитации гражданских наблюдателей не существует. *Гражданские наблюдатели имеют право наблюдать за голосованием и подсчетом голосов, но не за процессом подведения итогов выборов...*» [7, с. 3].

Изучение положений статьи 20-1 Закона о выборах Республики Казахстан дает основание не согласиться с таким заключением, так как из них следует, что национальные наблюдатели имеют право наблюдать за ходом голосования, процедурой подсчета голосов и оформления результатов голосования на избирательном участке, в пункте для голосования в условиях, обеспечивающих возможность четкого обозрения всех перечисленных процедур; наблюдать процедуру передачи протоколов о результатах голосования вышестоящим избирательным комиссиям; после проведения голосования знакомиться с протоколами избирательной комиссии об итогах голосования, получать их заверенные копии.

Следовательно, практически очевиден вывод о недостаточной изученности избирательного законодательства Республики Казахстан Миссией БДИПЧ ОБСЕ.

Внимания также заслуживает представленная в документе оценка процесса выдвижения регистрации кандидатов в президенты, в частности заявление БДИПЧ о том, что «действующий Президент баллотировался в качестве совместного кандидата от всех трех парламентских партий: правящей «Amanat», Демократической партии Казахстана «Ак Жол» и Народной партии Казахстана. В сочетании с ограничительными требованиями к регистрации кандидатов и политических партий это поставило под сомнение плюралистический характер конкурса, в рамках которого проходили выборы, в нарушение пунктов 3 и 7.6 Копенгагенского документа ОБСЕ 1990 года» [7, с. 4], дает все основания обратиться к нормам законодательства Казахстана и международных правовых актов.

Ни законодательство Республики Казахстан, ни Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств, установившая международные стандарты демократических выборов, не запрещают выдвижение кандидата в президенты от нескольких республиканских общественных объединений, в частности парламентских политических партий. Объективности ради скажем, что Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ также не содержит таких запретов.

Это позволяет утверждать о бесосновательной и произвольной трактовке со стороны БДИПЧ международных стандартов демократических выборов. По нашему мнению, при подготовке документов, содержащих оценки администрирования избирательного процесса со стороны международных мониторинговых структур, принципиально важное значение имеет фактический материал, подкрепленный доказательной базой.

Никакой критики не выдерживают приведенные в Заявлении БДИПЧ формулировки «Ряд собеседников МНВ БДИПЧ усомнились...» [7, с. 4], «Ряд собеседников МНВ БДИПЧ выразили обеспокоенность в отношении...» [7, с. 3,7,19], «Ряд собеседников МНВ БДИПЧ высказали мнение о том, что...» [7, с. 11] и так далее.

Аргументы Миссии БДИПЧ, представленные в документе, основываются на результатах взаимодействия с анонимными собеседниками. Факты встреч международных наблюдателей с участниками и организаторами избирательного процесса не задокументированы, что позволяет ставить вопрос о проведении Миссией мероприятий иного порядка, возможно, не связанных с международным наблюдением, одним из принципов которого является открытость его осуществления.

Заявление БДИПЧ о том, что «Ряд собеседников МНВ БДИПЧ усомнились в общественной пользе проведения внеочередных президентских выборов и высказали мнение, что выборы были назначены действующим Президентом для повышения его легитимности. 5 сентября Коалиция демократических сил, в которую входят оппозиционные политики и гражданские активисты, выступила против проведения внеочередных президентских выборов» [7, с. 4–5], также подчеркивает, что в документе вместо объективной оценки подготовки и проведения выборов распространяются взгляды анонимных источников.

Отдельного внимания заслуживают применение таких формулировок в Заявлении БДИПЧ, как «передовая международная практика», «международные стандарты». При этом аргументы, представленные в Заявлении, не подкреплены ссылками на Конвенцию о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств, которая была ратифицирована государствами-участниками СНГ, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о необоснованности использования Миссией БДИПЧ формулировки «международные стандарты». А отсутствие четкого перечня документов, устанавливающих международные стандарты демократических выборов, ставит вопрос о неопределенности нормативно-правовой базы, которая была применена миссией БДИПЧ для объективной оценки законодательства Республики Казахстан на предмет его соответствия международным стандартам демократических выборов.

Подчеркивая важность верификации фактического материала, отметим, что внимания заслуживают изложенные в Заявлении данные по дню голосования [7, с. 20]: «в 30 случаях бюллетени не были подсчитаны, и их

количество не было объявлено до начала голосования»; «В нескольких случаях безопасность избирательного бюллетеня не была обеспечена, как предписано законом, и не было показано, что урны для голосования пусты и надежно опечатаны»; «Лица, находящиеся за пределами избирательного участка, систематически регистрировали или отслеживали избирателей, которые пришли голосовать на 5 процентах наблюдаемых избирательных участков. В ряде избирательных участков МНВ наблюдала, как избиратели фотографировали свои бюллетени; в некоторых случаях избиратели информировали МНВ, что они делают это в качестве доказательства для своих работодателей»; «Планировка места для голосования не обеспечила тайну голосования на 4 процентах наблюдаемых избирательных участков»; «Наблюдатели от политических партий и кандидатов присутствовали более чем в двух третях наблюдений, преимущественно представляя Amanat и действующего Президента, а гражданские наблюдатели присутствовали в 85 процентах наблюдений. Тем не менее наблюдатели не имели четкого представления о процедурах голосования на 7 процентах, а наблюдатели МНВ не смогли наблюдать за процедурами голосования без ограничений на 5 процентах наблюдаемых избирательных участков...» и другие.

В этом же разделе Заявления дается следующая оценка голосованию: «В целом день выборов прошел спокойно. Процедуры голосования в основном соблюдались; *однако МНВ негативно оценила подсчет голосов более чем в половине наблюдений, а процессу подведения итогов не хватало прозрачности*» [7, с. 19].

Таким образом, данные, обнародованные БДИПЧ, не систематизированы, не подкреплены ссылками на источники, в частности отсутствует привязка данных к информации от территориальных и участковых избирательных комиссий, что ставит под вопрос достоверность этих сведений.

* * *

На основании проведенного анализа можно выделить принципиальные отличия Заявления СНГ и Заявления БДИПЧ в части методики оценивания результатов организации и проведения внеочередных выборов Президента Республики Казахстан.

Если в Заявлении СНГ главное внимание уделено именно оценке ответственности национального законодательства Казахстана и практики его применения международным обязательствам, то заключения БДИПЧ выходят за рамки избирательного процесса и даются в отношении внутривнутриполитической ситуации, при этом избирательная кампания представляется в Заявлении БДИПЧ скорее как некий временной этап, в рамках которого проводится анализ политической ситуации.

Возвращаясь к вопросу рассмотрения института международного наблюдения как инструмента внешнего вмешательства во внутренние дела государства, отметим, что Заявление БДИПЧ не только содержательно,

но и структурно оформлено именно как оценка политической ситуации: сперва демонстрируются выводы по мониторингу избирательного процесса с переходом на оценку политической ситуации в Казахстане, а затем приводятся аргументы, которые не подкрепляются фактами. Несмотря на наличие положительных оценок в адрес деятельности системы избирательных комиссий Казахстана в период избирательной кампании, Заявление БДИПЧ может рассматриваться как форма внешнего воздействия.

Подводя итог, следует сказать, что главная функция международного наблюдения заключается в объективной оценке именно избирательного процесса, его организации, применения нормативно-правовой базы в проведении выборов и референдумов. Это требует открытой, прозрачной, методически последовательной работы международных наблюдателей на основе соблюдения принципов и стандартов демократических выборов.

Сегодня все более важное значение приобретают международные правовые документы, которые опираются на Конвенцию СНГ и создают основу для методики наблюдателей от СНГ и МПА СНГ. Таким документом выступает Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах-участниках Содружества Независимых Государств» (Декларация СНГ).

В ней закреплены такие принципы международного наблюдения, как принцип уважения национального суверенитета, принцип открытости, принцип беспристрастности и другие принципы, обеспечивающие содействие демократическому развитию государства, проводящего выборы и референдумы.

В Рекомендациях для международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами и референдумами, наряду с принципами, изложенными в Декларации СНГ, закреплены принцип невмешательства в избирательный процесс и принцип недопустимости иностранного вмешательства в выборы. Соблюдение данных принципов дает государствам гарантию безопасности избирательного процесса.

Список литературы

1. Сафарзода Б.А. Золотой стандарт Конвенции. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств: основные положения и их применение на практике // Международный научно-аналитический журнал МПА СНГ «Диалог: политика, право, экономика». 2021. № 1.
2. Международное наблюдение за выборами / А.С. Бояшов, И.И. Мушкет, С.Г. Караваев [и другие.]. СПб: Секретариат Совета МПА СНГ, 2021. 84 с.
3. Центризбирком рассмотрел вопросы аккредитации международных наблюдателей и ее итоги, а также организацию работы онлайн-сервисов по спискам избирателей // сайт Центральной избирательной комиссии Республики

- Казахстан. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=7898> (дата обращения: 06.12.2022).
4. Kazakhstan, Early Presidential Election, 20 November 2022: Statement of Preliminary Findings and Conclusions. 21 November 2022 // сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/odihr/elections/kazakhstan/531800> (дата обращения: 06.12.2022).
 5. Итоги явки избирателей и предварительные итоги голосования на внеочередных выборах Президента Республики Казахстан // сайт Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=8012> (дата обращения: 06.12.2022).
 6. Заявление Миссии наблюдателей от Содружества Независимых Государств по результатам наблюдения за подготовкой и проведением внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 года // сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств. URL: https://cis.minsk.by/news/24432/zajavlenie_missii_nabljudatelej_ot_sng_po_rezultatam_nabljudenija_za_podgotovkoj_i_provedeniem_vneocherednyh_vyborov_prezidenta_respubliki_kazahstan (дата обращения: 06.12.2022).
 7. Заявление о предварительных результатах и выводах миссии по наблюдению за выборами Республика Казахстан – Внеочередные выборы Президента Республики Казахстан, 20 ноября 2022 г. // сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/0/a/531809.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).
 8. Официальный комментарий МИД РК к Заявлению о предварительных выводах и заключениях Миссии БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за президентскими выборами 2022 года // сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/464363?lang=ru> (дата обращения: 06.12.2022).
 9. О демократических реформах и досрочных президентских выборах в Казахстане. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации А.К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ 8 декабря 2022 года // сайт Постоянного Представительства Российской Федерации при ОБСЕ. URL: <https://osce.mid.ru/-/a-k-lukasevic-o-demokraticeskih-reformah-i-dosrochnyh-prezidentskih-vyborah-v-kazahstane-8-dekabra-2022-goda?inheritRedirect=true&redirect=%2F> (дата обращения: 12.12.2022).

ОТНОШЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются стратегия внешней политики государств латиноамериканского региона с Китаем и актуальные проблемы развития их отношений, которые привлекают повышенное внимание политиков, политологов, аналитиков и общественности. Усиление роли КНР в международных отношениях, вызванное ее интенсивным экономическим развитием, способствующим возвышению страны на мировой арене и восприятию ее как экономического и стратегического партнера, придают этим отношениям особое значение. Основной вывод исследования заключается в том, что Китай для стран латиноамериканского региона становится надежным партнером для развития и укрепления взаимовыгодных отношений на равных условиях.*

***Ключевые слова:** глобализация, интеграционные процессы, этнические конфликты, страны третьего мира, переходный период, аграрная экономика, энергетическая политика.*

RELATIONS BETWEEN LATIN AMERICA AND CHINA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

***Abstract.** The article deals with the foreign policy strategy of the states of the Latin American region with China and the actual problems of the development of their relations, which attract increased attention of politicians, political scientists, analysts, and the public. The strengthening of China's role in international relations, caused by its intensive economic development, which contributes to the country's rise on the world stage and the perception of it as an economic and strategic partner, attach special importance to these relations. The main conclusion of the study is that China for the countries of the Latin American region is becoming a reliable partner for the development and strengthening of mutually beneficial relations on equal terms.*

***Keywords:** globalization, integration processes, ethnic conflicts, third world countries, transition period, agrarian economy, energy policy.*

Современный мир существует в условиях отсутствия системы международных отношений: старая система (Ялтинско-Потсдамская) ушла в прошлое, новая пока не сформировалась. Мир переживает так называемый переходный этап, который определяется базовыми тенденциями,

касающимися в первую очередь интеграционных процессов: расширение Европейского Союза и НАТО, включение в них бывших стран Организации Варшавского договора, стремящихся отдалиться от России и пребывающих в поиске новой международно-политической идентичности.

Переходный этап актуализирует проблему возникновения этнических и других локальных конфликтов. Во многом это связано с образованием геополитического вакуума в пространстве еще относительно недавно действенной биполярности. В то же время растет влияние негосударственных субъектов международных отношений. Наконец, текущий этап определяется увеличением роли стран развивающегося мира, их стремлением расширить свое влияние до уровня традиционных центров силы, в том числе и таких, как США и Евросоюз. В данной ситуации особенную актуальность приобретают абсолютно все формы многосторонней дипломатии, которые позволяют успешно преодолевать противоречия в сфере международных отношений [1, с. 32].

Латиноамериканский регион и входящие в него страны так же, как и страны Азии, считаются странами третьего мира с развивающейся экономикой. По утверждению ООН, эти страны нельзя причислять к сообществу индустриально развитых государств. Разумеется, этот подход в значительной степени субъективен, так как многие страны третьего мира обладают достаточно развитыми экономическими системами. На наш взгляд, нужно исходить из того, что эти государства имеют свою специфику эволюции развития и, следовательно, должны быть объединены общими интересами и совместной международной политикой.

К странам третьего мира относятся 132 государства Азии, Африки и Латинской Америки. Еще не так давно большинство из них находилось в той или иной (в том числе колониальной) зависимости. Из-за колониального прошлого в социально-экономическом отношении они значительно отстали от развитых стран мира и в настоящее время зачастую имеют доходы ниже среднего уровня. Однако в странах третьего мира проживает более 80 процентов населения планеты. Соответственно, их развитие непосредственно связано с глобальными процессами.

* * *

В современном мире страны третьей группы отличаются аграрной экономикой, низким уровнем развития производственных сил, отсталостью в технической отрасли и сельском хозяйстве. В передовых странах Латинской Америки экономика характеризуется индустриально-аграрными особенностями. При этом в них удельный вес сельского хозяйства в 5–10 раз превосходит уровень индустриального развития. В то же время и уровень сельского хозяйства не является высоким, а в некоторых странах этот уровень и вовсе низкий. В частности, Бразилия, Аргентина, Мексика и Чили изготавливают продукцию в широком диапазоне: от современной техники

и устройств до примитивных средств для сельского хозяйства. В Бразилии и Мексике преобладает государственный капитал, а также высока включенность иностранного капитала в местный. Потребляемое продовольствие в основном представлено растительной, в частности, зерновой пищей [2].

В том числе и по данным причинам в последнее время наблюдается сближение стран латиноамериканского региона с Китайской Народной Республикой. Между ними развиваются не только дипломатические отношения, но и партнерские связи в политической и экономической сферах.

Многие китайские исследователи, аналитики и политологи считают, что в перспективе существуют веские причины для углубления отношений с латиноамериканскими странами. Речь может идти о таких векторах взаимодействия, как проблемы безопасности, прав человека и промышленной эволюции. По их мнению, основные направления возможного расширения сотрудничества могут охватывать такие секторы государственного развития, как совместная борьба за суверенитет, обеспечение прав человека и борьба за экономические и политические права. Кроме того, в политических предпочтениях Китая по отношению к потенциальным и реальным партнерам имеется специфический момент, касающийся поддержки в тайваньском вопросе [3].

Интересы Китая, совпадающие с желаниями латиноамериканцев, проявляются в расширении доступа к рынкам, связанного как с постоянной проблемой обеспечения экономического роста, так и с вопросами возведения нового мирового порядка, с одной стороны, соответствующего интересам этих регионов по обеспечению безопасности [4], с другой, — способствующего становлению Китая как глобальной державы.

Многие исследователи выделяют у Латинской Америки черты, сближающие ее со странами третьего мира, прежде всего по социально-экономическому развитию. Чаще всего речь идет о колониальной истории, повлекшей за собой распределение территориальных границ и явившейся причиной аграрно-сырьевой направленности хозяйства, о зависимости от иностранного капитала, внешних долгах, демографических и экологических проблемах, а также низком уровне жизни населения [5].

История отношений между Латинской Америкой и Китаем имеет достаточно глубокие корни. Начиная с далекого 1874 года латинские страны одними из первых стали устанавливать дипломатические отношения с Поднебесной, а после образования КНР в 1948 году продолжали развивать политические, торговые и экономические отношения, поддерживая территориальную целостность китайского государства.

В 1950-е годы торговые отношения между Китаем и Латинской Америкой находились на низком уровне: товарооборот составлял лишь 1,9 млн долларов; но уже к 1960 году он увеличился и достиг уровня 39,1 млн долларов [6]. После долгой политической изоляции вследствие «культурной революции» и экономических реформ Мао Цзэдуна в Китае начался

кратковременный период «Пекинской весны». Процесс либерализации критики «культурной революции» помог Ден Сяопину стать фактическим правителем Китая в период с 1977 года по 1992 год. Как основатель и автор реформ, которые способствовали росту экономики, Ден Сяопин создал социалистическую систему, учитывающую китайскую специфику, — систему с элементами рыночной экономики в коммунистическом плановом хозяйстве. Эти реформы вывели КНР в мировые лидеры по развитию экономики; высокие темпы роста открыли для страны новые возможности в системе международных отношений. Тогда же в поисках новых партнеров и рынков китайское политическое руководство направило свои взоры на латиноамериканский регион [7, с. 13–17].

* * *

Отметим, что в течение долгого времени Латинская Америка в силу географической отдаленности для КНР интереса не представляла. Ко всему прочему этот регион находился под доминирующим влиянием США. Но уже к концу 1990-х годов во многих латиноамериканских государствах и странах Карибского бассейна было установлено прочное экономическое китайское присутствие.

Реформирование китайской экономики поставило на новый уровень торговые отношения с латиноамериканским регионом. В начале 1970-х годов сначала правительство Кубы, а затем и Чили, установили дипломатические отношения с Китаем, дав толчок широкому признанию Пекина в регионе. Куба оказалась первой страной на Карибах, разорвавшей отношения с Тайванем; этот политический акт оказал влияние на товарооборот двух стран, объем которого вырос до 353,1 млн долларов.

Отношения государств карибского региона к Китаю стали резко меняться после 26 сессии Генеральной Ассамблеи в ООН (1971), когда некоторые страны-члены Сообщества Латинской Америки, в частности Мексика, Куба, Эквадор, Перу, Чили, Тринидад и Тобаго, единогласно проголосовали за исключение Тайваня из состава ООН. В 1972 году Мексика, Аргентина и Ямайка, а через два года Венесуэла, Бразилия, Тринидад и Тобаго признали Тайвань неотъемлемой частью КНР; позже к ним присоединились Барбадос, Суринам, Эквадор и Колумбия [8].

* * *

Современный мир находится в постоянно меняющихся условиях, которые зависят от изменений как экономического, так и политического аспектов; разные факторы оказывают влияние на социальную жизнь мирового сообщества. Экономические и социальные связи в мировом пространстве претерпевают трудности, — изменения в экономике усложняют жизнь людей, появляются препятствия, которые губительным образом сказываются на торговых отношениях. Актуальные проблемы мирового пространства

многогранны, их решение требует принятия немедленных действий, так как меняется природная среда, возрастает дефицит энергетических ресурсов, сложившаяся ситуация оказывает негативное влияние на международные связи. Во многих государствах наступает период стагнации экономики; для создания нормальных условий возникает необходимость совершенствования системы управления, способной изменить динамику жизни и ускорить темпы общественного развития.

Мировые кризисы происходят по причине появления экономических и политических кризисов, которые тормозят развитие общественного процесса. В латиноамериканских странах, в частности в Аргентине, экономика развивается при помощи и поддержке партнерских отношений с КНР посредством торговых обменов на основе принципов дружбы, сотрудничества и коммерческой заинтересованности [6].

Аргентина имеет большие запасы природных ресурсов: в ее распоряжении — углеводородное сырье, продукты сельского хозяйства, огромные запасы пресной воды. В стране развиваются и крепнут экономическая, политическая и военная сферы с перспективой стратегического партнерства и вступления в БРИКС. Страна обладает огромным потенциалом для взаимодействия и сотрудничества с развитыми экономиками мира, располагая высококвалифицированными кадрами, современными технологиями и развитым промышленным сектором.

Промышленные и технологические потенциалы для сотрудничества Аргентины и КНР имеют широкий спектр возможностей. Речь здесь идет не только о товарах и услугах, но и об использовании китайского опыта в хозяйственной сфере. К примеру, только за 2013 год товарооборот двух стран составил 2,5 млрд долларов, это означает, что по сравнению с показателями 2000 года он был превышен в 15 раз [9].

Что касается латиноамериканского региона в целом, то за период с 2011 года по 2017 год его товарооборот с Китаем значительно вырос. Этому способствовала заинтересованность в сотрудничестве обеих сторон для поиска и открытий новых рынков сбыта. КНР поставляет Латинской Америке недорогие китайские товары и возможность осуществлять контроль на сырьевом рынке сбыта. Китай стал участником разработки и добычи природных ресурсов, вкладывая инвестиции в промышленность многих стран региона.

Между Латинской Америкой и Китаем взаимосвязи активно развиваются, стратегическое сотрудничество отражается в том числе в усилении роли БРИКС на международной арене. За период с 2009 года по 2011 год было проведено три саммита; в 2009 году участники негосударственных субъектов международных отношений выступили с совместной декларацией, в которой определены методы борьбы с современными глобальными вызовами; усилилось воздействие «Группы 20», в состав которой вошли экономические субъекты, имеющие влияние на развитие мировой эконо-

мики. На сегодня можно констатировать, что, с одной стороны, отношение к странам третьего мира меняется, с другой, — эти страны и сами все активнее участвуют в системе глобального управления [10].

* * *

Развитие отношений между странами Латинской Америки и Китая способствуют укреплению позиций региональных организаций стран Карибского бассейна в Организации американских государств в статусе постоянного наблюдателя; они активно борются за запрещение использования ядерного оружия. Необходимо подчеркнуть, что Китай присоединился к Организации американских государств и активно сотрудничает с такими политическими образованиями, как Группа Рио¹, Андское сообщество², Меркосур³. Вступление Китая в Межамериканский банк развития в 2008 году укрепили его позиции в регионе. В качестве члена Межамериканского банка он воспринимается странами латиноамериканского региона как значительная альтернатива Соединенным Штатам и как средство освобождения от внешнего влияния. Мексика, Бразилия и Венесуэла воспринимают Китай как глобальную силу в противостоянии с США [5].

Страны Латинской Америки заинтересованы в сотрудничестве с КНР. Этому есть особые политические основания, главное из которых заключается в поддержке сильной страны в политических вопросах. В свою очередь Китай так же заинтересован в подспорье со стороны латиноамериканских стран по тайваньской проблеме, являющейся самым дискуссионным и острым вопросом в отношениях между ним и Соединенными Штатами.

В том числе и при непосредственной экономической, политической и моральной помощи Китая Южная Америка освобождается от влияния своего северного соседа. В настоящее время по объему инвестиций в латиноамериканский регион Китай уступает лишь США. Его кредиты в регион в 2015 году составили 120 миллиардов долларов. Такая активная экономическая политика и позиция Китая не устраивает США, так как, во-первых, 90 процентов обозначенных кредитов направляются на развитие сырьевого сектора, а во-вторых, многие страны Латинской Америки и Карибского бассейна отдают большее предпочтение китайским инвестициям, чем кредитам МВФ, отстаивающего интересы США.

Сегодня сотрудничество между латиноамериканским регионом и Китаем носит устойчивый и долговременный характер. Правительство КНР

¹ Постоянно действующий механизм политических консультаций стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

² Региональное социально-экономическое содружество стран Латинской Америки: Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу.

³ Постоянными членами МЕРКОСУР являются Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай и Венесуэла; на правах ассоциированных членов в блоке участвуют Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор и Перу.

объявило этот регион одним из своих основных торговых и стратегических партнеров [11, с. 425]. За довольно короткий срок Китайская Народная Республика перехватила инициативу у США и оказывает влияние на экономическое развитие Латинской Америки, расширяя внешнеторговые связи с Аргентиной, Бразилией, Мексикой, Венесуэлой, Чили, Эквадором и Перу.

Только в 2017 году прямые инвестиции КНР в экономику латиноамериканских стран составили более 240 миллиардов долларов США. По словам председателя Китая Си Цзиньпина, в перспективе — к 2025 году — объем экономического сотрудничества может увеличиться в два раза.

Новая стратегия китайского правительства предполагает конкретные шаги, включающие взаимное сотрудничество по внешней политике; развитие торговых отношений, кредитование, организацию региональных интеграционных групп; организацию и создание новых проектов обновления, строительство новой инфраструктуры, производственных корпораций и другие направления.

* * *

Присутствие КНР в латиноамериканском регионе все больше укрепляется, а расширение торговых, политических, экономических, хозяйственных связей благоприятно сказывается на развитии дружеских и долгосрочных отношений. Пекин грамотно и продуманно использует имеющиеся ресурсы и свое политическое влияние во многих странах латиноамериканского региона. В отдельных странах — в Аргентине, Боливии, Перу — наблюдается рост численности китайского населения.

С 2010 года по 2018 год численность китайцев в Аргентине превысила 120 тысяч человек; здесь продолжают развиваться социальные связи, в том числе те, что имеют отношение к предпринимательству. В составе китайского сообщества преобладают предприимчивые граждане, которые контролируют значительную часть розничной торговли во многих странах региона.

В частности, в той же Аргентине за один месяц было открыто 18 супермаркетов, многие предприниматели действуют в сфере производства товаров и оказания услуг, открывая прачечные и рестораны, предлагают услуги широкого спектра, необходимые для комфортной жизни в быту [12, с. 58–64].

Можно констатировать, что Китай для стран латиноамериканского региона становится надежным партнером для развития и укрепления взаимовыгодных отношений на равных условиях. Эти страны сегодня являются примером того, как в условиях мирового кризиса и глобальных вызовов можно активно поддерживать отношения на высоком уровне, вести диалог, налаживать контакты и действовать, исходя из взаимовыгодных начал и общих интересов.

Список литературы

1. Борзова А.Ю., Торкунова Ю.А., Агаев Ю.И. Китай — СЕЛАК: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. 2018. № 7.
2. National Security Strategy of the United States of America. Dststمبر 2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://ge.usembassy.gov/2017-national-security-strategy-united-states-america-president> (дата обращения: 07.07.2022).
3. ОЭСР — сельское хозяйство. [Электронный ресурс] // URL: <http://oecdru.org/agro.html> (дата обращения: 07.07.2022).
4. Старовойтова Е.О. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна в современной внешнеполитической стратегии КНР. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strany-latinskoy-ameriki-i-karibskogo-basseyna-v-sovremennoy-vneshnepoliticheskoy-strategii-knr>.
5. Демченко Н.А. Геополитические интересы Китая в Латинской Америке в начале XXI в.: стратегическое партнерство как способ их реализации. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-interesy-kitaya-v-latinskoy-amerike-v-nachale-xxi-v-strategicheskoe-partnyorstvo-kak-sposob-ih-realizatsi>.
6. The World Bank // national accounts data and OECD National Accounts data files: GDP per capita. [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.pcap.pp.cd?end=2017&start=1990&view=chart> (дата обращения: 07.07.2022.).
7. Мастепанов А.М. Энергетическое сотрудничество в новых геополитических условиях: некоторые оценки и перспективы // Энергетическая политика. 2015. № 1.
8. Ядрихинский М. Специальная военная операция на Украине и будущее постсоветского пространства // Международная жизнь [Электронный ресурс] // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/34496>.
9. Газета «Женьминь жибао». URL: <https://www.moftec.gov.cn>.
10. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма: научное издание / Л.П. Делюсин. МГУ им. М.В. Ломоносова. М. «Муравей». 2003. [Электронный ресурс] // URL: [https://rusneb.ru/catalog/005289_000028_RU_CCPL_KNIGA_63.3\(5Кит\)_Дэн+Ся_Д+298-455659/](https://rusneb.ru/catalog/005289_000028_RU_CCPL_KNIGA_63.3(5Кит)_Дэн+Ся_Д+298-455659/) (дата обращения: 07.07.2022).
11. Латинская Америка в современной мировой политике. М., Наука. 2009.
12. Васильев Н.В., Мироненков Е.Г. Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 2.

В.П. ВОЛКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ СССР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

***Аннотация.** Статья посвящена 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик и его роли в установлении мирового политического и экономического порядка. Автор анализирует фундаментальные причины возникновения СССР, обозначает основные этапы его биографии, определяя его место, роль и значение в отечественной и мировой истории.*

***Ключевые слова:** СССР, Советский Союз, революция, гражданская война, Великая Отечественная война, развитие, распад.*

HISTORICAL ROLE WITH THE USSR IN NATIONAL AND WORLD HISTORY

***Abstract.** The article is devoted to the 100th anniversary of the formation of the Union of Soviet Socialist Republics and its role in the establishment of the world political and economic order. The author analyzes the fundamental causes of the emergence of the USSR, outlines the main stages of his biography, determining his place, role and significance in domestic and world history.*

***Keywords:** USSR, Soviet Union, revolution, civil war, Great Patriotic War, development, disintegration.*

В обращении к участникам Валдайского форума 27 октября Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что «Развал Советского Союза разрушил и равновесие геополитических сил» [1]. С распадом СССР в 1991 году развалился прежний миропорядок, который держался на противостоянии социалистического и капиталистического блоков. В результате прекращения существования Союза в мире установилась гегемония коллективного Запада во главе с США, который сам объявлял правила игры и претендовал на статус мирового арбитра или жандарма в зависимости от ситуации. Но сегодня, спустя три десятилетия, человечество вновь оказалось на сломе эпох: появляются новые точки притяжения, и однополярное мироустройство, казавшееся стабильным и устойчивым, рушится на наших глазах. Этот процесс сопровождается кризисами, которые один за другим разгораются в разных уголках мира: локальные военные конфликты, рекордная инфляция, резкий рост цен на энергоресурсы, нехватка продоволь-

ВОЛКОВ Василий Петрович — кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-полковник в отставке, г. Москва

ствия и многое другое. Коллективному Западу все труднее контролировать мировую политику, в недрах которой возникают новые центры силы, что делает неизбежным завершение многолетней гегемонии США и его сателлитов в статусе членов блока НАТО.

30 декабря 2022 года исполнилось 100 лет со дня образования СССР. Вековой юбилей — достойный повод для того, чтобы попытаться, с одной стороны, проанализировать фундаментальные причины, приведшие в начале 20-х годов прошлого века к образованию огромного могущественного государства — СССР, с другой, — обозначить основные вехи исторического пути, определить место, роль и значение Советского Союза в отечественной и мировой истории.

К началу XX века Российская империя делила с Францией 4–5 место в мире по масштабам экономики и объему промышленного производства. В то же время Соединенные Штаты, Великобритания и Германия заметно превосходили Россию по данным показателям. При этом было немало оснований считать, что в течение двух-трех десятков лет Россия будет в состоянии по обозначенным параметрам выйти на первое место в Европе и соперничать с США за лидерство в мире. Об этом свидетельствовали более высокие темпы роста российской экономики, а также сделанные к тому моменту огромные вложения в инфраструктуру и в образование: к 1916 году, в частности, была достроена Транссибирская магистраль; к тому же времени по числу студентов инженерных вузов Россия вышла на лидирующую позицию в Европе.

В середине XX века Советский Союз сумел достичь второго места в мире по промышленному производству, притом это произошло в ходе целой череды катастрофических событий, таких, как гражданская война, массовая эмиграция значительной части образованного (значит — квалифицированного) населения, массовые политические репрессии, Великая Отечественная война. Демографические потери в результате перечисленных бедствий оцениваются в десятки миллионов человек.

Вопрос о том, почему страна пошла по столь трагическому пути и был ли возможен более мирный сценарий, является одним из наиболее спорных в российской историографии и публицистике. Предпринимаются попытки возложить вину за произошедшее исключительно на последнего российского императора Николая II, либо на свергнувших его в феврале 1917 года либеральных революционеров, либо на большевиков, пришедших к власти в октябре того же года.

Действительно, роль отдельных партий и конкретных личностей, оказавшихся на политической арене России в 1917 году, была весьма велика. Однако не следует забывать, что они были вынуждены действовать в обстановке, которая складывалась в течение десятков лет и была полна серьезных проблем и противоречий. Фактически монархическая система

власти загнала себя в исторический тупик, выход из которого обеспечили революции, приведшие к краху Российской империи.

После Февральской буржуазно-демократической революции начались дробление и распад страны. Возник целый ряд властных органов националистической буржуазии на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Средней Азии, Молдавии, Татарстане, Башкирии, Крыму и так далее. За две недели до Октябрьской революции было создано буржуазное правительство в Сибири. Некоторые из этих образований имели довольно крупные вооруженные формирования. Всюду происходили вооруженные столкновения и погромы с человеческими жертвами. Страна превращалась в сплошное Гуляй-поле. Усилия Белого движения и иностранных интервентов были направлены отнюдь не на укрепление единства страны, а напротив, на разрушение России и утрату независимости.

Надо признать, что партия коммунистов-большевиков во главе с В.И. Лениным сумела организовать и возглавить объединительное движение народов. Опираясь на волю трудовых масс, большевики поддержали образование на окраинах России советских республик, которые стремились к единению с революционным центром и восстановлению территориальной целостности страны. Многонациональная Красная Армия разгромила не только полчища интервентов, но и их пособников — белогвардейцев, и в итоге вышла победителем из яростной схватки с агрессией могущественных мировых держав: Англии, Франции, США и Японии.

После окончания Гражданской войны на территории бывшей Российской империи возникло несколько независимых государственных образований: РСФСР, в которую входили девять автономных республик и 14 автономных областей; Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская и Грузинская советские социалистические республики, Бухарская и Хорезмская народные советские республики, а также Дальневосточная республика. Образовались также и независимые национальные буржуазно-демократические государства: Латвия, Эстония, Литва, Польша, Финляндия.

Советские республики устанавливали между собой договорные отношения. Непосредственно перед образованием СССР между ними уже существовал военно-политический союз. С 1920 года между РСФСР и республиками начала развиваться система двухсторонних договоров, предусматривавших объединение ведомств и функций обороны, экономики, внешней политики, торговли, транспорта, финансов и средств связи, были ликвидированы таможенные границы. На общих принципах строилось налоговое законодательство. Бюджеты республик формировались в рамках общего бюджета. Таким образом, постепенно назрели предпосылки для образования федерации. Таковыми выступали прежде всего старые хозяйственные и культурные связи; необходимость совместной обороны; проведение единообразной внешней политики; установление единой правовой системы страны. В своем письме

от 22 мая 1922 года в Политбюро «О двойном подчинении и законности» В.И. Ленин указывал, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей Федерации Советских республик» [2, с. 194–196].

Повсеместное установление власти Советов закономерно способствовало все более прочному единению народов империи. Правящая партия большевиков смогла организовать и возглавить движение масс, сделавших выбор в пользу общего многонационального дома.

30 декабря 1922 года Первый Всесоюзный съезд Советов утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР в составе четырех республик: РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и ЗСФСР. На съезде был избран Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР, в состав которого вошли председатели ЦИК союзных республик.

В дальнейшем число советских республик постоянно увеличивалось. В середине 80-х годов XX века в состав Союза входило 15 республик, на территории которых проживало свыше 270 миллионов человек — представители более ста наций и народностей.

Создание Союза ССР явилось событием всемирно-исторического значения и стало началом качественно нового этапа в истории России и всего мира. На карте мира возникло невиданное ранее добровольное объединение равноправных народов. Новое государство решительно осудило национальную вражду и неравенство, колониализм и шовинизм, национальный гнет, империалистические войны, обеспечило условия для экономического, социального и культурного развития, надежную защиту страны от посягательств мирового империализма.

Советский Союз был подлинно социальным государством. В СССР впервые в истории человечества были реализованы социальные права: на восьмичасовой рабочий день; ежегодный оплачиваемый отпуск; право на труд, то есть на гарантированную возможность зарабатывать на жизнь своим трудом; бесплатное общее и профессиональное образование; бесплатное пользование детскими дошкольными учреждениями — детскими яслями, детсадами, пионерскими лагерями; бесплатное медицинское и санаторно-курортное обеспечение; бесплатное жилье и так далее.

Образование в Советском Союзе было всеобщим и тесно связанным с воспитанием человека и развитием личности. Медицинская помощь была доступна для всего населения страны. Советское здравоохранение и образование считались одними из лучших в мире.

Благодаря государственной политике сдерживания социального неравенства и расслоения общества дифференциация доходов населения в Союзе была в несколько раз ниже, чем в развитых западных странах. Здесь уровень вертикальной социальной мобильности (социальные лифты) значительно превосходил США и страны Западной Европы. Безработица в СССР практически отсутствовала. Были реализованы и политические права: отменены

сословия, введено всеобщее избирательное право; впервые в мире право участвовать в голосовании получили женщины и так далее.

Выгода от сложения сил республик, народов была значительно больше, чем их арифметическая сумма. С 1922 года по 1982 год (за первые 60 лет существования) общий объем продукции промышленности вырос в СССР в 537 раз, а в Армянской ССР — в 1048, в Молдавской ССР — в 969, в Казахской ССР — в 938, в Таджикской ССР — в 898, в Киргизской ССР — в 712 раз.

Были построены тысячи крупнейших заводов и фабрик, электростанций, шахт, проложены десятки тысяч километров железных дорог, линий электропередач, газо- и нефтепроводов. Советский человек первым побывал в космосе и первым же сумел использовать атомную энергию в мирных целях. Многие виды производимой в Советском Союзе гражданской продукции считались лучшими в мире. Быстро росло благосостояние населения. Все республики огромной страны совершили стремительный взлет к вершинам культуры, образования и науки.

Можно, таким образом, констатировать, что принципы, заложенные в основу СССР, позволили добиться уникальных достижений в государственном строительстве, преобразить облик страны, вывести ее народы на путь стремительного экономического, социального и культурного прогресса. Некоторые народы буквально за 15–20 лет смогли пройти огромный путь в своем историческом и общественно-политическом развитии, перешагнув через общественно-экономические формации.

В годы Великой Отечественной войны Советский Союз сумел мобилизовать все ресурсы на отпор врагу, организовать бесперебойную работу транспорта, промышленности, сельского хозяйства. Дружба народов, советский патриотизм и интернациональное единство ярко проявились в тяжелейшие годы войны. Перед фашистскими полчищами в едином строю стояли все советские люди, — воевали на фронте и трудились в тылу представители всех народов. Высокими государственными наградами были отмечены представители всех наций и народностей Союза.

В послевоенные годы совместными усилиями всех народов страны в рекордно короткие сроки было восстановлено народное хозяйство, осуществлена космическая программа, установлен военный паритет со странами коллективного Запада. Советский Союз оказывал громадное воздействие на все мировое развитие, выступая ведущей силой социалистического содружества, он помогал международному коммунистическому, рабочему, национально-освободительным движениям во всем мире.

* * *

Возникает вопрос, почему же СССР перестал существовать в декабре 1991 года, если все было так хорошо в государственном строительстве и в жизни советских людей? Историки и политики не сходятся во мнениях о причинах распада СССР. Называются самые разные причины, которые

затрагивают многие сферы общественной жизни: политическую, экономическую, социальную. Обозначу только некоторые из них:

- децентрализация политической системы, начатая по инициативе самой КПСС и осуществляемая первоначально внутри самой партии;
- провал коммунистической идеологии, которой социалистические государства «предпочли свободный рынок и демократию»;
- неумелые «реформы», ставшие истоками стремления к выходу из советского государства отдельных республик;
- неудавшаяся попытка ГКЧП, положившая начала процессу распада страны;
- формирование национальных элит в союзных республиках.

Также среди основных причин распада СССР в отечественной историографии называются экономические факторы.

Мобилизационный тип экономики, в том числе благодаря государственному перераспределению ресурсов из аграрной отрасли в промышленную, продемонстрировал на первых порах высокую эффективность. По темпам роста промышленного производства СССР превосходил большинство развитых стран. Однако по мере дальнейшего развития в советском социуме стали все очевиднее проступать признаки качественного «расстройства». Одним из наиболее значимых недостатков системы выступало все более увеличивавшееся противоречие между трудом и собственностью, что обусловило рост демотивации трудящихся. К 1980-м годам по темпам прироста производительности труда СССР уступал не только развитым странам капитализма, но и некоторым партнерам по социалистическому лагерю, превращаясь в страну хронического дефицита, что привело к росту общественного недовольства. Стремительно возрастала разбалансированность социально-экономической системы, отягощенная внутривнутриполитическими и внешними обстоятельствами.

Нет никаких сомнений и в том, что западные спецслужбы, в первую очередь США и Великобритании, активно использовали складывающуюся в СССР внутривнутриполитическую обстановку в интересах целенаправленного проведения специальной операции, содействующей разрушению Советского Союза и насаждению в образовавшихся независимых государствах прозападно настроенных государственных лидеров и правительств.

Конечно, проблемы существовали, но это были совершенно иного рода проблемы, чем те, которые преобладали в Российской империи до 1917 года. Их можно было спокойно решать, не нарушая целостности государства. Большинство граждан придерживались этой позиции. На Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года народ (112 млн, или более 76% всех участвовавших) практически однозначно высказался за сохранение и обновление Союза ССР.

С позиций сегодняшнего дня очевидно, что переоценить грандиозные успехи СССР просто невозможно. Прогрессивная роль образования

Советского Союза особенно ярко проявляется в сравнении с теми последствиями, которые принесло его разрушение. Недаром В.В. Путин назвал распад Союза величайшей геополитической катастрофой XX века. Выступая на церемонии подписания договоров о вступлении в состав России новых территорий 30 сентября 2022 года Президент России еще раз подчеркнул: «В 1991 году в Беловежской пуще, не спрашивая волю рядовых граждан, представители партийных тогдашних элит приняли решение о развале СССР, и люди в одночасье оказались оторванными от своей Родины. Это по живому разорвало, расчленило нашу народную общность, обернулось национальной катастрофой» [3].

Последствия исчезновения СССР с карты мира поистине грандиозны. И главное из них — это утверждение однополярной модели мироустройства при гегемонии США, присвоивших себе статус мирового арбитра, жандарма или палача, в зависимости от ситуации. В качестве иллюстрации сказанного приведу только несколько примеров:

- агрессия против Югославии с разрушением этого европейского государства;
- вторжение в Ирак, следствием которого стало становление и стремительный рост террористической организации «Исламское государство» (запрещена в России);
- военная кампания США в Ливии, принесшая стране вместо демократии многолетнюю гражданскую войну;
- провальная интервенция НАТО (фактически США) в Афганистан, которая за 20 лет так и не привела к ожидаемым результатам, закончившись бегством американских вояк и триумфом талибов. При этом там были оставлены запасы оружия, боеприпасов и подготовленные отряды боевиков-террористов.

Неудивительно, что с каждым годом доверие к США и их внешней политике падает во всем мире. Очевидно, что однополярная модель начинает терять устойчивость не только из-за ослабления позиций США как ее центра, но в большей степени из-за появления принципиально новых стран-лидеров и центров силы. И один из самых громких голосов сегодня у России. В последнее время ее внешняя политика строится на уверенности в том, что однополярный мир навсегда остался в прошлом, а на смену ему пришла многополярность, где Российской Федерации уготована особая роль.

Для этого у нашей страны есть все основания. Во-первых, Россия — правопреемница сверхдержавы — СССР. Во-вторых, у России по-прежнему огромная территория и богатейшие ресурсы, позволяющие ей оставаться одним из крупнейших экспортеров нефти, газа, угля, сельхозпродукции и удобрений, а также цветных металлов, без которых не обойтись современной промышленности. Кроме того, за десятилетия, прошедшие после окончания «холодной войны», Москва не просто восстановила военную мощь, но и в некоторых областях технологически превзошла Вашингтон.

Наконец, Россия демонстрирует сильную политическую волю к тому, чтобы стать полноценным и независимым полюсом силы, открыто оппонирующим США и их союзникам.

Ясно одно — жить по-старому уже не выйдет: прежний миропорядок пребывал в кризисе последнее десятилетие, а пандемия, события на Украине и обострение конфронтации России с Западом столкнули его с края пропасти. Теперь необходимо перестраивать не только международные институты, но и правила жизни вообще. Как подсказывает исторический опыт, без соперничества и конфликтов тут не обойдется. В этих условиях очень многое для судеб мира и человечества зависит от России.

* * *

Советский Союз исчез с политической карты мира и вряд ли когда-либо возродится в прежней форме и прежнем составе, в которых он просуществовал почти 70 лет. Верно сказано: тот, кто мечтает о возрождении прежнего Союза, не имеет головы, а тот, кто не жалеет о его развале, не имеет сердца. Но, как справедливо заметил Гераклит Эфесский еще до нашей эры, нельзя дважды войти в одну реку. После прекращения существования СССР прошло уже более 30 лет. Много это или мало? Для отдельного человека — много. Для страны, а тем более, для союза стран, это первые, но очень значимые шаги на пути становления общности новых независимых государств, получившей название «Содружество Независимых Государств» с известной и уже устоявшейся аббревиатурой — СНГ.

Сегодня СНГ — это содружество равноправных государств, в декабре 1991 года объединившихся на добровольной основе для решения совместных задач. Добровольное объединение равноправных государств является ярким примером использования бесценного опыта, приобретенного человечеством в ходе создания Союза ССР. В новом качестве и в новых условиях.

И сейчас, на мой взгляд, есть все основания утверждать, что создание СНГ позволило народам бывшего СССР сохранять все хорошее, что было в нашей общей стране. Нет сомнений, что большинство руководителей и рядовых граждан независимых государств понимает, что в тех условиях другая альтернатива вряд ли была возможна. Без СНГ последствия распада огромной страны могли быть просто чудовищными. Применительно к нынешнему времени актуальность Содружества только возрастает. Сегодня СНГ — это незаменимая площадка для коллективного общения глав государств, глав правительств государств-участников, руководителей экономического, политического, военного блоков, других направлений и отраслей. Ведь каждому ясно, что вместе мы сильнее. В этом, пожалуй, и есть главный смысл СНГ, его развития и укрепления.

Содружество активно поддерживает любые инициативы, направленные на сближение братских народов и государств, на реальную интеграцию их экономического, научного и культурного потенциалов ради общих

интересов, на укрепление дружбы и сотрудничества народов. Сама жизнь постоянно дает новые подтверждения старой истины: только мир и согласие — единственный путь, который ведет к добрососедству, налаживанию спокойной жизни в независимых государствах. Наши народы хотят жить в мире друг с другом, совместно выстраивать экономические, социальные и культурные связи. Старшее поколение с его опытом, авторитетом и мудростью играет немалую роль в разрешении межнациональных, межконфессиональных, социальных и иных конфликтов.

* * *

Время быстротечно. В мае 2025 года народы мира будут отмечать 80-летие победы над германским нацизмом, итальянским фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. А народы Содружества, кроме того, будут праздновать 80-летие Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в ходе которой общими усилиями представителей всех республик Советского Союза были разгромлены войска фашистской Германии, включающие солдат почти всех поработанных гитлеровцами стран Европы.

Уверен, что в преддверии этой знаменательной даты Содружество Независимых Государств активизирует системную работу, направленную на достойную встречу очередного юбилея Великой Победы. Сегодня это остро необходимо и актуально, как никогда ранее. Прежде всего потому, что многолетний традиционный антисоветизм западной пропаганды перерос в злобную, крайне агрессивную форму русофобии. Информационное и психологическое давление на умы граждан, проживающих на постсоветском пространстве, на территории стран СНГ, оказывается средством распространения фальшивой, откровенно лживой информации.

Коллективный Запад всеми средствами пытается внушить миллионам людей, прежде всего молодежи, извращенные представления об истории СССР, о его роли в победе над германским фашизмом; стремится поставить под сомнение силу и авторитет современной России, лишить ее статуса страны-победительницы, как наследницы и правопреемницы Советского Союза; делает все возможное, чтобы разделить и рассорить народы на постсоветском пространстве; используя исторические спекуляции и навязывая народам геополитические страхи, пытается разрушить наше духовное единство и добиться, в конечном счете, тех целей, которых не удалось достичь немецкому фашизму в беспримерной по трагизму и жестокости Второй мировой войне. Геополитическая ситуация, таким образом, становится все более напряженной. В этих условиях степень воздействия изощренной пропаганды стран коллективного Запада и информационной войны на неокрепшие умы молодых людей недооценивать нельзя.

Новое поколение граждан государств-участников СНГ не может не видеть, что мы едины в своих действиях по увековечению памяти

о защитниках Родины, сохранению исторической правды о Великой Отечественной войне, которая остается, пожалуй, одной из самых мощных скреп, объединяющей всех людей доброй воли, являясь важным фактором срыва зловещих планов наиболее деструктивных сил. Выступая на митинге-реквиеме в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» Генеральный Секретарь СНГ² С.Н. Лебедев подчеркнул: «Память о нашей общей Победе сегодня объединяет нас. Она преподает нам урок, что мы сильны и способны защитить свободу и независимость наших стран только в том случае, если будем вместе» [4].

Опыт СССР принадлежит не только прошлому. В современных исторических условиях становится очевидной нецелесообразность отказа от использования положительного советского опыта, например, в сфере образования и воспитания граждан России, иных независимых государств, прежде всего молодежи, в других сферах жизни общества. Этот бесценный опыт подлежит тщательному изучению, анализу и применению в практической работе в современных условиях, в том числе в деятельности государств-участников СНГ и других суверенных стран.

Список литературы

1. Владимир Путин: «Впереди самое опасное десятилетие со времен окончания Второй мировой войны» // Ведомости. 2022. 27 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/10/28/947788-vpered-samoe-opasnoe-desyatiletie-so-vremen-vtoroi-mirovoi> (дата обращения: 21.01.2023).
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 45.
3. Путин заявил, что развал СССР вопреки воле людей обернулся национальной катастрофой // ТАСС. 2022. 30 сент. URL: <https://tass.ru/politika/15920647?ysclid=leqrgcl7wy337764350> (дата обращения: 21.01.2023).
4. Лебедев: народы стран СНГ объединяет память об общей победе // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/mnenie/lebedev-narody-stran-sng-obedinyayet-pamyat-ob-obshchey-pobede?ysclid=leqrjcs3bs690414215> (дата обращения: 21.01.2023).

² Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств с 1 января 2023 года изменено наименование должности Председателя Исполнительного комитета — Исполнительного секретаря СНГ на «Генеральный секретарь СНГ».

ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА – ОСНОВНОЙ РЕСУРС ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ИЛИ ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме опубликования предвыборных программ политических партий, участвующих в избирательных кампаниях по выборам в органы местного самоуправления. На примере Самарской области рассказано о практике, сложившейся у избирательных объединений по опубликованию предвыборных программ в муниципальных периодических печатных изданиях, при участии последних в выборах органов местного самоуправления.*

***Ключевые слова:** избирательное право, предвыборная программа, политическая партия, избирательная кампания, органы местного самоуправления.*

THE ELECTION PROGRAM – THE MAIN RESOURCE OF THE ELECTION CAMPAIGN OR THE PROBLEM OF POLITICAL PARTIES

***Abstract.** The article is devoted to the problem of publishing election programs of political parties participating in election campaigns to local self-government bodies. Using the example of the Samara region, it is told about the practice of electoral associations to publish election programs in municipal periodicals, with the participation of the latter in election campaigns for local self-government bodies.*

***Keywords:** electoral law, election program, political party, election campaign, local self-government bodies.*

В научной литературе о предвыборных программах политических партий сказано довольно много. Еще в 2001 году Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации издал брошюру под названием «Предвыборная программа – основной ресурс избирательной кампании» под редакцией З.М. Зотовой – доктора исторических наук, профессора кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации [1].

СОШНИКОВ Валентин Викторович – консультант (помощник) секретариата фракции Самарской Губернской Думы, аспирант кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, г. Самара

По мнению Ю.А. Веденева, указанная брошюра должна была помочь кандидатам и политическим партиям грамотно разработать предвыборную программу и донести до избирателей главные идеи, которые лежат в основе их деятельности [1, с. 6].

Как отмечали авторы брошюры, разработка предвыборной программы является одним из важнейших аспектов деятельности партии. Политик, политическая партия или избирательный блок никогда не завоюют широкую поддержку населения и не обеспечат себе условия для победы на выборах, если у них не будет действенной предвыборной программы, политической платформы и концептуальных оснований для политического общения с гражданами [1, с. 7].

Согласно пункту 4 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях» при выдвижении кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления политическая партия обязана опубликовать свою предвыборную программу в порядке и сроки, которые установлены законодательством Российской Федерации о выборах¹.

Пункт 10 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) закрепил обязанностью политических партий, выдвинувших кандидатов, список кандидатов, которые зарегистрированы избирательной комиссией, не позднее чем за 10 дней до дня голосования публиковать свою предвыборную программу не менее чем в одном государственном или муниципальном (соответственно уровню выборов) периодическом печатном издании, а также разместить ее в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Для такой публикации используется бесплатная печатная площадь, предоставляемая избирательным объединениям, кандидатам в соответствии с настоящим Федеральным законом, иным законом, либо такая публикация оплачивается из средств избирательного фонда политической партии, избирательного фонда кандидата, выдвинутого этой политической партией².

Опубликование предвыборной программы политическими партиями, участвующими в избирательных кампаниях федерального уровня, не составляет никакого труда, поскольку федеральное законодательство предоставляет им печатные площади на безвозмездной основе в общероссийских государственных периодических печатных изданиях (например, в ходе

¹ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

² Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

выборов депутатов Государственной Думы — статья 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»)³.

Также не составляет труда и опубликование предвыборной программы партии при ее участии в избирательных кампаниях регионального уровня. Например, Закон Самарской области «О выборах депутатов Самарской Губернской Думы» предусматривает предоставление бесплатной печатной площади избирательным объединениям в региональных государственных периодических печатных изданиях (статья 62)⁴.

Вместе с тем существует проблема опубликования предвыборных программ политических партий, принявших участие в избирательных кампаниях органов местного самоуправления.

Как показывает анализ регионального законодательства субъектов Российской Федерации, при проведении избирательных кампаний органов местного самоуправления бесплатные печатные площади в государственных и муниципальных печатных периодических изданиях предоставляются лишь зарегистрированным кандидатам.

Между тем, например, согласно части 14 статьи 46 Закона Самарской области «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований Самарской области» политическая партия, выдвинувшая кандидатов, которые зарегистрированы окружной избирательной комиссией, не позднее чем за десять дней до дня голосования публикует свою предвыборную программу не менее чем в одном муниципальном периодическом печатном издании, а также размещает ее в Интернете. Для такой публикации используется бесплатная печатная площадь, предоставляемая кандидатам в соответствии с Федеральным законом, настоящим Законом, либо такая публикация оплачивается из средств избирательного фонда кандидата, выдвинутого этой политической партией⁵.

Размер бесплатной печатной площади, предоставляемый зарегистрированным кандидатам в муниципальных периодических печатных изданиях, очень мал и зачастую напоминает размер спичечного коробка, что не позволяет политическим партиям, выдвинувшим кандидатов, произвести опубликование своих предвыборных программ на бесплатной основе. В качестве примера — публикация в размере 1/1 в «Самарской Газете» от 29 августа 2020 года [3].

³ Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014, № 8, Ст. 740.

⁴ Закон Самарской области от 18 апреля 2016 г. № 56-ГД «О выборах депутатов Самарской Губернской Думы» // Волжская коммуна. 2016. № 97 (29643).

⁵ Закон Самарской области от 31 декабря 2019 г. № 142-ГД «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований Самарской области» // Официальный сайт Правительства Самарской области. URL: <http://www.pravo.samregion.ru> (дата обращения: 31.12.2019).

Публикация кандидата в депутаты Совета депутатов Кировского внутригородского района городского округа Самара Самарской области второго созыва по одномандатному избирательному округу № 4 П.И. Воробьева в «Самарской Газете» от 29 августа 2020 года

Оплата опубликования предвыборных программ политических партий из средств избирательных фондов кандидатов, выдвинутых этими политическими партиями, носит крайне затратный финансовый характер, поскольку, как показывает практика, политические партии могут выдвигать своих кандидатов в один и тот же избирательный цикл в ходе проведения в субъекте Российской Федерации десятков и даже сотен избирательных кампаний. Яркий тому пример — 2020 год, когда на территории Самарской области проводилось 312 избирательных кампаний муниципального уровня.

В случаях же, если в соответствии с законодательством создание избирательных фондов кандидатов является необязательным и они не созданы, политические партии могут лишь обеспечить публикации своих предвыборных программ в пределах использования предоставленной бесплатной печатной площади зарегистрированным кандидатам.

Невозможность опубликования предвыборных программ политических партий, принимающих участие в избирательных кампаниях органов местного самоуправления, вынуждает партии к поиску возможностей для исполнения требований законодательства.

Так, некоторые из них, все же используют площади муниципальных периодических печатных изданий, представленных кандидатам на безвозмездной основе, публикуя не сами тексты предвыборных программ, а ссылки на свои предвыборные программы, размещенные в Интернете. В качестве примера приводим публикацию в размере 1/1 в «Самарской Газете» от 5 сентября 2020 года [4].

Публикация кандидата в депутаты Совета депутатов Октябрьского внутригородского района городского округа Самара Самарской области второго созыва по одномандатному избирательному округу № 1 Н.В. Сычевой в «Самарской Газете» от 5 сентября 2020 года

Другие же политические партии, все же изыскивая немалые денежные средства, используют для опубликования своих предвыборных программ платные площади муниципальных периодических печатных изданий, представленные кандидатам в результате соответствующих жеребьевок, производя оплату таких публикаций из средств избирательных фондов кандидатов, выдвинутых политической партией.

Необходимо отметить, что названное опубликование зачастую ограничивает право конкретного кандидата на ведение им предвыборной агитации, поскольку он вынужден уступить свою платную печатную площадь под размещение предвыборной программы политической партии, выдвинувшей его для участия в выборах. В ходе избирательных кампаний муниципального уровня политическая партия не уполномочена на открытие специального избирательного фонда партии, а, следовательно, на заключение договора с муниципальным периодическим печатным изданием от своего имени и последующей оплатой своей публикации.

Существуют случаи, когда политические партии и вовсе не публикуют свои предвыборные программы, ограничиваясь лишь их размещением в Интернете, не задумываясь о последствиях, так как некоторые нарушения правил предвыборной агитации остаются без внимания административного законодательства и не влекут административного наказания [2, с. 213].

Между тем избирательным комиссиям субъектов Федерации в рамках осуществления контроля за соблюдением избирательных прав граждан на соответствующей территории ЦИК России рекомендовано обратить внимание органов местного самоуправления на необходимость обеспечения условий для надлежащей реализации политическими партиями обязанности по опубликованию своей предвыборной программы, установленной пунктом 4 статьи 36 Закона о политических партиях, пунктом 10 статьи 48 Закона об основных гарантиях.

Статья 5.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях⁶.

Таким образом, в настоящее время законодателем не решена проблема, затрагивающая интересы политических партий, участвующих в избирательных кампаниях органов местного самоуправления.

Решение означенной проблемы возможно при внесении изменений в действующее избирательное законодательство, то есть необходимо предусмотреть обязанность политических партий, участвующих в избирательных кампаниях органов местного самоуправления, лишь в размещении своих предвыборных программ в Интернете, исключив тем самым обязанность по их опубликованию в муниципальных периодических печатных изданиях.

Альтернативным решением означенной проблемы может являться введение в действующее избирательное законодательство механизма предоставления политическим партиям, участвующим в избирательных кампаниях органов местного самоуправления, бесплатных площадей в муниципальных периодических печатных изданиях для опубликования предвыборной программы избирательных объединений. Автор выражает надежду, что сделанные им выводы помогут в совершенствовании избирательного законодательства.

Список литературы

1. Предвыборная программа — основной ресурс предвыборной кампании / Современные избирательные технологии. Москва, 2001.
2. Дианов М.А. О некоторых вопросах административной ответственности за нарушение правил предвыборной агитации / Омский научный вестник. 2006. № 8 (45).
3. Самарская Газета. 2020. 29 авг. № 182 (6619).
4. Самарская Газета. 2020. 5 сент. № 188 (6625).

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), Ст. 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

АБЫЛГАЗИЕВ Игорь Ишеналиевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова; ABYLGAZIEV Igor Ishenalievich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of GeoPolitics at Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University; abylgaziev.ii@mail.ru

БОРИСОВ Игорь Борисович, кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИ-ИП) заслуженный юрист Российской Федерации; BORISOV Igor Borisovich, Candidate of Law, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Honored Lawyer of the Russian Federation; borisov@roiip.ru

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации; VEDENEV Yuri Alekseevich, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation; yuravedeneev@yandex.ru

ВОЛКОВ Василий Петрович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-полковник в отставке; VOLKOV Vasily Petrovich, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired colonel general; volkovvp47@mail.ru

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, начальник отдела мониторинга законодательных инициатив и систематизации законодательства Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; GOLOVIN Aleksei Gennad'evich, Candidate of Law, Head of the Department for Monitoring Legislative Initiatives and Systematization of Legislation of the Legal Department of the Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation; aggolovin@mail.ru

ИВАНЧЕНКО Мария Александровна, преподаватель кафедры английского языка МГИМО МИД России; IVANCHENKO Maria Alexandrovna, Lecturer, English Department, MGIMO; m.ivanchenko@my.mgimo.ru

КАРАВАЕВ Сергей Георгиевич, кандидат юридических наук; KARAVAEV Sergey Georgievich, Candidate of Law Sciences; ksg.06@mail.ru

КОЛОКОЛЬЦЕВА Екатерина Владимировна, ведущая телеканала «ТВ-Центр»; KOLOKOLTSEVA Ekaterina Vladimirovna, Presenter, TV channel «TV-Center»; web@tvc.ru

КОШМАРОВ Михаил Юрьевич, кандидат технических наук, директор по разработке инновационных технологий фонда РОПЦ (Росполитика); KOSHMAROV Mikhail Yurievich, Candidate of Technical Sciences, Director for Development of Innovative Technologies, Russian Social and Business Promotion Center, Russia; mk69@ya.ru

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович, главный советник отдела электронных ресурсов и издательской деятельности Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; LYSENKO Vladimir Ivanovich, Chief Adviser of the Electronic Resources and Publishing Department of the Russian Center for Electoral Technology Training at the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation; vlysenko@cikrf.ru

МАКАРОВ Иван Иванович, председатель Избирательной комиссии Ненецкого автономного округа, соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; MAKAROV Ivan Ivanovich, Chairman of Regional Election Commission of Nenetsky Autonomous District, Applicant of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty, Lomonosov State University; makarov426@gmail.com

МАНОЙЛО Андрей Викторович, доктор политических наук, вед. науч. сотр. отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; MANOILLO Andrey Viktorovich, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; cyberhurricane@yandex.ru

МУШКЕТ Иван Ильич, доктор юридических наук, профессор; MUSHKET Ivan Ilyich, Doctor of Law, Professor; mii@iacis.ru

ОЛЕНЧЕНКО Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук; OLENCHENKO Vladimir Anatolyevich, Candidate of Law Sciences, Senior Research Fellow, Centre European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; olenchenko.vladimir@mail.ru

ПЕРЕВЫШИН Никита Владимирович, руководитель ООО «Центр исследования правоприменения»; PEREVYSHIN Nikita Vladimirovitch, Director, Law Enforcement Research Center LLC; nvperevyshin@yandex.ru

СЛУЦКИЙ Леонид Эдуардович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации; SLUTSKY Leonid Eduardovich, Doctor of Economics, Head of the Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Deputy of the State Duma of the Russian Federation

СОШНИКОВ Валентин Викторович, аспирант кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, консультант (помощник) секретариата фракции Самарской Губернской Думы; SOSHNIKOV Valentin Viktorovich, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Consultant (Assistant) of the Faction Secretariat, Samara Provincial Duma; soshnikoff.valentin@yandex.ru

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич, ведущий специалист Ассоциации специалистов по информационным операциям; STRIGUNOV Konstantin Sergeyevich, leading specialist of the Association of Information Operations Specialists (AIOS); sks6891@gmail.com

ТРУБЕЦКОЙ Алексей Юрьевич, доктор психологических наук, руководитель Фонда РОПЦ (Росполитика); TRUBETSKOY Alexey Yurievich, Doctor of Psychology, Head of the Russian Social and Business Promotion Center, Russia; president@rupc.ru

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; TSYGANKOV Pavel Afanasievich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation; tsygankp@mail.ru

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич, доктор юридических наук; CHISTOBORODOV Ilya Grigorievich, Doctor of Law; I.Chistoborodov@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 1(27)
2023

ЯНВАРЬ–МАРТ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.ppressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала — 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 09.03.2023.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 73а